Жена пастора

Свидетельство о преследованиях, тюремных заключениях и мужестве христиан в коммунистической Румынии

Сабина Вурмбранд

Жена пастора

Свидетельство о преследованиях, тюремных заключениях и мужестве христиан в коммунистической Румынии

Сабина Вурмбранд

Copyright for P4A
©1970, 2005 Originally published in English as *The Pastor's Wife* by Sabina Wurmbrand

Жена пастора
ISBN: 978-0-88264-349-6
Отпечатано в Турции.
Тираж: 300 экз.

© 1970, 2005 «Голос мучеников». Авторское право защищено. Использование и размножение материалов публикации без письменного разрешения издателя запрещено, за исключением коротких цитат в критических и обзорных статьях. За разрешением на использование материалов обращайтесь по указанному ниже адресу.

Первое издание книги на английском языке вышло в 1970 г., второе — в 1989 г., третье — в 1994 г., четвертое — в 1999 г., пятое — в 2001 г., шестое — в 2005 г.

Библейские цитаты приведены из синодального перевода Библии.

Перевод Маргариты Тучковой
Редакторы: Пётр Наконечный, Светлана Филипчук

Часть первая

Глава 1
Встреча Советской Армии

Летом 1944 года, когда гитлеровская Германия потерпела крах, миллионные советские войска ступили на румынскую землю. Когда первые колонны подошли к Бухаресту, мы вскочили в трамвай № 7 и отправились им навстречу.

Был последний день августа, знойный и безоблачный. Нигде не было слышно выстрелов. Где-то из-за полей доносился колокольный звон.

Мой муж, Ричард, в то военное время пастор, знал много русских ещё по румынским лагерям. По своей природе они были инстинктивно религиозны, рассказывал он, вопреки двадцатипятилетнему «промыванию мозгов» атеистами.

— Мы должны выйти и встретить их, — сказал Ричард. — Свидетельствовать русским о Христе — это рай на земле.

Сойдя с трамвая на конечной остановке и вглядываясь в пыльную загородную дорогу, мы заметили вдали группу местных коммунистов с красными флагами, вышедших из подполья, чтобы приветствовать приход «доблестной Красной армии». Когда мы подошли ближе, они с недоверием покосились на нас, поскольку большинство населения пыталось держаться как можно дальше от освободителей, несмотря на то, что в Бухаресте им был подготовлен роскошный правительственный прием.

Ричард был заметным молодым человеком, высоким и плечистым, от которого исходила необыкновенная уверенность, причиной которой была его вера. Я стояла рядом с ним, сравнительно невысокая, и улыбалась, поскольку война закончилась и теперь все люди снова были друзьями.

В тени дерева, недалеко от нас, ожидали два или три румынских чиновника, нервно повторяя несколько недавно заученных слов на русском языке. Они пришли, чтобы преподнести незнакомцам традиционный дар — хлеб и соль.

Все мы вглядывались, в пока ещё пустую, дорогу, размышляя о том, что принесут нам гости. Теперь русские были нашими союзниками, однако они по-прежнему оставались армией завоевателей с хорошо известной всем любовью к изнасилованиям и грабежу.

Вдруг вдали появился мальчик на велосипеде, крутящий педали быстрее, чем если бы он спасался от погони.

«Они идут! — вопил он. — Русские идут!»

Коммунисты выстроились в шеренгу. К небу взвились красные стяги. Чиновники, обсуждающие планы торжеств, предстоящих в столице, стояли под горячим солнцем, как овны для жертвоприношения. Раздался рёв моторов мотоциклов. Через несколько минут показались первые танки.

Из их башен высовывались шлемы с красными звездами. Коммунисты во всю мочь запели «Интернационал». Пыльная дорога задрожала под тяжестью техники будущих узурпаторов нашей страны. «Великие защитники» замедлили ход и остановились.

Танк, идущий во главе колонны, стоял прямо напротив нас — матово-серая исцарапанная сталь и огромный ствол пушки, смотревший в небо. По окончании приветственного слова офицер наклонился и взял, преподнесенные ему, хлеб и соль. Он долго смотрел на черную буханку, как будто боясь, что она может взорваться, а потом залился смехом.

Молодой сержант, стоящий рядом с ним, поймал мой взгляд.

— Ну, красавица, — улыбнулся он. — А что ты можешь предложить?

Немногие женщины не побоялись выйти в этот день на улицу.

— Я принесла вам Святую Библию, — ответила я и протянула ему книгу.

— Хлеб, соль и Библия. Но мы все умираем от жажды! — захохотал он и снял свой шлем. Его белокурые волосы блестели на солнце. — В любом случае, спасибо!

Металлические гусеницы танков врезались в дорогу, из двигателей валил черный дым. Гремя бронёй, колонна исчезала из вида. Мы кашляли и терли глаза.

Из окон трамвая по дороге домой мы наблюдали за тем, как русские мародёрствовали: они выкатывали прямо на тротуар бочки с вином, тащили ящики с курятиной, окороками и сосисками.

Солдаты возбужденно тыкали пальцами в окна пригородных магазинов. В то время Бухарест был лишь жалким подобием прежнего себя, однако этим гигантским русским детинам он казался немыслимо богатым.

Ричард пытался поговорить с некоторыми из них, когда мы вышли из трамвая, но единственным ответом, который он получал, был: «Где здесь можно найти водку?» Таким образом, мы вернулись домой строить новые планы. Бог был украден у этих бедных душ и заменён обещанием земного рая, которого никогда не построить исключительно человеческими усилиями.

Все мы знали одно, и это грело наши души: нацистский террор, наконец, закончился. Люди надеялись, что русские успокоятся и вскоре с миром уберутся восвояси. Тогда мало кто догадывался о том, что с этого момента начинается новая тирания, ещё более жестокая, чем нацистская. Конечно же, я и не подозревала, что только что мы стали на путь, который приведет нас в тюрьму, путь, который будет отмечен могилами множества друзей.

* * *

Я не верила Ричарду, когда, перед тем как мы поженились, он предупредил меня: «Со мной твоя жизнь будет нелегкой».

В те дни мы мало заботились о Боге. И не очень много о других людях. Мы не хотели детей; мы хотели удовольствий.

Потом мы стали христианами. Ричард работал в норвежских, шведских и британских миссиях. Он стал пастором и начал играть важную роль во Всемирном совете церквей. Он проповедовал в храмах многих конфессий, а также в барах, борделях и тюрьмах.

К тому времени, когда пришли русские, мне шёл тридцать первый год, а Ричард был хорошо известным проповедником и писателем.

Наша семья подверглась гонениям и как евреи, и как христиане. Во времена фашистской оккупации, возглавляемой маршалом Антонеску, марионеткой Гитлера, Ричарда трижды арестовывали. Мы оба попали под трибунал вместе с семью другими евреями по обвинению в проведении «противозаконных религиозных собраний». Тогда в полицейский участок пришла румынка и сказала офицеру:

«Вы задержали моих еврейских братьев. Для меня было бы честью страдать вместе с ними!»

И этого оказалось достаточно. Она была арестована и подверглась пыткам вместе с нами. На нашем пути Бог послал нам много таких друзей. Они, как ангелы в человеческом подобии, день и ночь трудящиеся и рискующие собой ради нашего блага, появлялись на каждом шагу нашей жизни. У Бога есть тысячи и тысячи таких ангелов, и Он использует их, чтобы сделать нас такими, какими Он хочет видеть нас.

Одним из таких людей был влиятельный священник православной церкви, попавшей в милость к Антонеску. Во время суда над нами он свидетельствовал в нашу пользу и всегда подчёркивал, что мы — его братья во Христе. Немецкий баптистский пастор, Флейшер, и другие также свидетельствовали о нас, говоря, что мы несём важное христианское служение. Они рисковали своей жизнью, чтобы обличить судей, которым было хорошо известно о нашей невиновности, и оправдать нас.

Каждый раз, когда Ричард попадал в беду, за него неизменно заступалось мощное трио: пастор Солхайм, его жена и посол Швеции, фон Рейтерсверд, с которым они сами нас и познакомили. Без их многократного вмешательства Ричард просидел бы в тюрьме всю эру нацизма в Румынии. Посол имел значительное влияние в нашей стране, поскольку маршал Антонеску использовал его, держащееся нейтрально, посольство, для поддержки связей с Москвой. (Союзник Антонеску, Гитлер, в конце концов, мог проиграть войну.) Однажды, когда Ричарда забрали во время облавы на евреев и заставили отбывать трудовое наказание, его спас категорический протест фон Рейтерсверда, который в будущем поможет нам ещё бесчисленное количество раз.

Бухаресту, можно сказать, очень повезло. Наиболее страшные погромы происходили в провинции. За один день в Яссах были убиты 11 тысяч евреев. Возможно, в Бухаресте было десять праведных людей, о которых рассказывает Библия, как о причине сохранения Содома и Гоморры. Мы слышали, что в Яссах, при помощи норвежской миссионерки, сестры Ольги, выжили семь молодых девушек, которых она привела ко Христу. Как было переправить их в Бухарест до следующей расправы? Евреям не разрешалось путешествовать.

Друг-христианин, служивший в полиции, приказал арестовать девочек и отправить их в столицу. Мы встретили их у поезда и привели в свой домой, чтобы там скрывать. Другой молодой человек, вместе со своей подругой, сам добрался до столицы, чтобы найти убежище в нашем доме. Какой помощью, опорой и утешением все они стали для нас в последующие годы, особенно этот юноша. Он стал моим преемником и пастором после моего ареста.

Там, где есть желание, есть и возможность. Мы страстно желали спасти этих еврейских девочек от угрожающей им расправы. Однако очень много людей не хотело участвовать в христианском служении и исполнять свой долг перед Богом, позволяя погибнуть тысячам людей, которые могли быть спасены. К сожалению, не нашлось достаточного числа тех, кто пожелал бы спасти десятки тысяч евреев, депортированных из провинциальных городков, в том числе и мою собственную семью, жившую недалеко от пограничного городка Черновцы. Была зима. Арестованные падали на снег и замерзали; другие умирали от голода. Остальных уничтожали солдаты. Мои родители, мой брат и три сестры, много друзей и родственников никогда больше не возведут свои взоры к небу. Даже сегодня мысль о них подобна кровоточащей ране; она болит всякий раз, когда к ней прикасаешься.

История еврейского народа полна таких трагических событий, память о которых глубоко врезалась в сердце каждого еврея. Она поднимает их выше их личного горя и заставляет рыдать вместе с множеством людей из разных стран мира, оплакивающих общую трагедию еврейского народа.

К тому времени, как был свергнут нацизм, нашему единственному сыну, Михаю, исполнилось пять лет. Он впитал в себя гораздо больше, чем обычно впитывает пятилетний ребёнок, растущий в мирное время. Вокруг царили страх и смерть. Наша квартира была местом сбора христиан, и каждую ночь туда приходили люди, чтобы рассказать о своих бедах. Михай слушал их и рано узнал о жестокости и страданиях. Ричард учил сына, рассказывая ему истории. Михай обожал отца, который, невзирая на свою постоянную занятость служением, каждый день находил время, чтобы поговорить и поиграть с сыном. Однажды Ричард объяснил Михаю слова Иоанна Крестителя о том, что человек, имеющий две одежды, должен поделиться с неимущим.

— У тебя же есть два костюма, папа! — напомнил отцу Михай.

— Да, есть, — ответил Ричард, который только что купил первый новый костюм за многие годы. — Ты можешь отдать свой новый костюм старому господину Ионеску, который всегда ходит в изношенной вонючей куртке.

Ричард пообещал именно так и поступить, и удовлетворенный Михай отправился спать. Он очень серьезно всегда принимал то, чему его учили, и делал собственные выводы. Он был внимателен к тому, какое влияние его отец имеет на сердца людей. Иногда обращение, произведённое, благодаря труду Ричарда, приносило «плод» и для Михая: он становился любимчиком среди новообращенных, которые приносили ему игрушки и конфеты.

Во время войны мы были вынуждены переехать в меньшую квартиру. Наши соседи в новом доме были фанатичными антисемитами. Ненависть к евреям проникла в сердца румын, и даже христиане, особенно христианская иерархия, сыграли свою роль в её увековечении. Мало кто был в состоянии не поддаваться этой фобии.

В нашем дворе были наклеены большие плакаты Корнелиу Кодряну, руководителя «Железной гвардии» и символа антисемитизма. Слово «жид» было выбито как на наших удостоверениях личности, так и на наших сердцах. Мы чувствовали себя подавленными. Однако Ричард пошёл по соседям, пытаясь растопить лед. У него была уверенность в том, что души можно завоевать для Христа, а также вернуть доверие, разрушенное мирским цинизмом и жестокостью. Он мог найти нужные слова о Спасителе для разных людей или предупредить о Божьем наказании, не осуждая человека. Он мог очаровать или задобрить, но всегда был чрезвычайно прям. Его голубые глаза смотрели прямо в душу человека.

Ричард подходил к работе стратегически. Сначала он взялся за нашего квартиродателя, потом за одного из соседей. Он начинал с того, что пытался рассмешить их.

Как-то в ответ на шутку господин Парвалеску, наш сосед с третьего этажа, взорвался:

— Вы, евреи, никогда не сделали ничего хорошего!

Ричард, стоящий у него в гостиной, простодушно ответил:

— Это — чудесная швейная машина. Кто её производитель? Зингер! Погодите-ка, неужели она сделана евреем? Господин Парвалеску,

если вы действительно думаете, что евреи настолько бесполезны, лучше избавьтесь от неё!

Через коридор от нас жила язвительная женщина среднего возраста, госпожа Георгеску, которая всегда жаловалась на «этих евреев». Однако вскоре она начала вести с Ричардом доверительные беседы о своих бедах. Госпожу Георгеску оставил муж. Её младший сын был неуправляемым. Она боялась, что он подхватит какое-либо венерическое заболевание. Ричард обещал поговорить с ним.

— Даже если он и подхватит что-либо, — утешал её Ричард, — в наше время такие болезни можно вылечить. Кстати, лекарство было изобретено евреем.

Слово «жид» было выбито как на наших удостоверениях личности, так и на наших сердцах.

Постепенно Ричарду удалось победить предрассудки соседей. Тогда он проповедовал послание Евангелия — и вскоре люди начали меняться. Сначала мы ощутили не присущую им ранее вежливость, а со временем и привязанность. Плакаты Кодряну были заменены стихами из Библии. И в этом маленьком доме, в то время когда снаружи бушевал ад, мы жили как в другом мире, мире дружбы и взаимного расположения.

Один из наших новообретённых друзей был полицейским. Он ездил на мотоцикле, пил и бил свою жену. Ричард решился поговорить с ним, и Христос дал новое сердце полицейскому. После он даже катал Михая на мотоцикле, который в те времена был большой редкостью. Это делало Михая счастливейшим из всех мальчиков.

Когда начались воздушные налеты, мы не смогли покинуть город, поскольку евреям не разрешалось путешествовать. Но полицейский предложил отвезти Михая к друзьям в деревню, где тот пробыл, пока закончилось все худшее. Михаю было приказано, если его спросит кто-либо из посторонних, представляться прекрасным старым румынским именем «Йон Влад». Сын был в восторге от своих приключений.

Михай много слышал о жестокости и страданиях, но в том доме он познал безграничную доброту. Он был окружён огромным количеством друзей и, благодаря их любви, получил множество уроков, которые позже очень ему пригодились.

Ануца, одна из моих близких подруг, однажды зашла к нам на кофе. Невысокая и светловолосая, красивая и веселая, она приехала из Норвегии и говорила так плавно, как течёт река.

— О, эти русские! Вы слышали о нашей новой сделке с Москвой? Они заберут всю нашу пшеницу, а взамен... мы ещё отдадим им всю нашу нефть! Вчера я видела русского солдата с тремя наручными часами на каждой руке. Они отбирают их у людей на улицах, как будто собирают билеты на автобус!

Она смеялась, но нашей стране было не до смеха. Советская Армия уже ограбила нас на миллиарды долларов. И, как будто этого было ещё не достаточно, по приказу Кремля, наш военно-морской флот, наш торговый флот, половину железнодорожных составов и все автомобили теперь переправляли в Россию. Магазины опустели окончательно. Везде появились бесконечные очереди. Сталин обещал, что Советская Армия уйдет, когда Германия будет окончательно разбита. Возможно, этот кошмар скоро закончится.

— Давайте поговорим о чем-нибудь хорошем! Сабина, я слышала твою речь на женской конференции: какого адвоката мир потерял в твоем лице! Ты говорила очень красиво, и проповедь твоего мужа также была замечательной. Так много истории, и искусства, и философии. А не задолго ли два часа? Мы в Норвегии не привыкли к такой длительности служения, хотя мне хотелось, чтобы конференция длилась гораздо дольше.

Ануца любила поболтать. Она пришла, чтобы забрать новую партию нашего церковного журнала «*Друг*». Он был запрещён фашистами, и мы все трудились над тем, чтобы печатать и распространять его подпольно.

Мы наслаждались кратковременной религиозной свободой. Диктатор Антонеску был доставлен в Москву, а затем привезён обратно и расстрелян. Православные церковные иерархи, терроризировавшие евреев и протестантов, утратили своё абсолютное господство.

Наконец, у нас появилось демократическое правительство. Чтобы задобрить русских, коммунистам предоставили несколько высокопо-

ставленных должностей. Едва ли кто-нибудь из нас отдавал себе отчёт в том, что ожидает нас в будущем.

«В конце концов, — говорили мы, — это — двадцатимиллионная страна. У нас нет достаточного количества настоящих коммунистов, чтобы заполнить даже футбольный стадион».

* * *

На протяжении всей войны мы трудились, чтобы помочь жертвам нацизма — евреям, находящимся в концентрационных лагерях, детям, осиротевшим в результате массовых убийств, и румынским протестантам, которые в значительной степени подверглись преследованиям во время диктатуры Антонеску. Мы организовывали первую помощь венгерским евреям, а также другому угнетаемому меньшинству — цыганам.

Однако последние события создали новое меньшинство. Охотники стали дичью. Немецкие войска, отступая, оставили тех, кому теперь предстояло выбираться самостоятельно. Многие из них гибли.

Мы были против нацистов: они убили миллионы, опустошили целые города и страны; в их печах погибли наши друзья и родственники. Но теперь они были разбиты и больше не представляли собой опасности. Подавляющее большинство оставленных после отступления солдат были, так же как и мы, просто жертвами войны. Они голодали и пребывали в ужасе. Мы не могли отказать им в помощи.

Люди говорили:

— Ради убийц вы подвергаете себя напрасному риску.

— Бог всегда на стороне преследуемых, — отвечал Ричард.

Охота шла не только на Мартина Бормана и его компанию, а также и на глупых мальчишек, которые воскресными днями маршировали по городу в коричневых рубашках и стали солдатами по приказу. Не каждый из них был достаточно храбр, чтобы предпочесть смерть участию в нацистских массовых убийствах. Несмотря на то, что среди немцев и румын процветал антисемитизм, существовали также и небольшие группы людей, которые рисковали своими жизнями, чтобы помочь евреям. Зачем из-за Гитлера и его многочисленных последователей ненавидеть весь народ? Почему бы, вместо этого, не любить этот народ ради святых, живущих в его среде, и тех немногих, кто противился тирану?

Библия учит нас, что на самом деле значит быть евреем. Этимологическое значение библейского слова «еврей» *(иври)* означает «*стоять на другой стороне*». Первым евреем был Авраам, и был он в прямом смысле этого слова стоящим на другой стороне. Когда все люди поклонялись идолам, Авраам поклонялся живому Богу. Когда другие, захлёбываясь от злости, жаждали мести и превосходили в своих злодеяниях соседей, Бог давал ему мудрости отплачивать за зло добром.

В маленьком флигеле в своём дворе, наполовину заметённом снегом, мы прятали трёх немецких офицеров. В ночное время мы кормили их, выносили после них ведра. Мы ненавидели их прежние зверства. Мы сами были их жертвами. Но теперь мы говорили с ними, пытаясь помочь им как можно меньше чувствовать себя зверями в клетке.

Даже самые тяжкие преступления могут быть прощены через веру в Иисуса Христа.

Однажды вечером, когда я зашла в их убежище, немецкий капитан сказал мне:

— Я должен сказать вам то, что думаю. Вы знаете: укрывание солдата побеждённой армии грозит смертью. Тем не менее, вы это делаете, и вы — евреи! Я должен вам сказать, что, когда немецкая армия вновь возвратится в Бухарест, — а это, несомненно, произойдет, — я ни за что не сделаю для вас то, что вы сделали для меня.

Он странно посмотрел на меня. Я подумала, что должна хотя бы попытаться объясниться с ним. Садясь на перевёрнутый ящик, я ответила:

— Сейчас вы находитесь у меня в гостях. Мои родные были убиты нацистами, но, несмотря на это, пока вы находитесь под крышей моего дома, я буду не только защищать вас, но и относиться к вам с уважением, поскольку вы мои гости. Вы будете страдать. В Библии написано: «Кто прольет кровь человеческую, человеком его кровь будет пролита». Я буду защищать вас от русских, как только смогу, но от гнева Божия я не смогу защитить вас.

— Вздор, — воскликнул он.

Он похлопал меня по плечу. Я отклонилась. Его рука пролила невинную кровь. Он извинился:

— Я не имел в виду ничего плохого. Я просто задавался вопросом, почему еврейка должна рисковать своей жизнью ради немецкого солдата. Я не люблю евреев. И я не боюсь Бога.

— Давайте прекратим этот разговор, — предложила я. — Мы помним, что в Ветхом Завете, в Слове Божием написано: «Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской».

Он казался озадаченным.

— Это же было тысячи лет назад. Какое отношение к вам имеет то, что ваши предки пострадали в Египте?

Я ответила:

— Бог учит, имея на это полное основание, любить незнакомцев; ибо в конечном счёте мы все чужие друг другу... и даже самим себе. Как Он простил нас, так и мы должны прощать других.

— Постойте! — вознегодовал офицер. — Евреи совершили преступления против немецкого народа и против человечества. Справедливости ради, я должен сказать вам это в лицо. Но вы должны смотреть на нас как на людей, которые совершили преступления против евреев. И вы прощаете нам всё?

Я с полной серьезностью ответила:

— Даже самые тяжкие преступления могут быть прощены через веру в Иисуса Христа. У меня нет полномочий прощать. Это может сделать Иисус, если вы покаетесь.

Снаружи, со двора донесся мягкий хруст шагов по рыхлому снегу. Я выглянула через щель. Это был всего лишь глухой старый дворник из соседнего подъезда. Капитан закурил сигарету, раздобытую для них Ричардом (хотя сам он ненавидел курение). Он вдохнул и, передав её своему другу, сказал, обращаясь ко мне:

— *Милостивая фрау*, не буду говорить, что я понимаю вас. Но, возможно, если бы никто не имел этого дара платить добром за зло, о котором вы говорите, то убийствам не было бы конца.

Когда я встала, чтобы уйти, они также встали. Я сложила их белье в сумку, с которой обычно хожу в магазин, и вышла.

В конце концов этим офицерам удалось благополучно пересечь границу и вернуться в Германию. Однако многие тысячи таких, как

они, были схвачены и расстреляны или провели годы в советских трудовых лагерях вместе с советскими христианами, которые зачастую свидетельствовали им о Христе и приводили их к вере.

В то время каждый немец хотел избавиться от своей формы вермахта. Как гордо они когда-то носили эти хорошо посаженные мундиры со знаками различия и медалями! И как трудно теперь им было принять взамен бедную гражданскую одежду, которую мы могли предложить.

Именно в это время Ричард начал приводить домой русских солдат. Он был полон решимости свидетельствовать им о Христе в то время, как другие справедливо полагали, что страна должна избавиться от них как можно скорее.

— Будьте осторожны, Сабина! — как-то пошутила Ануца. — Что вы будете делать, если в вашем доме встретятся две армии?!

И мы старательно заботились о том, чтобы не допустить этого.

Ричард начал посещать казармы Советской Армии в качестве нелегального продавца дешевых часов. Вокруг него сразу же собиралась толпа солдат. Через некоторое время он заводил с ними разговор о Библии.

— Вы пришли не из-за часов, — разоблачил его пожилой офицер. — Вы хотите рассказать нам о святых.

Когда Ричард говорил, он подавал ему знак молчать, ложа руку ему на колено.

— Говорим о часах. Идет информатор.

Советская Армия была полна информаторов. Они шпионили за товарищами и сообщали всё, что те делали или о чём разговаривали. Молодые солдаты ничего не знали о Боге. Они никогда не видели Библии и не бывали в церкви. Теперь я понимала, почему Ричард когда-то сказал, что нести Евангелие русским — это «рай на земле».

Я познакомилась с несколькими образованными людьми, знающими немецкий или французский. Я цитировала им молитву «Символ веры».

— Она начинается словом «*Верую...*». И это — не приказ партии, диктующей, как нужно мыслить. Бог говорит, что вы должны стать самостоятельно мыслящей личностью. Вы должны сами принимать решения о том, во что верить. Армия движется со скоростью самого медленного грузовика. И если люди идут толпой, они идут со скоро-

стью самого медленного человека. Христос же призывает вас выйти из массы. Наибольшая привилегия человека — это право сказать «да» или «нет», даже Богу.

Как прекрасно было видеть, как эти мужчины пробуждаются для истины.

В благовестие советским солдатам была вовлечена большая часть нашей церкви. Мы печатали тысячи Евангелий на русском языке. К солдатам, которые ходили группами, трудно было приблизиться, поэтому мы изобрели особый маневр. Войска приезжали в товарных вагонах, которые в течение нескольких часов стояли в тупиках, ожидая отправления. Мы садились в поезда, рядом с ними. Когда поезд начинал двигаться, мы поспешно раздавали Евангелия.

Советские солдаты часто отсыпались в нашей гостевой комнате. Однажды вечером ночевать остались шестеро. По всему дому стояли сапоги и винтовки. Мне всегда было тяжело избавиться от вшей. Но нервничали обычно не мы, а сами солдаты. Они давно уже не жили в доме. Как они были счастливы провести хотя бы час вдали от шумных казарм. Однако даже это не удерживало их от воровства.

Однажды в дверь постучали два мальчика в форме с лицами крестьян.

— Купите зонтик! — предложили они, демонстрируя три украденных образца.

— Ах, мы — христиане, — ответил Ричард. — Мы не покупаем, но у нас есть кое-что на продажу.

Он пригласил их в дом. Я принесла немного молока и предложила им попить. Старший из них, светловолосый и вряд ли более двадцати лет от роду, уставился на меня.

— Так это же вы дали мне Библию! — воскликнул он.

В тот же момент я узнала его.

— Вы — сержант из первого танка, въехавшего в Бухарест! — спокойно произнесла я.

Библия, подаренная мной, до сих пор стояла в его шкафчике. Он читал её, и у него возникли вопросы.

За обедом Иван рассказал нам, как он воевал почти на всей территории Восточной Европы. У него был друг, еврей, который, как и все остальные, был воспитан без религии.

— Пожилой солдат из нашей части часто нападает на этого еврея, говоря: «Ты убил Христа!» Еврей думает, что тот сошел с ума. Ведь он убивал людей на протяжении всего пути от Сталинграда до Бухареста. Откуда же ему знать, кого он мог убить? Может быть, и Христа.

Имя Христос было совершенно неизвестным для этого еврея. Однажды Иван привел его к нам домой. Ричард пересказал им всю Библию, от Адама до Откровения, и Сталин перестал быть их Богом.

Они часто приходили к нам. После передислокации своей части Иван оставил нам прощальный подарок — новую сияющую электрическую плиту.

Мы с Ричардом переглянулись. Мы оба знали, что она не была оплачена.

— Она прекрасна! — воскликнула Ануца. — Именно такая нужна Либманам!

Эта семья, вернувшаяся из Освенцима, находилась на грани нужды. Мы отвезли плиту им. Солдаты ограбили магазин и подарили плиту нам из благодарности за то, что мы указали им путь Христа. Простодушная любовь может проявляться странным образом. Если бы Бог на самом деле судил человека за все его поступки, то никто не получил бы спасения. Как хорошо, что кровь Иисуса Христа покрывает даже такой грех.

Ричард и его коллега по лютеранской церкви, пастор Магне Солхайм, открыли кухню, где кормили жертв войны. Наша квартира, превратившаяся в гостевой дом, всегда была переполнена друзьями и незнакомыми людьми. Многие из них были бывшими заключёнными, обратившимися ко Христу благодаря рьяному служению в тюрьме другого нашего друга, Милли. По воскресеньям мы никогда не садились за стол, не окружённые менее чем дюжиной людей.

Нам помогали молодые девушки. Иногда они просили у нас совета в вопросах морали. На один из них, в частности, я не знала, как ответить правильно, поскольку в своё время у меня была такая же проблема.

Когда мне было семнадцать лет, я жила в Париже. Впервые я оказалась свободной от родительского контроля. Я была воспитана в строгой ортодоксальной еврейской семье в небольшом городке, каждая сфера жизни которого была ограждена запретами, ограничениями и правилами. Теперь я училась в университете, и первый молодой человек в

моей жизни пригласил меня на свидание. Он хотел меня поцеловать, но я оттолкнула его. Я рассказала ему о том, как я была воспитана.

Он спросил:

— Если ты веришь в Бога, ты не будешь спорить с тем, что этот Бог создал руки и губы? И если я могу прикоснуться своей рукой к твоей, то почему мне нельзя коснуться губами к твоим или обнять тебя?

Ни учителя, ни родители — никто не предупредил меня, как вести себя в таких ситуациях. Я не могла возразить на его слова. К тому же молодой человек был очень привлекательным. Так что я изменила своим убеждениям, чтобы всецело влиться в полную наслаждения жизнь Парижа. Атеист свободен целоваться и вести себя так, как ему захочется.

Его глаза и руки были орудиями греха. А что касается моих глаз и моего сердца, они были его слугами. Однако совесть невозможно заглушить навечно. Эта проблема грызла меня изнутри. Почему девушка должна держать себя в чистоте? Это — сердцевина морального кодекса. Но для чего это нужно?

Тогда мне это было неизвестно. Лишь много лет спустя я получила ответ на свой вопрос.

Жена пастора обычно не обсуждает вопросы, связанные с сексуальной жизнью. Ещё меньше от неё ожидают, что она сама подвергнется подобным соблазнам. Однако оба — и пасторы, и их жены — люди. И в прошлом и Ричард, и я вели необдуманную жизнь, жаждав наслаждений. Мы были новообращенными и не знали многого из того, что христиане, верующие на протяжении всей своей жизни, считают само собой разумеющимся. Сексуальность имеет жизненно важное значение для человеческой природы, и в нашем браке стресс, вызванный ею, иногда был ошеломляющим. Ричард был настолько хорош, настолько красив и настолько умен, что я боялась, что лесть, которой он был щедро наделен окружающими, могла вскружить ему голову. В него влюблялись многие девушки, и к одной из них он испытывал особое влечение. Должна признать, что она была прекрасна: смотреть на неё было большим удовольствием. Я видела, что Ричард разрывается на две части. Не поднимая шума из-за этого, я пыталась помочь ему. Грех часто является результатом случая. И обязанность жены всегда находиться рядом с мужем в кризисных ситуациях, подобных этой.

Он ничего не говорил мне, но однажды, когда он играл христианский гимн на фортепиано и дошел до слов «Ты мне нужен каждое мгновенье», он зарыдал. Я обняла его за плечи и сказала:

— Ричард, ты — не ангел, не принимай всё это так близко к сердцу. Ты — всего лишь человек. Всё это пройдет.

И оно прошло. Но когда я оставалась одна в течение четырнадцати лет после ареста Ричарда, соблазны пришли и ко мне. И некоторым из них, находясь в горе и одиночестве, я чуть было не уступила. Тогда я смогла лучше понять мужа.

Глава 2
Террор

За одну ночь моя семья выросла от одного сына до четырёх и трёх дочерей. Тысячи еврейских детей-сирот возвращались из концлагерей, одетые в лохмотья и часто завернутые в бумагу в попытке согреться. Я люблю детей. Поэтому мы были рады принять всех шестерых. Я была рада, что они смогли найти прибежище в нашем доме.

Михай был в восторге. Он всё время повторял:

— Мама, вы говорили, что у меня не будет больше братьев и сестер, но посмотри, сколько их у меня теперь!

Они были прекрасными детьми, но совершенно худыми и изнеможёнными. И с такими испуганными глазами. Что же они видели? Все их родственники и друзья были убиты, зачастую прямо у них на глазах.

Вскоре их впалые щеки распрямились и порозовели, они начали смеяться и играть. Советские солдаты любили их. У каждого из них были свои собственные семьи, которых они не видели в течение многих лет. Часто на улице русские разговаривали с Михаем и другими детьми.

— Возьми конфетку, — говорили они, гладя их по маленьким головкам. Дети улыбались и благодарили их. В свою очередь они дарили солдатам Евангелия.

Такой поступок представлял собой опасность для взрослых, но не для детей. Русские обожали детей, и, таким образом, многим солдатам, которым иначе невозможно было бы засвидетельствовать, стало известно о Боге. Так Михай в возрасте пяти лет начал нести миссионерское служение.

Почти каждую ночь члены нашей церкви выходили клеить на стены, двери, бока автобусов, в залы ожидания плакаты со стихами из Библии или христианским посланием. Невзирая на то, что многие из наших друзей были арестованы за работу среди русских, никто не предал нас. Так же быстро, как коммунисты срывали плакаты, мы наклеивали их обратно. Одна из наших коллег по служению, Габриэлла,

была очень привлекательной девушкой. Для неё не составляло труда подойти к русским солдатам. Она подарила Библии нескольким высокопоставленным офицерам Советской Армии. Но в один прекрасный день Габриэллу арестовали русские и передали румынской милиции. Когда она сидела в тюремной камере в ожидании суда, пришёл человек и спросил, почему она была там. Когда она объяснила, на его лице появилась улыбка:

— Я постараюсь помочь вам, — тихо произнёс он и ушёл.

Вскоре в камере появился другой незнакомец и отпер её. Он вывел девушку на улицу через заднюю дверь и сказал:

— А теперь исчезните. Быстро!

Габриэлла ушла, свободная и благодарная Богу. Этот человек оказался недавно обратившимся ко Христу начальником милиции.

Мы видели много чудес. Наша подруга, госпожа Георгеску, была больна, но отказывалась обратиться к врачу. Она принадлежала к строгой секте, которая неодобрительно относилась к медицине. «Исцелять может только Бог», — говорили они. Всё своё свободное время госпожа Георгеску посвящала благовестию русским. Она была поймана и предстала перед комендантом, раздражительным мужчиной с красным лицом. Когда он начал кричать на госпожу Георгеску, у неё внезапно началось сильнейшее кровотечение. Офицер увидел кровь и побледнел:

— Выбросьте её! Быстро! — закричал он. Госпожу Георгеску вытолкали на улицу и оставили там. По Божьей воле ей удалось бежать.

* * *

— Бедные мои ноги! Сегодня утром я выстояла пять часов в очереди на улице Виктории, и это всё, что мне досталось.

В сумке Ануцы была горстка кофе и немного сероватой колбасы, которые мы видели впервые за несколько недель. Приближалась годовщина советского «освобождения». В течение двух дней в магазинах была еда. Потом полки снова опустели, и в витринах остались только пыльные картинки с изображением мяса и пустые бутылки из-под вина. Румыния находилась на грани голода.

В придачу к советским грабежам и вымогательствам (которые они считали «военной контрибуцией») пришла засуха, приведшая к потере

урожая, в результате чего миллионы людей начали сильно голодать. Люди варили суп из листьев и корней деревьев.

Всемирный совет церквей присылал нам еду, одежду и деньги, и мы организовали помощь для голодающих. В столовой, открытой в церкви пастором Солхаймом и Ричардом, каждый день кормили двести человек. Административная работа была трудной, к тому же коммунистическое правительство пыталось саботировать наши усилия. Но у нас всегда было много добровольных помощников.

Нами была достигнута договоренность о том, что дети, живущие в районах, наиболее пострадавших от голода, должны быть привезены в Бухарест и поселены в домах братьев и сестер. Мы взяли маленькую шестилетнюю девочку. Она была худая, как лезвие, и попала к нам лишь в том, во что была одета. Прежде всего я дала ей хорошую еду: кашу с сахаром и молоком. Но она отказалась есть. Она была из крестьянской семьи и хотела, чтобы ей дали привычную ей пищу: *мамалыгу* (блюдо из кукурузы) — единственное, что она знала. Нам пришлось очень серьезно поговорить с ней, чтобы убедить попробовать нашу еду. Потихоньку она начала набирать вес.

Мы очень полюбили нашу девочку. Однажды она сказала:

— Я буду любить вас до осени. Потом будет новый урожай, и я вернусь к своим родителям.

Когда русские заняли Будапешт, мы начали искать человека, который мог бы отвезти туда деньги на служение по оказанию помощи нуждающимся. Ричард не мог оставить Бухарест, поскольку никто не в состоянии был взять на себя его обязанности. Ехать пришлось мне.

— Не езди! Не надо! — воскликнула Ануца. — Эти русские солдаты голодны на женщин. На улицах находят девушек с перерезанным горлом, и никто ничего не может с этим поделать!

В довоенное время это путешествие не было длительным. Однако Советская Армия забрала в своё распоряжение все поезда и автомобили. На станциях была невообразимая путаница и паника, поскольку полчища голодных бродяг и беженцев пытались втиснуться в несколько доступных вагонов. После долгих поисков я нашла свободный угол. В течение нескольких дней мы ползли в Будапешт через всю страну. Я была единственной женщиной в поезде, полном русских солдат.

Когда я приехала, в городе по-прежнему велись бои с немецкими солдатами за отдельные дома. Город лежал в руинах. В нем не было ни автобусов, ни такси, ни любого другого вида транспорта. Я ходила среди дымящихся руин, не в состоянии найти никого из людей, которых я знала. Многие были депортированы немцами и больше так никогда и не вернулись. Другие были убиты в последние дни уличных боёв. В конце концов мне удалось отыскать пастора Джонсона, директора норвежской миссии, а также пастора Унгара, еврейского христианина, руководившего церковью, в которой поклонялись евреи и представители других национальностей. Они, как и я, не могли поверить своим глазам. Они смотрели на меня, как на ангела, посланного Богом, появившегося ниоткуда и принесшего помощь именно в то время, когда голод достиг своего пика. Когда люди вышли из подвалов, выросли цены на продукты питания. В городе ничего не было. Лошадей, погибших в результате боёвых действий, резали на мясо и съедали мгновенно.

Здания многих церквей были разрушены, и сотни братьев и сестёр остались без крыши над головой. Помощь, которую я привезла, была принята с радостью и огромной благодарностью.

Я встретилась с профессором Лэнгли, представителем Красного Креста в Будапеште, который неустанно оказывал помощь нуждающимся. Мы вместе пообедали, прежде чем я уехала домой. Я сказала:

— Да вознаградит вас Христос за то, что вы делаете.

Лэнгли ответил:

— Когда я однажды сел в трамвай и обнаружил, что у меня нет денег на проезд, кто-то заплатил за меня. Когда же я попытался поблагодарить его, он сказал: «Не благодарите меня, я возвращаю долг тому, кто вчера, когда я был в такой же ситуации, сделал добро мне». Поэтому не Христос должен вознаградить меня, а я должен выплатить свой долг перед Ним.

Из Будапешта я отправилась в Вену. Как правило, это четыре часа пути. Теперь на это ушло шесть дней!

Ранним утром я нашла поезд, который вот-вот собирался отправляться. Люди цеплялись к двери и сидели на крыше. Казалось, невозможно было поместиться на нем ещё хотя бы одному человеку.

Вдруг я услышала, как кто-то зовет меня по имени. На крыше товарного вагона ютилась группа девушек, которым удалось выжить в Освенциме и которые жили у нас в Бухаресте.

— Здесь нет места, но мы потеснимся! — смеялись они.

Люди варили суп из листьев и корней деревьев.

Таким образом, со вторника до воскресенья мы, сидя на этой крыше, ехали в Вену. Этот город также находился в полной разрухе. Люди сильно голодали. После многих приключений я связалась там с друзьями и руководителями церквей и вернулась только тогда, когда вся работа была завершена.

В течение нескольких недель я находилась вдали от дома без любой связи с ним. Ричард сказал мне:

— Мы очень боялись за тебя. Я видел тебя в видениях, во снах.

Когда он открыл книгу, то увидел в ней моё лицо. Когда ветвь постучала об оконное стекло, он проснулся, думая, что я вернулась.

— Я гулял в горах, — рассказывал он, — и громко звал тебя. Мне показалось, что я слышал, как ты ответила мне.

И я слышала, и ответила. Я также, обыскивая разрушенные и замусоренные улицы, звала: «Ричард! Ричард!»

Мы были так близки...

* * *

До этих пор местные коммунисты играли в демократию. «Мы хотим иметь дружественные взаимоотношения с каждым! — провозглашали они. — Свобода вероисповедания? Безусловно. Многопартийный кабинет во главе с королем Михаем в качестве конституционного монарха? А почему бы и нет?» Всё это делалось лишь с одной целью: ввести в заблуждение западные державы. Теперь же страной руководили из Москвы.

Маска была сброшена, когда однажды советский министр Вышинский браво вошёл во дворец и начал отдавать приказы. Армия и полиция подлежали расформированию. Король Михай I должен был назначить на ключевые посты доверенных коммунистов, иначе...

Мы знали, как в России церковь была превращена в инструмент, с помощью которого государство управляло людьми. Сколько времени пройдет, прежде чем всё это произойдет и в Румынии?

Я готовила церковь к воскресному богослужению, когда вошёл взволнованный пастор Солхайм. Он сказал:

— Странные новости. Правительство созывает так называемый Конгресс культов. Каждая конфессия, каждая религия должна послать на съезд большую делегацию. Конгресс будет проходить в здании парламента! Я никогда не слышал о чём-либо подобном. Что же они планируют?

Оставалось лишь догадываться или же довериться слухам. Многие руководители церквей верили в обещания правительством «полной свободы вероисповедания».

Ричард же задавался вопросом: «Не случится ли здесь то же, что произошло в России? Ленин решительно защищал так называемые преследуемые секты, пока не пришёл к власти. После этого десятки тысяч их представителей погибли в концлагерях. Сначала стоит лишь убаюкать церковь. А потом — нанести удар! Мы посовещаемся с Солхаймом. Он — глава миссии, решение — за ним».

«Мы поедем и возьмем слово», — сообщил о своём решении Солхайм.

Утром следующего дня мы поднялись на Парламентский холм. В плотно набитых галереях и на полу огромного зала сидели представители всех конфессий и религий: мусульмане и евреи, протестанты и православные — свыше четырёх тысяч епископов, пасторов, священников, раввинов и мулл.

Повсюду висели красные флаги. В качестве почетного президента Конгресса был официально избран Сталин. На возвышении, в президиуме, сидели высокопоставленные партийные государственные деятели: премьер-марионетка Петру Гроза и наделенный безграничной властью министр внутренних дел Теохаро Георгеску.

В патриархии состоялась служба, предшествующая Конгрессу. Руководство Коммунистической партии даже крестилось. Они целовали иконы. Целовали руку патриарха.

Начались выступления. Гроза, московский прихвостень, пояснил, что новое правительство Румынии поддерживает право румынского народа на вероисповедание, все религии и конфессии имеют гаранти-

рованную свободу, а работа духовенства будет оплачиваемая. Более того, оно планирует поднять им зарплаты. Эта новость была встречена всеобщими бурными аплодисментами.

В ответ священники и пасторы, один за другим, рассказывали о том, как они рады такому принятию коммунистами религии, уверяя, что если церковь может рассчитывать на государство, то и государство может рассчитывать на церковь. Епископ отметил, что цвета всех политических движений нашли своё отображение в истории церкви. Теперь же она помечена красным, и он чрезвычайно рад этому. Рады были все. И эту радость транслировали в прямом эфире по радио прямо из зала Конгресса.

Всё это выглядело абсурдно и постыдно. Коммунизм посвятил себя уничтожению религии. Он уже показал своё истинное лицо в Советском Союзе. Присутствующие говорили из страха за свои семьи, свои рабочие места, свою заработную плату. Они могли бы, по крайней мере, промолчать, вместо того чтобы воспевать коммунистам лестные и лицемерные дифирамбы.

Казалось, они плюют в лицо Христа. Я чувствовала, как Ричард вскипает внутри. Я сказала ему то, что уже и так было у него на сердце:

— Ты смоешь этот позор с лица Христа?

Ричард знал, что произойдет:

— В таком случае ты потеряешь мужа.

Я сразу же ответила, но не из-за своей смелости, а благодаря Божьей силе:

— Я не хочу быть замужем за трусом!

Тогда он передал в президиум свою карточку. Коммунисты были в восторге. Представитель Всемирного совета церквей и иностранных миссий будет пропагандировать в их пользу. Ричард вышел, и сразу же в зале воцарилась глубокая тишина. Ощущалось присутствие Духа Господня.

Ричард сказал, что, когда собираются дети Божьи, их окружают ангелы, чтобы послушать о Божьей мудрости. Поэтому обязанность всех присутствующих не хвалить земные власти, которые приходят и уходят, а прославлять Бога-Творца и Христа-Спасителя, который умер за нас на кресте. Пока он говорил, атмосфера в зале стала

меняться. Моё сердце наполнилось радостью, когда я подумала, что это сообщение транслируется на всю страну.

Неожиданно министр культов, Бурдуча, вскочил на ноги.

— Мы лишаем вас права выступления! — закричал он и начал прямо из президиума отдавать приказы своим приспешникам.

Ричард же продолжал говорить, полностью игнорируя его крики. Зал аплодировал. Он говорил то, что все они хотели сказать, однако не решались.

Бурдуча заревел:

— Отключить микрофон! Немедленно!

Однако присутствующие заглушали его голос возгласами.

— Пасторул! Пасторул! — ритмично скандировали они.

— Наш пастор! Наш пастор! — Из просто «пастора» теперь Ричард превратился в «нашего пастора». Всё это длилось несколько минут. А возгласы и аплодисменты продолжались ещё долго после того, как микрофон был отключен и Ричард спустился в зал. Этим в тот день и закончился Конгресс. В общем шуме и смятении мы пробрались к выходу.

Мать Ричарда слышала всё это по радио, сидя дома. Когда трансляция была прервана, она подумала, что никогда больше не увидит сына.

— Я думала, что они арестовали вас обоих. Что теперь будет? — бледнея, спрашивала она.

— Мама, — ответил Ричард, — у меня есть всемогущий Спаситель. И Он поступит так, как это будет лучше для меня.

Однако после всего случившегося правительством не было предпринято никакого официального шага. Коммунисты начали только направлять враждебно настроенных людей, чтобы прерывать наши богослужения. Недавно мы открыли большой новый зал для собраний. Неделя за неделей спортивного телосложения молодые люди заваливали в церковь, чтобы свистеть, выкрикивать издевки и прерывать проповеди.

— Нам следует радоваться, — говорил Солхайм, — что наибольшие дебоширы нашего города слышат Слово Божье. Лучше реагирующий слушатель, чем безмолвный, который только делает вид, что слушает!

Мы разработали тактику проведения богослужений на улицах. Многие души были слишком застенчивы, чтобы присоединиться к нам в церкви. Таким образом, мы должны были сами идти к ним.

Группа христиан располагалась на углу улицы и начинала петь гимны. Это было совершенно неслыханно для Румынии, поэтому вокруг нас всегда собирались толпы. Тогда я свидетельствовала о Благой Вести. Моё свидетельство всегда было кратким и четким.

На огромном заводе Николае Малаксы однажды проходил митинг протеста против захвата власти коммунистами. Во время этого митинга я говорила с собравшимися там рабочими о спасении. Для некоторых из них это было последнее предупреждение. На следующий день милиция открыла огонь по толпе митингующих. Многие рабочие завода были убиты.

Однажды я выступала со ступенек университета. Толпа росла, пока не заполнила всю площадь. Никогда ещё у меня не было такой аудитории! Люди бежали из боковых улочек. Вдоль одного из самых больших бульваров Бухареста было перекрыто движение транспорта. Меня никто не перебивал, все только продолжительно аплодировали.

В то время как я рассказывала Ричарду об успехе моей попытки благовествовать, в дом влетела Ануца.

— По всему городу только и говорят, что о выступлении Анны Паукер перед зданием университета. Говорят, что её прислали обратно сюда из Москвы, чтобы руководить Румынией от имени Сталина!

Товарищ Паукер была школьной учительницей, коммунисткой, которая бежала в Россию и стала офицером в Красной армии. Она была темноволосой еврейкой. Когда я начала говорить в таком официальном общественном месте, по городу мгновенно распространились слухи, что пресловутая Анна Паукер, собственной рукой застрелившая своего мужа, Марселя, за «предательство», возвратилась в Румынию. Только почему-то никто не задумался над тем, почему товарищ Паукер говорила о Боге и призывала покаяться в своих грехах. Мы все расхохотались.

* * *

В 1947 году начались аресты. Сфальсифицированные выборы, в ходе которых власти прибегли ко лжи, мошенничеству и насилию, поставили коммунистов во главе нашей страны. Руководство оппозиции, честные и нечестные начальники бывшей полиции и государственные служащие были сметены волной террора. Затем настал черёд всех

католических епископов и бесчисленного количества духовенства, монахов и монахинь. В ночь, когда они были арестованы, с целью ввести в заблуждение Запад, как обычно, транслировались религиозные передачи. Десятки тысяч простых людей исчезли в тюрьмах и трудовых лагерях. Другие присоединились к подпольным борцам за свободу.

Евреи, которым не удалось уехать из Румынии ещё в начале, во время замешательства русских властей, теперь оказались в ловушке. Все границы были закрыты. К тому времени тысячи румын бежали, оставив всё, что имели, предпочитая жизнь обездоленных беженцев «свободе» при советской власти.

Ануца имела все основания полагать, что её имя было занесено в списки евреев, подлежащих аресту, подозреваемых кто знает в каком «преступлении против государства». Подозревали не только иностранцев, а всех, кто имел с ними дело, даже парикмахеров, которые их стригли.

Было очень грустно прощаться с ней, ведь мы стали очень близки.

— Как Давид и Ионафан, — рыдала Ануца. — Только я — Ионафан, потому что он любил больше!

Мы обнялись, вытирая слёзы. Ануца сказала:

— Я сделаю всё возможное, чтобы вывезти вас из страны. Мы снова встретимся на свободе.

В тот день Ричард был болен в постели. Она знала, что он находится в большой опасности, на грани ареста. Она наклонилась над его кроватью, поцеловала его и повторила своё обещание.

Ануца выполнила обещанное, и мы снова встретились. Только на это потребовалось двадцать лет.

Террор усиливался. Сотрудники *секуритате,* Департамента государственной безопасности, врывались в дома и проводили длительные и тщательные обыски. Потом людей забирали, якобы для «составления протокола».

Они говорили: «Ничего не берите с собой. Это будет длиться лишь несколько часов».

Иностранные журналисты видели фургоны, ездящие по улицам, с надписями «Мясо», «Рыба», «Хлеб» и писали, что в настоящее время население обеспечено продуктами питания. Однако они и не подозревали, что фургоны эти перевозят не еду, а заключённых.

В то время мы получили первое предупреждение. Ричард работал в миссии, когда туда вошёл человек в штатском.

— Инспектор Риосану, — представился он. — Ты — Вурмбранд? Тогда ты человек, которого я ненавижу больше всех на свете!

Ричард с удивлением посмотрел на него.

— Мы никогда раньше не встречались. Что вы имеете в виду?

— Помнишь, более десяти лет тому назад ты встречался с девушкой по имени Бетти, кудрявой блондинкой, которая много разговаривала?

— Ну и что?

— Скажи, почему ты не женился на ней?

— Я никогда не думал об этом.

— Зато я женился! Вурмбранд, если бы ты только женился на ней... Ты сделал бы меня счастливейшим человеком!

— Только, чтобы доказать, что между нами нет никаких обид, — произнёс великодушный инспектор, — я пришёл дать тебе совет. В *секуритате* на тебя заведено толстое дело. Я видел его. Всё последнее время кто-то на тебя стучит. Ты общаешься с большим количеством русских друзей, не так ли? — Риосану потер свои сухие шероховатые руки. — Но, я думаю, мы могли бы договориться...

«Ты — Вурмбранд? Тогда ты человек, которого я ненавижу больше всех на свете!»

За взятку он предложил уничтожить доносы.

Я присоединилась к разговору, и мы договорились о сумме. Запихнув деньги в карман, Риосану сказал:

— Договорились. Имя информатора...

— Не надо! — быстро прервала его я. — Мы не хотим знать.

Я не хотела переживать обиду по отношению к этому человеку. Глупо, наверное. Но в те дни мы не могли знать, сколько жизней разрушат информаторы.

Риосану пожал плечами.

— Как вам угодно, — произнёс он и ушёл.

Вскоре после этого Ричард был вызван на допрос. К нашему удивлению, его не обвиняли в «подрыве патриотического духа солдат Советской армии». У нас ещё были некоторые влиятельные друзья, благодаря которым через три недели удалось добиться его освобождения. Однако мы знали, что это была всего лишь передышка.

Всё больше и больше наших друзей и помощников были арестованы. Я отчетливо помню тот день, когда впервые увидела человека, замученного секуритате. Он едва мог шевелить опухшими фиолетовыми губами. Он был добрым, приветливым человеком, у которого всегда находилось доброе слово для каждого, кто к нему обращался. Теперь в его глазах видно было лишь ненависть и отчаяние.

С помощью кнута и пряника коммунистам удалось заставить служить себе некоторых руководителей церквей. А на тех, кто отказались стать предателями, они бросили тень подозрения в измене. Самые стойкие были упрятаны за решетку.

Оставалось одно политическое препятствие. Наш глубокоуважаемый молодой король Михай I не сдавался без боя. Только в декабре 1947 года, после того как Соединенные Штаты и Великобритания признала марионетку Кремля — Петру Гроза, он вынужден был уехать. Теперь страной управляли Гроза и Георгиу-Деж, юрист-мошенник и бывший железнодорожник. Они вынудили короля отречься от престола. У него, находящегося во дворце, окружённом войсками, не оставалось выбора. Так появилась «Румынская Народная Республика».

В связи с этим мне на ум приходит старая поговорка: «Земля содрогается, когда холоп становится королем».

* * *

У меня был небольшой кашель. Работы предстояло выполнить немеренно. Через неделю я уже лежала с бронхитом. Голод, всеобщий дефицит и мои приключения в Будапеште надолго уложили меня в постель. Так что, когда у двери появился незваный посетитель, я лежала и чувствовала себя обессиленной и изнеможённой. Это была русская женщина-врач. Её лицо напоминало сплошную трагическую маску.

Вера Яковлевна была едва знакома с нами. Она приехала из украинского города, из которого бесчисленное количество священников и

христиан, в том числе и она сама, были депортированы в сибирские трудовые лагеря. Мало кто из них вернулся на родину.

Её не интересовала моя болезнь. Она пришла рассказать мне свою историю:

— Мы работали на очистке леса, мужчины и женщины. У нас были равные права: мы могли либо умереть от голода, либо замерзнуть в снегу.

Вера Яковлевна коснулась моей руки своей, изувеченной широкими белыми шрамами.

— Каждый день люди умирали, падая от переутомления в снег, — продолжала она свой рассказ, дрожа от внезапно нахлынувших жутких воспоминаний.

Наказанием за свидетельство о Христе было то, что её заставляли часами стоять босиком на льду. Когда она не могла выполнить свою рабочую норму, надзиратели избивали её кулаками до тех пор, пока она не падала в снег, а когда все возвращались в лагерь, её лишали водянистого бульона, которым кормили заключённых.

Рыдая, она шла во двор, чтобы побыть в одиночестве. С головой окунувшись в свои страдания, она пересекла запрещенную территорию и оказалась вблизи проволочного ограждения, за приближение к которому заключённых расстреливали без предупреждения.

Вдруг она услышала обращенный к ней резкий голос:

— Эй, ты! Твоя мать — верующая?

Испугавшись, Вера Яковлевна вскрикнула. В тот момент она как раз думала о своей матери.

— А почему вы спрашиваете? — удивилась она, придя в себя.

— Потому что я наблюдал за тобой в течение десяти минут. Хотел выстрелить, но не смог. Я и сейчас не могу пошевелить рукой. Это здоровая рука, весь день с ней всё было в порядке. Так что твоя мать, должно быть, молится за тебя, — ответил охранник и добавил уже более дружелюбно:

— Беги обратно. Я не буду смотреть в твою сторону.

В тот же день Вера Яковлевна вновь увидела того же солдата. Он засмеялся и поднял руку:

— Теперь я опять могу двигать ею.

В том лагере она прожила десять лет. Большинство других заключённых умерли. Но она выжила и выбралась оттуда, чтобы свидетель-

ствовать о том, как в горе и нужде Бог показал ей Свою мощь. Теперь она была врачом в Советской Армии.

У меня болела голова. Вместо того, чтобы размышлять о Божьем чуде, я могла думать только лишь о её страданиях. Что это значит? Почему она пришла ко мне и рассказывает всё это?

Когда Вера Яковлевна поднялась, собираясь уходить, я изо всех сил старалась справиться со своей слабостью, чтобы предложить ей остаться на ночь или, по крайней мере, дождаться возвращения Ричарда. Однако она была уже у двери. Она набрала в легкие воздуха и выпалила:

— Моего мужа также забрали. Он уже двенадцать лет находится в тюрьме. Интересно, встретимся ли мы снова когда-нибудь на этой земле?..

С этими словами она исчезла за дверью.

Двенадцать лет? Я не могла понять этого. Лишь намного позже я осознала, что этот посланник Бога хотел предупредить меня о страданиях, которые ожидали меня и моего мужа. Две тысячи лет назад Анании, ученику из дамасской церкви, также было сказано: «Я покажу новообращенному, Павлу, будущему апостолу, сколько он должен пострадать за Имя Моё».

* * *

Еще не поздно было покинуть страну. Несмотря на то, что с каждым днем уехать становилось всё труднее, тысячи людей всё ещё покупали себе свободу. Я знала, что Ричард не хотел уезжать. Но он говорил:

— Во времена правления Антонеску нас не заключали в тюрьму на более чем две-три недели. С коммунистами же заключение может длиться многие годы. Они могут забрать и тебя. А как же Михай, кто будет заботиться о нём и об остальных детях?

Потом произошёл ещё один странный случай. Пастор, которого мы не видели в течение года, пришёл к нам домой. Бог использовал Ричарда, чтобы обратить его. Он был алкоголиком, ходил из пивной в пивную, и Ричард, встретившись с ним однажды вечером, провёл с ним целую ночь, разговаривая, споря, убеждая. Когда на следующий день этот человек протрезвел, то понял, что стал совершенно другим человеком.

Теперь он напомнил нам об этом, во время разговора он несколько раз повторил:

— Больше всего меня поразил тот стих, который вы процитировали, когда ангел сказал Лоту: «Спасай душу свою; не оглядывайся назад».

Когда гость ушёл, Ричард спросил меня:

— Не думаешь ли ты, что, возможно, это было послание от Бога? Зачем ему было приходить к нам после стольких лет и повторять эти слова снова и снова: «Спасай душу свою». Разве это не предупреждение, что мы должны спасать свои жизни бегством?

«Если мы останемся, я последую за другими в тюрьму».

— Спасать душу свою? — переспросила я и пошла в спальню. Я открыла Писание и прочитала стих, где Иисус говорит: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее». Я спросила Ричарда:

— Если сейчас ты уедешь, то сможешь ли ты когда-нибудь снова проповедовать по этому тексту?

Больше эту тему мы не обсуждали.

Однако несколько дней спустя Ричард сказал:

— Если мы попадём на Запад, не сможем ли мы сделать для румынской церкви гораздо *больше*? Если мы останемся, я последую за другими в тюрьму. Это будет конец нашей совместной жизни. Меня будут пытать, а возможно, и убьют. Если же посадят и тебя, это будет конец нашей миссии. Солхаймы — иностранцы. Им не разрешат долго здесь оставаться. Михай будет воспитываться на улице и станет коммунистом. Что в этом хорошего для любого из нас?

Я ответила:

— Я думаю, что мы должны остаться.

Затем нам был дан последний знак. Мы начали проводить богослужения в частных домах Бухареста. Это было более безопасно, чем в церкви. Никогда раньше у нас не было таких благословенных собраний и такого множества обращенных. Казалось, будто Бог, знающий, что ожидает нас в будущем, дал нам максимальное утешение, прежде чем нас постигли тягчайшие испытания.

Однажды вечером мы собрались в доме когда-то богатого человека, теперь потерявшего всё, кроме своего огромного дома, который вскоре также был забран. Мы по очереди стояли начеку. Тайное молитвенное собрание, как это, легко могло послужить причиной того, что нас всех упрятали бы в тюрьму.

На ночное молитвенное собрание пришли около пятидесяти человек. Ближе к полуночи, женщина, молящаяся на коленях рядом с остальными, громко воскликнула: «А ты, тот, кто думает уйти! Помни, что хороший пастух не оставил своё стадо. Он остался до конца».

Ей совершенно ничего не было известно о дилемме, перед которой стоял Ричард. Мы все смотрели на неё, озадаченные, однако она больше ничего не говорила.

Когда наступил рассвет, мы по холодным улицам отправились домой. Был январь. Падали мелкие снежинки. Я сказала:

— Мы не можем сейчас уехать.

Ричард кивнул. Тогда мы сообщили всем:

— Мы останемся здесь до конца!

Все были очень рады.

Женщина, через которую Ричарду дано было предупреждение, была на вокзале, когда он вернулся четырнадцать лет спустя. Она пришла встречать его с цветами. Он вспомнил её и сказал:

— Я не сожалею о том, что последовал вашему совету. Наоборот, я благодарен за него.

Глава 3
Исчезновение Ричарда

— Ричард, как ты думаешь, что такое ад?

Мы провели вечер с друзьями, и тема разговора неизбежно возвращалась к коммунистам. Политик, которого мы все хорошо знали, добрый, честный человек, был арестован и через несколько недель после этого повесился в своей камере. Что же ему довелось пережить, чтобы дойти до самоубийства? Кто-то сказал: «Должно быть, он прошел через ад».

— Ад — это сидеть в одиночестве в темноте и вспоминать свои прошлые грехи, — ответил Ричард.

Через несколько дней он сам оказался в аду.

В воскресенье утром, 29 февраля 1948 года, Ричард отправился в церковь один. Я пришла позже и застала пастора Солхайма в небольшом офисе. Он был расстроен.

— Ричард так и не появился, — сказал он. — Но у него столько на уме!.. Должно быть, он вспомнил о какой-нибудь важной встрече и забыл, что должен был прийти сюда.

— Но он обещал ждать меня здесь через полчаса.

— Возможно, он встретил друга, которому понадобилась помощь, — пытался успокоить меня Солхайм. — Он скоро придёт.

Пастор Солхайм сам провёл богослужение. Я позвонила друзьям, но его нигде не было. Моё сердце всё больше одолевал страх. Во второй половине дня Ричард должен был венчать молодую пару из нашей церкви.

— Не волнуйся, — снова попытался успокоить меня Солхайм. — С Ричардом никогда не знаешь, где он. Помнишь, как когда-то во время летнего лагеря утром он пошёл купить газету, а в обед позвонил, чтобы сказать, что не вернется на завтрак?

Воспоминание об этом заставило меня улыбнуться. Ричард вспомнил о каких-то неотложных делах и поехал в Бухарест. Должно быть,

с ним опять случилось что-то подобное. Воскресный обед в нашей квартире был, как правило, многолюдным и радостным. У нас не было много еды. Но мы разговаривали и пели, и для многих из приходивших на обед это было событием недели.

Теперь все сидели молча, ожидая Ричарда. Однако он так и не вернулся. В предыдущий вечер у нас также было много гостей. Ричард весело рассказывал что-то, когда вдруг он умолк. Кто-то спросил:

— Ричард, почему ты так опечалился?

И он ответил, как ни странно, цитатой из Экклезиаста:

— «О смехе сказал я: «глупость!»»

Это совершенно не входило в рамки нашего разговора, а исходило из глубины его сердца. Тогда мы не поняли, почему смеяться — это безумие. Все умолкли.

Во второй половине дня пастору Солхайму пришлось самому провести и венчание. Мы обзвонили все больницы. Я обошла все пункты неотложной помощи, думая, что он, возможно, попал в аварию. Всё напрасно.

Наконец, я поняла, что мне следует делать. Я должна обратиться в Министерство внутренних дел. Несомненно, Ричард арестован.

Так начались часы, недели и годы поисков, бесконечных походов из кабинета в кабинет, стука в каждую дверь, которая только могла открыться.

Я узнала о том, что наиболее важные заключённые содержатся в камерах в подвалах МВД. Многие женщины искали там своих арестованных мужей, сыновей и отцов. Для этого было открыто специальное «справочное бюро», где «обрабатывали» запросы граждан об их исчезнувших родственниках. На лестнице толпились матери с детьми. Они стояли в бесконечной очереди, ожидая возможности узнать о пропавших близких. Голую стену украшал лозунг: «Будем безжалостными к врагам!»

«БУДЕМ БЕЗЖАЛОСТНЫМИ К ВРАГАМ!»

Каждый в соответствии с очередью наводил справки о своих исчезнувших родственниках. Чиновники делали вид, что изучают напечатанные на печатной машинке списки имен. Они «заглядывали» в картотеки. Однако никаких следов никого из этих пропавших людей они найти не могли.

Ходили слухи, что Ричард был доставлен в Москву. (Именно так поступили с Антонеску и другими.) Я отказывалась верить, что он ушёл из моей жизни. Вечер за вечером я проводила у окна, надеясь, что сегодня он обязательно придёт. Ведь он ни в чём не виновен. Скоро его освободят. Коммунисты не могут быть хуже, чем фашисты, которые всегда отпускали его через неделю-другую.

Однако его всё не было. Я прижималась лбом к стеклу и плакала. Спать я ложилась поздно, но уснуть так и не могла. Однажды утром пастор Солхайм предложил проводить меня к шведскому послу, в прошлом не раз выручавшему нас, чтобы просить его о помощи. Господин фон Рейтерсверд пообещал, что поговорит напрямую с министром иностранных дел Анной Паукер.

Товарищ Паукер парировала вопрос заранее приготовленным ответом: «По нашим сведениям, пастор Вурмбранд бежал из страны с полным чемоданом долларов, вверенных ему для помощи голодающим. Говорят, что сейчас он находится в Дании».

Посол довел дело до премьер-министра. Гроза повторил версию ответа Паукер и, хитро улыбаясь, добавил: «Так вы предполагаете, что Вурмбранд в наших тюрьмах? Если сможете это доказать, я освобожу его!»

Коммунисты были настолько уверены в себе! Попав в застенки *секуритате*, человек прекращал своё существование.

Теперь уже не осталось никого, кто мог бы ходатайствовать о нём. Единственной надеждой, которой пытались воспользоваться тысячи родственников заключённых, была взятка.

* * *

— Ты слышала о Теохаро Георгеску из Кабинета министров? — спросила Клари Меир, моя подруга ещё со школьной скамьи. — Его брат живет по соседству с нами. Говорят, что за определённую сумму он может открыть двери тюрьмы. Я поговорю о Ричарде с его женой.

Господин Георгеску был готов «помочь» нам, если только мы будем держать это в полной секретности. Однако цена его благосклонности была очень высокой.

Я встретилась с ним, как он и пожелал, в убогой лачуге на окраине города. Он был приземистым человеком в добротном новом костюме.

— Я — Георгеску, — сказал он. — Договариваться можно со мной. Одно слово моему брату, и считайте, что дело решено. Гарантия? Моё слово!

Нам удалось найти сумму, запрошенную им, хотя и с огромным трудом. Деньги были переданы.

Однако ничего не произошло.

Это был не первый и не последний раз, когда нас обманывали таким образом, и мы ничего не могли поделать. Мне доводилось в избытке встречать воров и преступников, но эти профессиональные обманщики принадлежали к совершенно иному классу. Большинство из них были высокопоставленными чиновниками. Они были коммунистами только по названию.

— Кто знает, что ещё ожидает нас, — говорил высокопоставленный член партии, посещавший нашу квартиру в ночное время. — Возможно, придут англичане и американцы.

Имея это в виду на будущее (и денежное вознаграждение в настоящее время), он пообещал помочь нам. Он сказал, что сделает всё, что в его силах, если только это не поставит под угрозу его карьеру.

С третьим чиновником из компартии связь была налажена через нашу подругу, когда-то бывшую его преподавательницу. Они тайно встречались, притворяясь любовниками, чтобы замаскировать переговоры.

Из этого также ничего не вышло.

После нескольких месяцев затраченных усилий однажды вечером к нам пришёл незнакомец. Мужчина был небрит, и от него разило сливовицей. Он настаивал на разговоре с глазу на глаз.

— Я знаю твоего мужа, — сказал он. Моё сердце вздрогнуло. — Я — надзиратель. Не спрашивай, в какой тюрьме. Но я возьму для него еду. Он сказал, что ты хорошо заплатишь мне за новость о нём.

— Это зависит от того, сколько вы хотите? — ответила я. Мы уже потерпели так много неудач.

— Я рискую своей шкурой, понимаешь?

Сумма, которую он назвал, была огромной. Но он не стал бы торговаться.

Пастор Солхайм сомневался так же сильно, как и я. Он сказал гостю:

— Принесите мне несколько слов, написанных рукой Ричарда.

Он протянул ему шоколадку из гуманитарной помощи:

— Возьмите это и верните мне с подписью Вурмбранда.

Через два дня мужчина вернулся. Он снял шапку, нащупал в подкладке обертку от шоколада и вручил мне. Я прочла: «Дорогая моя жена, я благодарю тебя за твою сладость. Со мной всё в порядке. Ричард».

Это был его почерк, жирный и четкий, уверенный и вместе с тем дрожащий. Не узнать бурную безмятежность этих линий было просто невозможно.

— Он в порядке, — сказал надзиратель. — Некоторые не могут пережить одиночного заключения. Им не нравится быть в своей собственной компании.

Он дыхнул мне в лицо запахом бренди:

— Он передает тебе, что очень любит.

Мы согласились платить ему, если он будет продолжать приносить сообщения. Он подумал и сказал:

— Ладно. Но за это люди получают по двенадцать лет. Знаешь, я делаю это не только из-за денег.

Он рисковал своей свободой из-за разделенной любви: он любил деньги и любил выпивку, которую за них можно было купить. Также он любил Ричарда. Иногда он просовывал ему дополнительный кусок хлеба. Он продолжал приносить нам устные сообщения.

— Что вы делаете с деньгами, которые мы платим вам? — как-то спросила я.

— Напиваюсь! — расхохотался он в ответ. Со временем Господь коснулся его сердца, хотя сразу он пить не перестал.

Солхайм и его дорогая жена, Силгия, — друзья во время скорби — сразу же, бросив всё, начали опекать меня и пытаться помочь мне сохранить мужество и спасти Ричарда. Пастор Солхайм повел меня в посольство Швеции, где нас сразу же принял посол. Увидев клочок бумаги с подписью Ричарда, он быстро написал записку к премьеру: «Вы обещали освободить пастора Вурмбранда, если мы сможем доказать, что он находится в румынской тюрьме. Теперь у меня есть доказательство».

Петру Гроза передал записку Анне Паукер в МИД. Его шутка дала осечку. Она послала за господином фон Рейтерсвердом и набросилась на него. Если она говорит, что Вурмбранд бежал в Данию, значит так

оно и есть. Она не будет терпеть оскорблений от дипломата незначительной важности, который тычет нос во внутренние дела её страны. Она, конечно же, лгала!

Посол был объявлен *персоной нон грата*. Его вышестоящие руководители подвергли сомнению правомерность его вмешательства. Ричард был гражданином Румынии, несмотря на то, что он исполнял работу для иностранной миссии. Фон Рейтерсверд ответил, что совесть заставила его помочь человеку, который, как ему было известно, ни в чём не был виновен. Министр государства лгала ему, и его обязанностью было протестовать.

Фон Рейтерсверд был человеком Божьим, а в правительственных кругах не всегда любезно относятся к таким людям. Посол был отозван в Стокгольм и отправлен с дипломатической службы в отставку.

Вскоре после этого Гроза пошёл на повышение и занял пустовавшее в то время кресло председателя Ассамблеи Великой Национальной Ложи Румынии. Однажды он встретился с Пасторелем, известным румынским сатириком, и начал ругать его за злые шутки о себе.

— Я имею право на уважение! Я — глава государства! — кричал он

— Но это шутка, которую придумал не я, — ответил Пасторель.

В горьких шутках сердце изливает своё отчаянье. Именно оно вдохновляет трагические шутки, которыми знамениты евреи. Вас могли заключить в тюрьму даже за то, что вы сказали бы: «Пастореля посадили на шесть лет за шутку».

Вскоре Солхайм, считавший Ричарда своим вторым «я», а Румынию — своей второй родиной, был вынужден покинуть страну. Он отождествлял себя с нами и со своей миссией, как это делают все посвященные миссионеры. Больше он не мог трудиться здесь. Но мы всё равно остались верными друзьями, невзирая на то, что проявлять к нам дружелюбие теперь означало подвергнуть себя опасности.

Жена политического заключённого не могла получить продовольственную карточку. Они были только для трудящихся. Жена же политзаключенного работать не имела права. Почему? Потому, что она не имела продовольственной карточки, а следовательно, её не существовало.

Не было смысла доказывать, что высшие органы власти нашей страны отрицали, что Ричард находится в тюрьме.

— Как же мне жить? Как прокормить сына?
— Дело ваше.

* * *

Михай снова стал моим единственным ребёнком. До ареста Ричарда мы потеряли детей-сирот, которые попали к нам, спасаясь от нацистских погромов в Восточной Румынии. Узнав, что русские решили заселить беженцами две восточные провинции (Бессарабию и Буковину), аннексированные ими, мы поняли, что рано или поздно детей у нас заберут. С этим несчастьем столкнулись сотни еврейских сирот. Насколько было бы лучше, если бы мы могли отправить их в Палестину, где как раз возрождалось государство Израиль! В агонии мы решили отпустить своих мальчиков и девочек. Это казалось более правильным, чем ожидать неизвестности при советской власти.

Они присоединились к небольшой партии беженцев на борту турецкого парохода «*Булбул*». Проходили недели. Об их прибытии не было никаких новостей. С каждым днем Ричард выглядел всё более осунувшимся. Начался международный поиск, охвативший территорию от Черного моря до Восточного Средиземноморья. Постепенно надежда исчезла. Считалось, что «*Булбул*» наткнулся на подводную мину военного времени и затонул вместе со всеми пассажирами, находящимися на борту. Судьба корабля неизвестна и по сей день. Он вышел в море, однако не пришёл в порт предназначения. В живых не остался никто.

Боль, которую мы испытывали, была неописуемая. Мы любили этих детей как своих собственных. Когда мы, наконец, приняли тот факт, что они погибли, я не хотела никого видеть, ни с кем разговаривать. В таком горе редко кто может утешить. Моя вера в воскресение, в вечную жизнь подверглась жесточайшему испытанию. Мне следовало осознать, что искать наших потерянных детей нужно было не среди мёртвых, а среди живых. Много раз я думала о том, что мне никогда не удастся преодолеть эту боль, но Господь дал мне силы подняться и идти дальше. В один прекрасный день Слово Божие тихо прозвучало в моём сердце: «Мир Мой даю тебе». Тогда я заново поняла слово «терпение», так часто повторяющееся в Новом Завете. В греческом

языке это слово «*hupomoné*» значит «оставаться под». Оно означает принимать, терпеть боль, как посланное от Бога. Терпение приносит много плода. Бог дает, но также отнимает. Он окружил меня множеством новых молодых людей. Оставалось только одно: после всего, что я пережила, сохранить сострадательное сердце.

Самой преодолевая боль, мне пришлось утешать и Михая. Как горько он плакал! Я взяла его на руки и рассказала историю, которую часто слышала из уст Ричарда. Она — из Талмуда, книги еврейской мудрости.

* * *

Рассказывают, что во время отсутствия известного раввина у него дома умерли два его сына. Оба они были редкой красоты и хорошо знали Закон. Его жена положила их тела на кровать в свою спальню и накрыла белым покрывалом. Вечером домой вернулся раввин.

— Где мои сыновья? — спросил он. — Я несколько раз пытался увидеть их в школе, но не видел их там.

Она принесла ему чашу. Они прославили Господа по окончании шабата, и муж снова спросил:

— Где же все-таки мои сыновья?

— Они недалеко, — ответила жена и поставила перед мужем еду.

Когда раввин благословил Бога за еду, она обратилась к нему:

— С твоего позволения, я хотела бы задать тебе вопрос.

— Спрашивай, — ответил муж.

— Несколько дней назад мне доверили драгоценности, которые теперь их владелец требует обратно; должна ли я вернуть их?

— Что? — удивился раввин. — Ты колеблешься, возвращать ли владельцу его собственность?

— Нет, — ответила она. — Тем не менее я подумала, что лучше не отдавать ничего, сперва не посоветовавшись с тобой.

Жена повела мужа в комнату и сняла белое покрывало с мёртвых тел сыновей.

— Сыновья! Мои сыновья! — громко зарыдал отец. — Мои сыновья, свет моих глаз!

Мать отвернулась и также горько заплакала. Потом она взяла мужа за руку и сказала:

— Разве ты не учил меня охотно отдавать то, что было доверено нам на сохранение? Господь дал, Господь и взял. Да будет имя Господне благословенно!

* * *

В то время, когда мы сами подверглись такой страшной трагедии, я находила огромную радость в одном из самых важных событий в истории. В 1948 году возникло государство Израиль, исполняя библейские пророчества о возвращении еврейского народа на свою родину.

«Я соберу их из всех стран, куда Я изгнал их в Моём великом негодовании», — сказал Бог пророку Иеремии. Возвращение было частью плана, который Бог утвердил, когда благословил отца евреев, Авраама, и весь мир вкусил это благословение. И теперь я видела, как Божий план сбывается. Когда пророки обещали, что Бог соберёт Свой народ от концов земли, они не знали, среди скольких народов и на скольких континентах евреи будут рассеяны. Теперь люди пытались интерпретировать великие события, свидетелями которых они были. Мужчины, которые не заглядывали в Библию в течение многих лет, начали изучать Писания, как будто они только что были опубликованы.

Послания Иезекииля, Иеремии и Амоса теперь перечитывали вдоль и поперек, желая найти в них намеки на то, что будет происходить в будущем.

Большой новый исход начался из Румынии, где нацисты уничтожили полмиллиона румынских евреев. А на долю тех, кому удалось выжить, выпало более чем достаточно от коммунистов, которые некогда казались освободителями. Евреев, живших в восточных провинциях, захваченных Советами, забирали прямо с улиц и использовали как рабочую силу в советских шахтах. Единственная разница в этот раз состояла в том, что Советы забирали как евреев, так и румын. Их увозили на грузовиках, ни слова не сообщив их семьям. Мало кто вернулся.

Молодой человек из моего городка на Буковине рассказывал: «Мой брат провёл четыре месяца, спрятанный в отверстие за шкафом, чтобы избежать депортации. Я взял только немного одежды и сказал советскому бюрократу, что он может забрать мою квартиру со всем её

содержимым и все мои деньги в обмен на паспорт. Я получил паспорт и ушёл. Коммунизм — это когда все отнимают всё у всех».

Вот как это было: люди отдавали всё, что имели, лишь бы бежать.

Вскоре после возрождения государства Израиль Анна Паукер подписала с новой державой соглашение, позволяющее евреям покинуть коммунистический «рай» за наличные деньги. Румынская Народная Республика нуждалась в иностранной валюте. Она продавала евреев в розницу, соответственно тому, насколько много мозга было в каждой голове. Больше всего стоили ученые, врачи и преподаватели.

Каждую ночь толпы ждали снаружи визового отдела. Старые и молодые, дедушки и бабушки, с маленькими детьми, завернутыми в одеяла, спали на тротуаре. Рассказывают, как незнакомец, увидевший очередь евреев, простиравшуюся от полицейского участка до площади Парламента, спросил:

— За чем очередь?

— За апельсинами! — ответили ему.

— Но в том магазине, через дорогу, апельсины продают без очереди...

— Да, но мы хотим есть их прямо с дерева!

Правительство хотело сохранить «Операцию Израиль» в тайне. Специализированные поезда отправлялись с запасных путей труднонаходимых пригородных станций после наступления темноты. Никто не уезжал со станции Бухарест Центральный. Каждый поезд был набит до отказа.

Ночь за ночью мы со слезами на глазах ходили провожать друзей.

«В следующем году в Иерусалиме!» — этот возглас вторил из гетто и синагог в течение многих столетий. Осознание того, что на этот раз это было правдой, наполняло моё сердце несказанной радостью.

В Книге Исход написано, что «великое смешение» вышло из Египта вместе с евреями. И это снова оказалось верным. Многие бежали от коммунизма по поддельным документам с выездными визами, притворившись евреями. Множество неевреев нашли прибежище вместе с уезжающими толпами евреев.

Однажды один из высокопоставленных милицейских чиновников предложил мне: «Если дадите мне денег и поможете в получении визы, которые получают евреи, чтобы покинуть страну, я освобожу

вашего мужа из тюрьмы». Друг, которому я доверяла, сказал, что этот человек и на самом деле мог исполнить обещанное, поэтому его предложение дало мне новую надежду. Я рассказала о нём Михаю.

К тому времени нашему сыну было десять лет. Высокий — для своего возраста, с острыми скулами и вопрошающими глазами. В школе он научился быть сыном «социального изгоя». Это был тяжёлый урок. Михай обожал своего отца. Мне было трудно объяснить ему, почему отца забрали от нас и заперли в тюрьме. Иногда я очень переживала за веру Михая. Новость о новой надежде на освобождение отца сильно взволновала его. Однако на следующее утро возбуждение прошло.

Он сказал:

— Мамочка, я видел сон. Мне приснилось, как наш сосед протягивает шляпу и просит двух птиц войти в неё. Они порхали вокруг и улетели.

Он пояснил, что это означает, что из нашей схемы ничего не выйдет. Через несколько дней мы услышали, что милицейский чиновник, предложивший нам помочь, теперь сам находился под арестом. Михаю часто снились такие сны.

С каждым днем исчезало всё больше людей. Однажды были освобождены ряд известных заключённых. Их привезли домой в каретах скорой помощи. Они показывали свои синяки и шрамы и рассказали о пытках и страданиях в тюрьме. Когда требуемое впечатление было произведено, все они были вновь арестованы.

Я плакала, думая о том, что в этот миг Ричард, может быть, также подвергается пыткам. Я боялась, чтобы он не сломился и не предал друзей. Он обещал, что скорее умрет, чем сделает это, однако одному Богу известно, сколько человек может вынести. Пётр также обещал, что никогда не отречется от Христа...

Если бы Ричард умер, я знала, что мы встретимся с ним в последующей жизни. Мы договорились ждать друг друга у одних из двенадцати ворот рая. Мы решили, что наше свидание будет у ворот Вениаминовых. Иисус договорился со Своими учениками встретиться после Его смерти в Галилее. Так и произошло.

Глава 4
Мой арест

Однажды августовским вечером я шла домой. Было поздно. Михай гостил у друзей в деревне, поэтому я была свободна заниматься служением. Мы, женщины, несли тайное служение от имени нашей церкви под видом медсестер или уборщиц. Рабочие часы были длинными. шёл одиннадцатый час вечера, когда я закончила уборку дома и уход за шестью детьми человека, жена которого лежала в больнице. Раньше у него было много земли и денег, но теперь всё было конфисковано коммунистами.

Я плелась домой по улицам, украшенным красными флагами в честь ежегодного празднования прихода Красной Армии. Я слишком устала, чтобы поесть, и планировала сразу лечь спать.

Придя домой, я увидела, что мой двоюродный брат, который жил с нами, ожидая отъезда в Израиль, очень встревожен. Он сообщил, что к нам приходил подозрительный посетитель.

«Он сказал, что он из ЖЕКа, — прошептал мой родственник. — И говорит о возможном подселении людей в вашу квартиру. Но я уверен, что на самом деле он хотел знать, сколько у вас выходов, кроме парадного».

Я знала, чего ожидать: обыска. И меня это совсем не удивило. Я просто была слишком истощена, чтобы бояться. Михай находился в надежных Божьих руках, и это было главное. Я легла спать, поручив своих мужа и сына и всех своих близких Божьей заботе.

В 5 часов утра в дверь постучали. Мой двоюродный брат открыл. Я услышала крики. По лестнице застучали сапоги.

— Ваша фамилия?

— Г-гитлер, — заикаясь, произнёс мой двоюродный брат, который действительно имел эту неприятную фамилию.

— Что? Арестовать его!

Мой бедный двоюродный брат попытался объяснить, что его мать вышла замуж за ортодоксального еврея с бородой и кудрями по имени Хаскель Гитлер, который отказался изменить своё имя, несмотря на страшные осложнения, которое оно влекло за собой. Однако фарс быстро закончился. Они поняли, что он не имеет никакого отношения к своему известному тезке-нацисту. Его оттолкнули, и сапоги застучали по направлению к моей спальне.

В ту ночь у нас ночевала ещё одна гостя, возлюбленная сестра по вере. Мы сидели в постели, прижимая к себе одеяло.

— Сабина Вурмбранд? — крикнул толстошеий мужчина, главенствующий над пришедшими, который так и не перестал кричать до самого ухода из квартиры. — Мы знаем, что здесь вы скрываете оружие. Покажите нам, где оно. Сейчас же!

Прежде чем я успела возразить, они начали открывать шкафы, выворачивать и выбрасывать на пол одежду. На пол полетела и книжная полка. Моя подруга вскочила с постели, чтобы собрать книги.

— Не приближаться! Одевайтесь!

Нам пришлось одеваться в присутствии шести мужчин, топчущихся по нашим вещам. Время от времени они покрикивали, поддерживая друг друга в проведении этого бессмысленного обыска.

— Так ты не признаешься, где вы прячете оружие?! В таком случае мы разнесём этот дом на части!

— Единственное оружие, которое есть в нашем доме, — ответила я, — находится здесь, — и вытянула из-под его сапога Библию.

Толстошеий заревел:

— Ты пойдешь с нами!

Я положила Библию на стол и попросила:

— Пожалуйста, дайте нам несколько минут, чтобы помолиться. А тогда я пойду с вами.

Пока мы с подругой молились, они насмешливо стояли и смотрели на нас. Я обняла своего двоюродного брата и его мать.

— В следующем году в Иерусалиме!

Их глаза были полны слёз.

— Лешана хаба би — Ерушалаим! — в один голос ответили они.

Когда меня выводили, последнее, что я успела сделать, это схватить из шкафа маленький сверток. Там была пара чулок и нижнего

белья. За день или два до этого мне их подарила девушка из нашей церкви. Я, не открывая, положила сверток, даже не догадываясь, что он будет тем самым главным, что я возьму с собой в тюрьму.

Меня затолкали на заднее сидение олдсмобиля. тёмные мотоциклетные очки были надеты мне на глаза, чтобы я не видела, куда меня везут. Ехали недолго. Через несколько минут меня вытолкали и потащили по тротуару. Когда меня тянули вверх, как связанную овцу, мои ноги едва касались лестницы. Когда меня толкнули за угол, я ушибла голень. С моих глаз сняли очки, пнули в нижнюю часть спины и захлопнули за мной дверь.

Я оказалась в длинной пустой комнате, переполненной женщинами. Они сидели на скамейках и на полу. Дверь время от времени открывалась, и туда заталкивали ещё больше арестованных. Среди прочих я узнала: жену одного из либеральных политиков, женщину из высшего общества, фотографии которой я видела в газетах, актрису в тонком платье с глубоким вырезом, даму, работавшую во дворце.

Все мы являли собой опасные, «социально загнивающие» элементы Румынии.

К вечеру в комнату были втиснуты несколько сотен женщин. Аресты проводились в национальном масштабе и были посвящены юбилею капитуляции перед Россией 23 августа, который коммунисты назвали Днём освобождения.

Мы сидели, прижавшись друг к другу, под одной лампой, освещающей помещение. Нам не давали ни еды, ни воды. Каждая женщина была погружена в собственные страхи и раздумья.

Как долго это продлится? Что будет с нашими детьми? Михай уже потерял своего дорогого отца, а теперь у него забрали и мать. Наш дом и всё в нем будет конфисковано, а сын оставлен на милость друзей, самих находящихся в опасности. Когда я начала молиться за Михая, одна из женщин вскочила и стала бить в дверь кулаками. Она кричала: «Мои дети! Мои дети!»

Остальные плакали кто за своими мужьями, кто за любимыми, кто за сыновьями. Женщина, сидящая рядом со мной, рухнула в истерике. Другой стало плохо. Единственный туалет был переполнен. Дверь открывали только для того, чтобы втолкнуть ещё больше женщин,

которые с возмущением пытались объяснить охранникам: «Я ни в чем не виновата!»

Актриса была уверена: «Меня скоро освободят. Вот увидите! Это какое-то недоразумение». Они думали, что их невинность спасет их! Только не в 1950 году и не от коммунистов.

Нам всем сказали: «Вас вызвали, чтобы взять показания». Некоторым пришлось «давать свои показания» на протяжении десяти лет и более.

Михай уже потерял своего дорогого отца, а теперь у него забрали и мать.

На следующее утро мы услышали звуки духового оркестра. шёл парад, посвященный Дню освобождения (присутствие на котором было обязательным). Наши окна были закрашены. Но мы понимали, что если внизу проходит парад, то мы, должно быть, находимся в отделении милиции на главной улице Бухареста, улице Победы.

Тысячи сапог протопало мимо нас. Лозунги скандировали ритмично:

— 23-е августа принесло нам свободу!

— Смерть ворам и предателям в тюрьмах!

— Позор... — бормотали «социально загнивающие элементы». Загремел новый национальный гимн Советской Румынии: «Отбросим разбитые цепи...».

Никогда в истории Румынии ещё так много людей не было в цепях.

Часы тянулись бесконечно, делать было нечего, кроме как ждать. День и ночь, проведённые мной в этой комнате, казались бесконечными, с не иссякающим привкусом ада.

Наконец нам принесли черный хлеб и водянистый суп в тяжёлых жестяных котелках.

На следующий день сержант начал выкрикивать имена. Неужели нас отпускают?

Моё имя было в списке первым. Опять тёмные очки. Меня посадили в фургон и отвезли, как я узнала позже, в Департамент государственной безопасности на улице Рахова.

Перед тем, как затолкать меня в маленькую камеру, женщина-охранник спросила тех, кто уже находился внутри: «Кто-нибудь из вас знает эту женщину?»

Меня не знал никто. Меня оставили ждать вместе со всеми. Знакомых никогда не помещали в одну камеру. Арестованным не полагалось утешения. Они должны были находиться в одиночестве среди незнакомых людей. На стадии допросов никогда не оставляют долго в одной камере, чтобы арестованные не успели познакомиться, подружиться и понять, кто доносчик — подсаженный, чтобы шпионить за заключёнными, — которым, теоретически, может быть каждый.

Помимо молодой студентки-медика, все мои спутники были крестьянки, арестованные без какой-либо причины. Советы использовали террор для обеспечения коллективизации. С чиновниками, посланными, чтобы отобрать частную собственность, крестьяне вели ожесточенные бои. Бесчисленное количество крестьян были приговорены к расстрелу так называемыми судейскими тройками и почти 100 тысяч заключены в тюрьмы.

Через несколько дней меня перевели в одиночную камеру, в которой была только железная койка. Не было даже ведра — первого, что ищет заключённый на новом месте. Как я оплакивала это недостающее ведро!.. Оно значило для меня больше, чем пища, или тепло, или свет. Расстройство желудка, вызванное прогнившей пищей или страхом перед пытками, ничего не значило для надзирателей. Нас выпускали только в 5 часов утра, 3 часа дня, и в 10 часов вечера.

Высоко в стене было небольшое оконце, защищенное снаружи железной решеткой. Камера была сырой и холодной, даже в августе. Как радовалась я своему легкому летнему пальто и шерстяным чулкам!..

Сколько времени пройдет, прежде чем вызовут меня? О чём меня будут спрашивать? Я вспомнила неприятности с полицией, которые были у нас в прошлом: ожидание Ричарда в кафе через дорогу от полицейского участка; страх, что его никогда не освободят.

Он говорил: «Ад — это сидеть в одиночестве в темноте и вспоминать свои прошлые грехи». У меня их было так много, и теперь все они ярко стояли у меня перед глазами.

Надзиратель, принёсший еду — вареный овес — был пожилым человеком. Пожилые были лучше молодых. Часто он высказывал мне сочувствие.

— Сегодня погуще! — пробормотал он, поглядывая на кашицу. Он был одним из тех, кто до сих пор надеялся, что американцы придут и перевернут ситуацию с ног на голову.

Однажды он предложил вынести из тюрьмы письмо. Но я заподозрила, что это может быть использовано, чтобы уловить моих друзей, которые получат его.

Хриплым голосом он прошептал мне историю о том, как однажды спросил офицера:

— Почему в тюрьмах так много людей?

— Не лезь не в своё дело, — ответил офицер, — или станешь одним из них.

Надзиратель восхищенно усмехнулся:

— И что? На следующий день его арестовали! Никто не знает почему. И я никогда больше не видел его! Ах, те, кто судят сегодня, завтра сами будут судимы!

Ночью я лежала, пытаясь отвлечь своё внимание от скрипа стальных дверей, шипованных сапогов и ругательств надзирателей.

Каждый раз, когда рядом с моей камерой открывали двери, я думала: следующая — я. И прежде чем за мной пришли, я провела несколько дней в клаустрофобии.

* * *

Дверь камеры открылась:

— Лицом к стене!

На глаза опустились очки. Когда меня тянули за руки вдоль проходов, меня охватила страшная паника. Налево, направо, налево, направо. Поворот. А может, меня ведут на расстрел?! Умереть без предупреждения в темноте!

Мы остановились. Очки сняли. Я стояла, ослеплённая ярким светом, в огромной комнате. Надзиратель усадил меня в настоящее кресло, и я ухватилась рукой за настоящий стол. Огромный дубовый стол был испачкан.

За ним сидели двое мужчин, одетых в форму *секуритате* с синими петлицами: тучный среднего возраста майор, покручивающий усы, и молодой светловолосый лейтенант, который присутствовал во время обыска в моей квартире. Лейтенант смотрел на меня с любопытно-знающим видом. У него были ясные голубые глаза. Его светлый приятный облик кого-то мне напоминал. Необъяснимо почему, но он улыбнулся.

Я вздрогнула, поняв, что он похож на юношу, в которого так много лет назад я была влюблена в Париже. Сходство было необычайное.

Я ожидала услышать, какие против меня выдвинуты обвинения. Однако майор устало произнес:

— Вы сами хорошо знаете, гражданка Вурмбранд, о своём преступлении против государства. И сейчас вы напишете подробное признание.

— Но что мне написать? Я не знаю, почему меня сюда привезли.

— Вы всё прекрасно знаете, — настаивал он.

На столе сбоку от меня лежали ручка и бумага. Я написала несколько строк о том, что понятия не имею, за что меня арестовали. Он посмотрел на них, кивнул и приказал ввести следующего заключённого.

Всю дорогу обратно в камеру охранник кричал и толкал меня, бредущую с завязанными глазами. Когда за мной закрылась дверь, я увидела в маленьком глазке его глаз.

— Теперь сиди и думай, пока не напишешь то, что сказал тебе офицер! Или тебе не поздоровится!

Пытки, издевательства, унижение. Психологические пытки помогали смягчить арестованного перед допросом. Магнитофонные записи с кричащими голосами. Команда к расстрелу и выстрелы по громкоговорителям в коридорах. Пытка быть матерью, разлученной со своим ребёнком.

Мы обязаны ввести в заблуждение тех, чья единственная цель состоит в том, чтобы уничтожать.

Физические пытки. Я видела результаты того, что они делали с заключёнными. Проблема, что сказать следователям, была не новой. Мы неоднократно сталкивались с ней в нацистских тюрьмах. Некоторые считали,

что неприемлемо лгать даже ради спасения других. Они действовали в соответствии со своими убеждениями. Но любовь превыше истины. Я не говорю вору, где в доме хранятся деньги. Жертва имеет право обмануть злоумышленника, угрожающего ей оружием, чтобы его можно было обезоружить. Коммунистическая ненависть — беспричинное безумие. И мы обязаны ввести в заблуждение тех, чья единственная цель состоит в том, чтобы уничтожать.

* * *

Майор и его помощник ждали меня на следующий день. В его блокноте был записан ряд вопросов, которые он поочерёдно мне задавал. Их цель состояла в извлечении информации, которая могла бы быть использована против Ричарда.

Я помню, как майор сказал: «Каждый человек имеет свою слабину». Лейтенант повернул свою красивую белокурую голову и с пониманием улыбнулся.

Они пытаются найти слабые стороны Ричарда. Его будут безжалостно допрашивать. Майор долго говорил, прежде чем перешел к главному. Он произнёс небольшую речь о благословениях коммунизма и заверил меня, что они — мои друзья и друзья пастора Вурмбранда. Они хотели освободить его, но для этого необходима была некоторая информация. Он спрашивал, что Ричард говорил коллегам по тому или иному поводу.

Я ответила, что мы всегда обсуждали религию и никогда не обсуждали политику.

Майор улыбнулся, очень искренне, и произнес:

— Гражданка Вурмбранд, Библия полна политики. Пророки, восставшие и жалующиеся на египетское правление. Выступления Иисуса против господствующего класса Его времени. Если ваш муж является христианином, он должен иметь четкие представления о правительстве.

— Моего мужа не интересует политика.

— Тем не менее он имел аудиенцию с королем Михаем до того, как тот покинул страну. Зачем?

— Это — не секрет. Король имел аудиенции со многими людьми.

— Как долго длилась последняя аудиенция?

— Около двух часов.

— И всё это время они не упоминали о политике?

— Я уже говорила, что мой муж не интересуется политикой.

— Тогда о чём же они *говорили*?

— О Евангелии.

— И что сказал король?

— Он был на стороне Слова Божьего.

Лейтенант фыркнул от смеха и быстро приложил ладонь ко рту. Взглянув на майора, я подумала, что он неизменно получит выговор.

Вдруг улыбка майора стала более искренней, чем когда-либо ранее.

— Теперь, гражданка Вурмбранд, поговорим начистоту. Вы очень умная женщина, но я не могу понять ваше отношение. Вы и ваш муж — евреи. Мы, коммунисты, спасли вас от нацистов. Вы должны быть благодарны нам. Вы должны быть на нашей стороне!

Его глаза сузились. Он начал говорить медленнее.

— Ваш муж обвиняется в контрреволюционной деятельности. Он может быть расстрелян. Его коллеги дали показания. Они свидетельствуют против него.

Моё сердце встрепенулось. Он, конечно же, лгал и наблюдал за моей реакцией. Я попыталась выглядеть безразличной. Он продолжал:

— Может быть, они просто пытаются спасти себя. А возможно, они *сами* являются контрреволюционерами. Мы не сможем узнать об этом, если вы не расскажете нам всё, что говорили люди, работающие в миссии. Всё. Говорите, обличите настоящих контрреволюционеров, и завтра же ваш муж будет свободен.

Майор повернулся и улыбнулся своему помощнику, приглашая его принять участие в разговоре об этой счастливой перспективе. Его ученик, ободряюще, произнес:

— И вы могли бы вернуться домой к своей семье.

Какой милой моему сердцу была эта мысль!.. Однако я отогнала её и ответила:

— Я ничего не знаю.

Вернувшись ночью обратно в камеру и осматривая раны, нанесённые мне надзирателем, я почувствовала, что мои ноги свисают с

конца кровати, и подумала: *«Бедный Ричард, его ноги также будут свисать»*. Ведь он такой высокий!

Что они делали с ним сейчас? В какой-то момент я была готова сказать что угодно, лишь бы оказаться рядом с ним в безопасности. Я задрожала. Как я хотела, чтобы он жил, чтобы он не сдавался, чтобы сопротивлялся! Эти два желания боролись внутри меня.

* * *

Майор выглядел уставшим, его глаза были слегка мутными, однако в них был виден отблеск триумфа. Он нетерпеливо барабанил пальцами по рабочему столу. Допрос на этот раз сосредотачивался вокруг нацистов. Кого из немцев я знаю? Каковы наши связи с ними? Знаю ли я, что за укрывательство нацистов грозит расстрел? Почему в своём доме я скрывала нацистских офицеров?

Я могла с уверенностью сказать, что не скрывала нацистов. Для меня они были просто людьми. Они пребывали в нужде, и мы старались помочь им независимо от их убеждений, поскольку ранее мы помогали и гонимым евреям, и цыганам.

— Вы отрицаете это обвинение. Тогда у нас есть для вас сюрприз.

Он нажал на звонок под своим столом. Охранники ввели человека, которого я узнала сразу: Стефанеску был с нами в 1945 году и знал всё, что мы делали для немцев.

Он шагнул в комнату. Нервные глаза бегали от майора к его помощнику и ко мне. Он сглотнул и закрыл глаза, пытаясь отгородиться от всего мира.

— Вот, Стефанеску, — сказал майор, закуривая сигарету. — Расскажите нам, как Вурмбранды прятали в своём доме нацистов. Вы, конечно же, знакомы с этой женщиной?

— Нет.

— Что это ещё такое?!

— Я никогда не видел её раньше.

— Ты врешь!

— Нет, гражданин следователь.

Стефанеску снова закрыл глаза.

Майор кричал и ругался. Он прислонил своё лицо к лицу Стефанеску и заорал что было мочи.

Ошеломлённый и испуганный, Стефанеску продолжал повторять, что не знает меня. Тем не менее он хорошо знал меня, и у него не было по отношению ко мне добрых намерений. В тот момент Бог просто ослепил его.

Наконец, майор раздраженно приказал охранникам увести Стефанеску. Он удивленно посмотрел на меня, гася сигару. Он, казалось, считал всё это *абсурдом: еврейка, потерявшая во время нацистских погромов всю свою семью, скрывает нацистов в своём доме, рискуя жизнями своих сына и мужа, а также своей собственной*. Он переключился на вопросы о нашем служении в рядах Советской Армии.

Мне удалось уклониться от ответов на опасные вопросы.

Лежа на нарах в камере и страдая от бессонницы, я вспоминала высоких долговязых мальчиков, солдат Советской Армии, которыми когда-то была полна наша квартира. С какой замечательной простотой они слушали Слово Божье! Один из них радостно затанцевал по комнате, когда Ричард сказал ему, что на третий день Христос воскрес из мёртвых.

События прошедшего дня ободрили меня. У меня было сильное чувство божественного присутствия в моей одиночной камере. Бог дал мне силы и мудрости, чтобы парировать вопросы о печати Евангелий на русском языке и получении средств для оказания помощи нуждающимся. Возможно, худшее уже позади.

От стены отвалился кусок штукатурки. Я подняла его и с благодарением нарисовала на темном одеяле большой крест.

* * *

Теперь меня допрашивал новый следователь — огромный потный человек с лысой головой. Я долго стояла перед испачканным чернилами столом, в то время, когда он читал документы в коричневой папке.

Белокурый лейтенант что-то выписывал из толстого учебника. Он хитро поглядывал на меня, как будто знал что-то, что не было известно мне. Выражение его красивого лица было возбужденно-забавным,

как у ребёнка, который смотрит кино и знает, что через минуту произойдёт что-то интересное.

Руки лысого следователя были покрыты густыми волосами. Наконец он начал допрос. Все вопросы носили личный характер: моя семья, друзья, поездки за границу, студенческая жизнь в Париже. Он казался приветливым и дружелюбным, спокойным и уверенным в себе.

— А теперь, — сказал он ничем не примечательным официальным тоном, которым он ежедневно даёт распоряжения, — мы хотим, чтобы вы описали историю своих сексуальных отношений.

Я долго не могла понять, что он требует. Он терпеливо объяснил.

— История ваших сексуальных связей. Она должна быть у вас, я полагаю? Ваш первый опыт. Первый юноша, с которым вы пошли. Как он ласкал вас. Как вы целовали его. Что произошло дальше. Как он завладел вами и где это произошло? Или это досталось уже следующему? Расскажите нам о *его* объятиях. Сравните их обоих. Или даже троих. Расскажите о своих других любовниках. Мы хотим, чтобы вы дали полный отчет, шаг за шагом, так сказать.

Его спокойный, вежливый тон был словно пощечина.

Лейтенант смотрел на меня. Его язык прошел по губам, пока не нашел маленькую красную болячку на уголке рта.

— Запишите всё это. Мы хотим знать каждую деталь. Я уверен, что их есть много.

Я пыталась сохранить самообладание.

— Вы не имеете права задавать мне такие вопросы. Вы можете обвинить меня в том, что я — контрреволюционерка или что ещё вам угодно, но это — не суд нравственности.

Волосатые пальцы застучали по рабочему столу.

— Здесь мы решаем, какие вопросы задавать. Говорят, что вы какая-то святоша. А мы считаем, что всё — наоборот. Мы *знаем,* что это не так, и хотим показать вас в истинном свете.

Он смотрел на меня в упор, не мигая.

— Шлюхой, — добавил лейтенант.

— Я, конечно же, не буду делать того, что вы хотите.

— Это мы ещё посмотрим!

Лысый следователь пылал гневом, вылив на меня свои непристойные вопросы. Поток матерных слов полился из его рта. Он рас-

ставлял знаки пунктуации в каждом предложении, хлопая мясистой ладонью по столу.

Моя одежда промокла от пота. Голова кружилась. Я думала о том, как бы не упасть в обморок. Я продолжала отказываться писать что-либо.

Через час допрос был приостановлен. К тому времени лейтенант вернулся к чтению своей книги. Они проделывали всё это многократно с другими допрашиваемыми. Им стало скучно.

— Время на нашей стороне, — произнёс лысый следователь.

Наиболее болезненный удар он приберег на самый конец.

— Твой муж уже признался, что он — предатель и шпион. Вы оба теперь находитесь на пути к помойке, — он вышел из-за стола и дохнул мне в лицо: — Но ты не выйдешь отсюда, пока не сообщишь нам факты о своих сексуальных связях.

Он сердито обвел меня долгим взглядом.

Я конвульсивно дрожала.

Меня потолкали обратно к камере вдоль кисло воняющих коридоров. Очки сорвали за миг до того, как втолкнуть меня вовнутрь. Тогда впервые я увидела номер над дверью.

Семь.

Я находилась в камере номер семь. Святое число. Число дней творения. Семисвечник.

Я упала на койку и зарыдала. Через некоторое время я пришла в себя и немного успокоилась. Моё тело всё ещё продолжало лежать там, в темноте, но мой дух поднялся и вырвался за пределы тюрьмы.

Я вспомнила слова: «Мы сораспяты со Христом». И если пришло моё время сказать: «Свершилось», то я хотела бы только передать последние слова любви своим родителям и друзьям, а также вору, находящемуся рядом со мной, как это сделал Иисус. Бог был со мной в моей скорби.

— Встать!

В дверях показался Миелу, краснолицый главный надзиратель. Я встала и повернулась лицом к стене.

— Здесь не отель. Если бы все тут лежали и жирели, то сюда стояла бы очередь. Скоро ты узнаешь, для чего нужна тюрьма.

На румынском языке Миелу означает «агнец», однако он был далек от агнца. Помимо регулярного утреннего осмотра он рыскал коридорами, проводя незапланированные.

— Повернись лицом ко мне. Ты надумала говорить?

— Можно мне ложку, чтобы поесть суп?

— Если хочешь говорить со мной, держи свой рот закрытым.

Он захихикал над своей собственной шуткой, благодаря которой он был уже широко известен в румынских тюрьмах. Говорят, что до войны он продавал шнурки в кафе. А своим нынешним положением обязан эффективной службе в качестве информатора. Он любил показать свою важность при каждом удобном случае.

В полдень принесли жирный суп. Его необходимо было выпить весь. Таково было правило. Голодающих кормили насильно. Два надзирателя держали отказавшегося от еды, а третий заливал суп ему в рот. Когда это случалось, заключённый получал суп, который был немного более питательным, чем обычно: в него добавляли яичный желток и сахар, чтобы сберечь силы «пациента». В нём, говорили они, так много питательных веществ, как в трёхдневном обычном рационе. Таким образом, люди не ели в надежде, что их накормят насильно!

Я улыбнулась, вспомнив, как привередлив в еде был Ричард, когда мы поженились. И как рад он был бы вернуться к домашней еде сейчас!

Мы оба знали наизусть отрывки из второй книги Моисея, Книги Исход. В ней рассказано о том, как сыны Израилевы вышли из египетского рабства. Бог освободил их.

Каждую ночь в камере номер 7 я повторяла наизусть эти стихи. Я знала, что Ричард, где бы он сейчас не находился, делал то же самое, и верила, что Бог избавит нас.

— Ну что, теперь ты готова отвечать на мои вопросы? — волосатые пальцы шли прямо на меня, испуская запах алкоголя и табака. — Получим ли мы сегодня повествование о сексуальной жизни святоши?

Белокурый лейтенант смотрел на своего начальника, шокированный его грубым началом разговора.

У него снова был учебник и записная книжка. Я предполагаю, что он был одним из новых далеко идущих «пролетарских руководителей».

Светлый отрок из заводского цеха пытался сдать экзамен и получить продвижение в то время, когда безжалостная мельница перемалывала всё вокруг него.

Лысый следователь в течение двадцати минут повторял свои старые непристойные вопросы. Я же всё время возражала, что он не имеет права спрашивать такие вещи. Потом он остановился и закурил. Я предполагала, что теперь допрос возьмет на себя лейтенант. Однако когда майор вышел, молодой офицер вернулся к своей книге.

Я смотрела на него, немного дрожа. Мои глаза не фокусировались должным образом, а колени подкашивались. Я не спала уже несколько ночей.

Как же он напоминал мне молодого человека, с которым я когда-то была знакома в Париже! Где он сейчас? Оба они были очень красивы. Но сколько ужасного может скрываться за красивым лицом!.. Теперь он снова оторвал взгляд от книги и улыбнулся такой же знающей улыбкой. Казалось, он знает ответы на все вопросы своего грубого коллеги.

Мне пришлось простоять в течение трёх часов. Это была довольно распространенная практика. Чтобы избежать ненужной траты своего свободного времени, они вызывали заключённого и заставляли его стоять, пока сами изучали материалы его дела или читали учебники. Время привода и увода заключённого строго регистрировалось. Они официально отчитывались за своё рабочее время.

Майор вернулся и в течение ещё часа продолжал допрашивать меня:

— С кем ты спала? Что ты делала с ними?

Я была очень уставшей. Истощение привело к тому, что в моих глазах начали появляться черные волны. Однако я нашла в себе силы сказать:

— Я не буду рассказывать вам то, что вы хотите услышать.

Я смогла-таки дать ему информацию о том, что даже наиболее худшая история сексуальной жизни не является для человека препятствием на пути к Богу. Вместе с тем человек с любой историей сексуальных отношений может стать великим святым, если будет предан Богу, ведь когда-то и Раав была блудницей, а её будут почитать ещё долго после того, как о нас уже давно забудут.

Следователь лишь хмыкнул непристойность.

— Уведите её, — небрежно бросил он.

Когда меня выводили, белокурый лейтенант зевнул и потянулся.

Несколько дней спустя я вернулась в общую камеру. Она была похожа на коробку со льдом. Приближалась зима. Моё легкое пальто и шерстяные чулки были теперь предметом зависти всей камеры. Как я была богата!

Я пыталась поделиться своими богатствами. Пальто служило другим как одеяло, халат и нарядная одежда для допросов. Я предложила свои чулки девочке, одетой в тоненькое платье из хлопка. Неудержимая слеза покатилась по её белому лицу.

Четыре другие женщины в этой камере, к моему удивлению, были одеты в очень открытые вечерние платья: с глубоким декольте, без рукава. Наряды из белого атласа, волочащиеся по грязному бетонному полу, не являются идеальной одеждой для тюрьмы.

— Мы были в американском посольстве на премьере фильма о белых медведях, — рассказала мне одна из них. — По дороге домой такси, в котором мы ехали, остановили и вытащили всех нас на улицу. Нас забрали в Департамент безопасности. «Нам всё известно. Вы американские шпионки!» — сказали они.

Допрашиваемые в течение нескольких дней подряд, изможенные голодом и без сна, они отрицали обвинения. Теперь они ожидают суда. Их элегантные платья превратились в тряпки. От них отрывали полоски на носовые платки, полотенца и для других нужд.

Каждая женщина, когда наступала её очередь, встречала моё пальто восхищенными возгласами: «Это может сойти за норковый палантин!»

— Хочешь надеть его на свой следующий допрос?

— О, это *так* уместно. Я чувствую себя голой в этом открытом платье перед теми зверями. Пальто придаст мне мужества.

Дверь резко открылась, и все наши сердца одновременно замерли.

— Ты, — крикнул надзиратель. Они никак не могли произнести моё имя. Как и многие другие еврейские фамилии, Вурмбранд имеет немецкое происхождение, и звук «в» сбивал их с толку.

— Одень очки.

Начался слепой марш по вонючим коридорам.

Я вошла в комнату, полную мужских голосов. Воцарилась тишина. Я чувствовала, как все они уставились на меня. Мне стало жутко.

Не слыша ни звука, я стояла с завязанными глазами, зная, что они разглядывают меня. Что теперь?

— Снять очки!

Яркий свет ослепил меня. В незнакомой длинной комнате для допросов не было окон. Казалось, мы находимся под землей. За длинным столом сидели десять офицеров в форме, в их числе трое, с которыми я уже встречалась. Все они смотрели на меня.

— Ты знаешь, что случилось с твоим мужем?

— А разве вы не знаете? — ответила я. — Это вы должны рассказать мне!

— Сядь, — приказал майор с усами. — Если будешь сотрудничать со следствием и ответишь на все наши вопросы, мы можем позволить тебе увидеться с ним.

Я действительно верила, что они могут. Мы не совершили никакого преступления. Возможно, он был судим и оправдан. Как наивна я тогда была.

Перед ними на столе были разложены партии фотографий мужчин и женщин. Сержант, одну за другой, поднимал их.

— Кто это?

— Вы знаете этого человека?

— Кто это?

— Вы знаете этого человека?

Из всех я узнала только одного человека, однако пыталась не подать вида и продолжала отвечать «Нет».

Это была фотография из личного дела: анфас и в профиль, не очень хорошего качества. На ней был изображен наш близкий друг, русский солдат, принявший крещение в нашем доме. Как он изменился! Где он был сейчас? Я продолжала отрицать. «Нет. Нет. Нет», — повторяла я, качая головой.

Они кричали и издевались. Задавали вопросы. Ещё вопросы. И ещё вопросы. На некоторые из них я не могла ответить. На некоторые не стала отвечать. Допрос был длинным. Меня смущали шум и ослепительный свет. У меня закружилась голова.

— У нас есть способ заставить тебя говорить, который тебе не понравится. Не пытайся умничать перед нами. Ты тратишь наше время впустую. Ты тратишь впустую свою жизнь. — Повторяли они

бесконечное количество раз, и это сводило меня с ума. Мои нервы были напряжены до предела.

В камеру меня отправили только через несколько часов. Я лежала на соломенном матрасе и рыдала дико, громко.

— Здесь не разрешается плакать, — у двери появился надзиратель. Но я не могла остановиться. Мой плач повлиял на всех присутствующих женщин, и они тоже начали плакать.

Надзиратель с деревянным лицом повернулся и закрыл за собой дверь.

Я рыдала в течение двух часов. Тогда я взяла себя в руки и попыталась думать. Допрос велся от темы к теме, от человека к человеку. Любой человек, имя которого я назвала бы, был бы немедленно арестован и, в свою очередь, подвергся таким же пыткам. Я не должна называть ничьих имен. Но я была уверена, что не смогу больше вынести таких допросов.

Однако следующий перекрестный допрос был разыгран с применением новой тактики. Теперь лысый следователь был один. Он улыбался.

— Гражданка Вурмбранд, вам только тридцать шесть лет. Перед вами лучшие годы жизни женщины. Почему вы так упрямы? Почему вы отказываетесь сотрудничать с нами? Завтра вы могли бы выйти на свободу, если бы только назвали нам имена предателей, — подчеркнуто вежливо начал разговор следователь.

Я не отвечала.

— Давайте попробуем переубедить вас. Каждый человек имеет свою цену, каждая женщина также. Вы знаете историю о человеке, который в ночном клубе спросил официанта:

— Сколько стоит вон та блондинка в баре?

— Сто франков.

— А та брюнетка?

— Она особенная... Потянет на все пятьсот франков.

— А как насчет вон той девушки, которая сидит в углу с мужчиной?

— О, нет, сэр, она замужем за ним. За неё придётся заплатить не менее чем тысячу!

Он захохотал над своей шуткой и вытер лицо платком.

— Вы — честная женщина. Вы можете поднять свою цену. Иуда был дураком, потому что продал своего начальника за тридцать сре-

бреников. Он мог бы запросить все триста. Расскажите, чего бы вы хотели? Свободы для вас и вашего мужа? Хороший приход для него? Мы будем заботиться о вашей семье. Вы могли бы быть очень ценными для нас. Так как?

Когда он закончил говорить, в комнате воцарилась тишина. Наконец я нарушила её.

— Спасибо, но меня уже купили, — ответила она. — Сын Божий претерпел пытки и отдал за меня Свою жизнь. Благодаря Ему я могу достичь небес. Можете ли вы предложить более высокую плату, чем эта?

Лысый следователь внезапно стал выглядеть очень усталым. Его голос стал хриплым и разочарованным. Он сжал свой волосатый кулак, и я подумала, что он ударит меня. Однако его рука опустилась на стол. Он провёл руками по лицу и глубоко вздохнул.

23-го октября была годовщина со дня нашей свадьбы. Но счастливые воспоминания в тот день сделали меня ещё более несчастной.

Наступила зима. Михай всегда очень легко подхватывал простуду. Он спал крепким детским сном и сильно ворочался, часто сбрасывая одеяло на пол. Кто теперь укрывает его?

Иногда Михай поступал так преднамеренно. Однажды мы пошли на пикник, и он пил из застойного ручья, несмотря на то, что я просила его не делать этого. У него болело горло в течение нескольких недель. Потом он залез на дерево и упал с него. Он чуть не умер от полученной травмы. Кто теперь удержит его от глупого риска? С ним была его тетя Сюзанна, которую он очень любил. Но у неё были свои проблемы. Тысячи сомнений и тревог ежедневно пронзали моё сердце.

В ноябре к нам в камеру пришёл сам начальник тюрьмы. Небольшой группе женщин сказали быть готовыми через десять минут отправляться в дорогу. Задавать какие-либо вопросы было запрещено. Испуганные, мы собрали свои нищенские пожитки. Мы думали, что нас либо расстреляют, либо освободят.

На самом деле я была приговорена к принудительному труду. В моё отсутствие суд приговорил меня к двадцати четырем месяцам исправительных работ. По истечении же этого времени будет принято новое решение. Я была одной из многих тысяч заключённых, классифицируемых как «админзаключённые». Нас, без суда и следствия, отправляли в трудовые лагеря. В то время мы не знали, что были осуждены.

Заключенные были неотъемлемой частью экономики страны. Трудовые лагеря, как грибы после дождя, появлялись по всем уголкам нашей родины. «Диверсанты», не выполнившие трудовую норму, цыгане, преступники, священники, проститутки, богатые буржуа — вот широкий спектр людей, которые не в состоянии были вписаться в коммунистическое мировоззрение и которых отправляли туда для перевоспитания. Эти лагеря были огромными, с постоянно находящимися в них двумястами тысячами мужчин, женщин и детей. Их возраст колебался от двенадцати до свыше семидесяти лет. Такими методами во всех социалистических странах-сателлитах проводилась «социалистическая реконструкция».

Государство делало то, что хотело, и публиковало то, что хотело. В газетах ни слова не появлялось о судебных процессах и приговорах, только поздравления в адрес правительства за успехи, достигнутые в создании рабочих мест для народа. Какие чудеса оно творило! А особенно в сравнении с Западом, где миллионы людей были безработными. Известные западные деятели указывали на Румынию в качестве примера страны, которой удалось решить проблему безработицы. Перед тем, как у меня появилась возможность воспользоваться этой чудесной возможностью, я была переведена в пересыльную тюрьму, Джилаву — самую страшную тюрьму страны.

Глава 5
Джилава

Когда грузовик внезапно помчал вниз, все женщины завизжали. Ничего не было видно. Только слышно лязг металла. Мы остановились, ожидая в неловком молчании дальнейших приказаний.

— Снять очки!

Мы находились в большом подземном подвальном помещении без окон, с жирными каменными полами, стены которого блестели от влаги. Вокруг нас метались женщины-конвоиры в формах. Приземистая мускулистая фигура с рыжими волосами погрозила нам пальцем и предупредила:

— Я — сержант Аспра с труднопроизносимым именем и трудным характером. Не забывайте этого!

«*Aspra*» на румынском языке означает «суровый». Она села рядом с коллегой, такой же привлекательной, как и она сама, за стол. Клерк записывал наши имена в книгу учета.

— Все лишние предметы одежды, — объявила хриплым голосом Аспра, — жертвуем в пользу этой гостиницы. Так что раздеваемся!

Они забрали моё летнее пальто, но оставили тонкое платье и чулки, теперь уже все в дырах. Была произведена инвентаризация. Через несколько часов мы побрели по темным коридорам со сводчатыми потолками и арками. Запах разлагающихся человеческих тел витал во влажном воздухе. За стальными решетками стояли солдаты в фуражках защитного цвета.

В Джилаве я не чувствовала себя полностью чужой. Это был форт, построенный в прошлом веке. Камеры здесь находились глубоко под землей. Я приходила сюда раньше, когда массовые аресты только начались, с девушкой, которая думала, что её друг был среди заключённых этой тюрьмы. Сотрудник провёл пальцем по фамилиям, обозначенным в его списках, и сказал, что заключённого с таким именем в них не значится.

Я проделала то же путешествие из Бухареста после того, как исчез Ричард. Я заполнила длинный бланк и прождала много часов, чтобы услышать, что заключённый с таким именем здесь не значится.

Однажды к нам в камеру в следственном изоляторе были брошены две пятнадцатилетние школьницы. Они примкнули к тайной патриотической группе.

— Да помилует вас Бог, чтобы вы никогда не узнали, что такое камера номер четыре в Джилаве, — прошептала старшая из них.

Сержант Аспра отперла тяжелую дверь, заваренную железными решетками.

— Добро пожаловать в камеру номер четыре!

Было позднее утро, но в камере было ещё темно. Слабая электрическая лампочка свисала с потолка. Два длинных яруса деревянных нар стояли вдоль стен высокого сводчатого помещения, образовывая посредине узкий коридор. В дальнем конце было небольшое окно, закрашенное и зарешеченное.

Десятки глаз смотрели на меня сверху.

— Я — Виорика, ваш начальник камеры, — нарушил тишину голос, и я увидела машущую мне руку. — Дайте ей место в конце.

В темном конце камеры, рядом с открытым стоком, стояло всего одно уборное ведро. Предложенная мне койка находилась прямо над ним. Ведро было одно на всех пятьдесят женщин, большинство из которых страдало от проблем кишечника из-за плохого питания.

На верхнем ярусе было душно и жарко. Вспотевшие женщины лежали полуголые. Куда не поведёшь взглядом, всюду виднелись тонкие руки и ноги, обвислые груди и раны. Казалось, я попала в средневековый склеп.

На большинстве тел имелись многочисленные следы и шрамы от пыток.

Женщины лежали и на бетоне возле двери, в надежде вдохнуть хоть немного воздуха.

— Они дуры! — сказала девушка, лежащая рядом со мной. — Влажность от пола более вредна, чем отсутствие свежего воздуха.

«Джилава» — это румынское слово, обозначающее «сырость». Форт был окружён рвом. Вдали, похожий на маленькую виселицу, виднелся отрезок железнодорожной линии. Громкий стук по железной

решетке поднял нас в 5 часов утра. Сразу же сформировалась очередь на ведро. Камера наполнилась разговорами и спорами. А вскоре и грохотом металлических мисок.

В своё первое утро в Джилаве я услышала, как кто-то поёт христианский гимн.

— Монахинь ведут!

Моё сердце радостно забилось.

— Монахини, здесь в Джилаве?! — воскликнула я.

— Да, и если Аспра услышит, как они поют, она снова прикажет связать им руки за спиной. В последний раз они ходили так в течение трёх часов подряд.

Бледная восемнадцатилетняя девушка, сидевшая рядом со мной, перестала жевать корочку и вздохнула:

— Это ещё ничего! В моей последней тюрьме, в Мишлее, они связали религиозных женщин и одели им на головы противогазы. Это было ужасно!

Других монахинь содержали в соседних камерах. Сквозь стены толщиной в три с половиной метра женщинам удавалось, хотя и с большим риском, общаться, прикладывая жестяную кружку. Общались с помощью стука. Звук усиливался, и его было чётко слышно. Однако надо было постоянно следить за надзирателями, которые заглядывали в глазок.

Сообщения в тюрьме передавали с помощью азбуки Морзе. Мы узнали, что в четырёх клетках нашего крыла находятся двести женщин и около трёх тысяч заключённых — в других местах. И это в крепости, предназначенной для шестисот узников!

Попадая в тюрьму, люди узнают, что значит жить на этой земле и ничего не делать. Не мыть, не шить, не убирать, не работать. Женщины с тоской вспоминали о приготовлении пищи и уборке своих жилищ. Как им хотелось бы испечь торт для своих детей, а затем пройтись по дому с тряпкой, вымыть окна, начистить столы. У нас не было даже на что смотреть. Время не шло. Оно стояло неподвижно.

— С какой ностальгией я вспоминаю, как когда-то жаловалась на переутомление! — вздохнула моя соседка. — Должно быть, я сошла с ума!

Когда дети уходят из дома, мать понимает, какая радость была заботиться о них и какая пустота появляется в её жизни, когда в этом нет больше нужды.

В 11 часов мы выстраивались в очередь за супом. Каждая женщина получала кусочек черного хлеба. Занятые мыслями о предстоящей трапезе, заключённые ждали спокойно.

В миг, когда в камеру вталкивали парующий горшок, ссоры возобновились с ещё большей силой. Женщины дрались за кусок хлеба, который, как им казалось, был большим, чем другие. Всегда это начиналось одинаково: «Ты, сука, ты же знаешь, что сегодня я первая!» Оскорбления выкрикивали с огромным ожесточением. Камера наполнилась отвратительным котячьим визгом.

Дверь распахнулась. Надзиратели набросились на нас, нанося удары палками. Аспра заорала: «Мы слишком жалеем вас. Вы... Если так будет продолжаться, завтра вы будете голодать!»

Весь пол был покрыт лужами пролитого супа. Из темноты доносились всхлипывания. Когда надзиратели, хлопнув железной дверью, ушли, рыдания вырвались на свободу. Пятьдесят женщин плакали, кричали и обвиняли друг друга до тех пор, пока Аспра вернулась и сообщила: «Сегодня больше не будет пищи и завтра тоже!»

После её ухода опять посыпались упреки и обвинения. Вокруг кричали, шипели и бормотали что-то. Девушка, сидящая рядом со мной, коснулась моей руки:

— Бедняжка. Вы так и не успели ничего поесть.

— Ничего, всё равно еда была не очень аппетитной.

— Это из-за гнилой моркови. Государство сбрасывает сюда то, что никто не покупает даже для свиней. Недавно снова привезли триста тонн. А мы постоянно питаемся ею. Посмотрите, у меня даже кожа стала желтой.

Она сказала, что её зовут Елена.

На меня посмотрела большая властная женщина.

— А ты кто? Почему ты здесь? — спросила она. — С тех пор, как ты прибыла, ты не произнесла ни слова.

Я назвала своё имя и сказала, что я — жена пастора.

— Религиозная, значит, да? Церковная. А ты знаешь, какие-нибудь библейские истории? — поинтересовалась седовласая крестьянка.

— Да, да, расскажи нам что-нибудь, — к ней присоединились другие голоса. — А то здесь так скучно!

Однако мужеподобная властная женщина стала вести себя ещё более враждебно.

— Ещё превратите это место в церковь! — сердито прошипела она и ушла.

— Не обращайте внимания на Эльзу Гаврилоиу, — посоветовала Елена. — Она — старый член партии. Всегда очень признательна за предоставленную ей возможность изучать свои идеологические ошибки в Джилаве — перевоспитательном учебном заведении!

Остальные дамы засмеялись, на миг забыв о своих печалях, даже о том, что в течение следующих тридцати шести часов не будет пищи.

Чтобы ободрить их, я рассказала историю об Иосифе и его братьях, иллюстрирующую, как может повернуться колесо жизни, когда всё выглядит безнадежно. И пока их лица светились интересом, я воспользовалась возможностью рассказать им некоторые из многих скрытых смыслов этой истории.

— Помните, как отец Иосифа дал ему цветной халат. В нём были переплетены тёмные и яркие нити. И те, и другие символизируют жизнь. Несмотря на то, что завистливые братья продали Иосифа в рабство, он остался жив и стал смотрителем большого домашнего хозяйства одного из знатных людей Египта. Потом колесо опять повернулось, и он был брошен в тюрьму. Тем не менее он снова поднялся, чтобы быть правителем над всем Египтом и спас страну от голода. Когда братья Иосифа пришли купить зерна, то, не узнав его, испугались, что этот великий владыка Египта может отобрать их ослов. Так это часто бывает и с нами. Мы беспокоимся о мелочах и упускаем из виду тот глубокий смысл, который может быть скрыт за ними. Некоторые горести могут казаться нам страшными, потому что мы смотрим на них с узкой человеческой точки зрения. Мы не можем видеть всю историю до конца. Иосиф стал первым министром Египта и спасителем для своих братьев, когда-то продавших его.

В то время как несколько женщин внимательно слушали мой рассказ, остальная часть населения камеры гудела и выражала своё недовольство.

Я поймала на себе взгляд рыжеволосой Виорики.

— Будьте осторожны, — прошептала мне женщина с лицом крестьянки. — Если Аспра услышит разговор о Боге, будет беда!

* * *

На следующее утро Виорика появилась в полосе между койками.

— Я знаю, кто ты! — сказала она, указывая на меня пальцем. — Я долго не могла вспомнить. Но теперь я знаю!

Я думала, что она слышала мою короткую проповедь и хотела наказать меня.

— Твое имя было мне очень знакомо. Я знала, что где-то слышала его раньше...

Остальные удивленно уставились на меня. Я сидела на верхнем ярусе койки, как картина, которую все одновременно начали разглядывать.

— Да, — торжествующе произнесла Виорика. — Она проповедница. Жена этого пастора Вурмбранда!

Главная по комнате с гордостью объяснила, что её дядя был главой православного храма в Бухаресте. Он слышал выступление Ричарда на Конгрессе культов.

— Единственный из 4 тысяч присутствующих, кто встал и высказался как человек Божий, когда все остальные приветствовали коммунистов, — объяснила Виорика. — Вы знаете, что после всего этого был уволен министр культов?

Потом она повернулась ко мне.

— Я была в вашей церкви. Ваше богослужение было прекрасно.

Так во мгновение ока я превратилась в героиню. Я слезла со своего насеста над ведром. Виорика переселила меня на стоящую пустой лучшую койку, находящуюся за несколько метров. Там она нанесла мне государственный визит.

— Это тебе не шутка быть главной по комнате, — сказала она. — Ещё один такой день, как вчера, и я сойду с ума.

Полномочия Виорики были огромными. Она рекомендовала сержанту Аспре, кто может выполнять всеми желанную работу в прачечной. С каким почтением женщины умоляли её предоставить возможность стирать грязное белье персонала тюрьмы именно им. Это

была тяжелая работа, однако бесконечно более предпочтительная, чем сидеть в темноте камеры, ничего не делая.

Я получила свой первый *тертч* — блюдо из вареной кукурузы — и огляделась в поисках чего-либо, чем можно было бы его есть.

— Она хочет ложку! — с издевкой произнесла госпожа Гаврилоиу. — Лакай её!

Я попыталась хлебать жидкую, пахнущую сыростью жижу из мелкой оловянной тарелки, но она всё время стекала по моему подбородку. Лакать казалось мне слишком по-животному, поэтому свой утренний тертч я отдала соседке.

Потом меня посетила спасительная мысль: почему я не хочу быть униженной? Наш Господь уничижил Себя до предела. Я вспомнила Гедеона, героя, отправившегося сражаться с врагами Израиля. Бог сказал ему отобрать только тех солдат, кто лакали воду из реки языками, как собаки, то есть тех, кто готовы были принять наибольшее унижение. Когда пришла следующая еда, я начала лакать её из миски.

Позже Елена показала мне, как можно отколоть кусок дерева с фрагментом разбитого стекла и превратить его в подобие ложки.

Женщина из тюрьмы Мишлея рассказывала, что для кормящих матерей и беременных женщин там предоставлялось дополнительное питание. Однако это скоро прекратилось.

— Что же произошло?

— Половина женщин сразу же заявили, что беременны; а остальные начали завидовать и возмущаться.

Ни одна из нас не была достаточно толстой, чтобы сойти за беременную, хотя некоторые из нас были опухшими от голода. Только позже мы пришли к выводу, что истощение заключённых было официальной политикой нашей тюрьмы. Голодание сделало нас вялыми и, следовательно, менее хлопотными. Потом же, когда нас вербовали для работы в трудовых лагерях, мечты о лучшей пище заставляли нас стремиться стать «добровольцами».

Обычно мы собирались вокруг нар монашенок.

— Примени свой опыт работы с женщинами и помоги нам избавиться от склок, — просила госпожа Ступинеау, ближайший союзник Елены.

Высокая статная женщина, она была зажиточной вдовой. Пока не пришёл коммунизм. После этого, потеряв всё, она выживала, продавая

свечи и убирая в церкви, щедрым меценатом которой когда-то была. Она рассказала нам странную историю.

Однажды утром в церкви, стоя за своим столом, где продавались свечи, она увидела незнакомца. Он перекрестился, но не справа налево, как православный прихожанин, а, наоборот, слева направо, как католик. Он купил свечку. Как оказалось, он знал немного румынский язык. Госпожа Ступинеау выяснила, что он был семинаристом из Франции, который путешествовал по Европе. Он был очень огорчен преследованиями церкви!

Госпожа Ступинеау, вспоминая свой французский, начала рассказывать ему о гонениях на христиан. Ведь в этой самой церкви, у этого самого алтаря, убийцы в милицейской форме безжалостно пытали священника!

На следующий день госпожа Ступинеау была арестована. Француз оказался агентом коммунистов. Вдове была предложена альтернатива: сохранение свободы в обмен на информирование властей о прихожанах — кто они, о чём говорят — или идти в тюрьму.

— Сейчас я уже год, как нахожусь в Джилаве, — сказала она. В возрасте сорока шести лет её волосы были совершенно седыми.

С нами были две католические сестры, которые излучали спокойствие и доброту. Безропотно они ухаживали за пожилыми женщинами. Они промывали воспаленные тела. Пели гимны. И приносили утешение там, где на это никто даже не надеялся.

— Разве здесь не запрещено петь? — спросила я при нашей первой встрече.

— Нам разрешено петь, но за это нас будут бить, — ответила сестра Вероника.

Сестра Софья, младшая из них двух, показала багровые синяки на руках и шее.

— Мы пели очень тихо, — прошептала она. — Но кто-то донес на нас. Надзиратели вбежали и начали пинать и избивать нас. После этого сержант Аспра запретила всем разговаривать. Но как же заставить пятьдесят женщин сидеть тихо?!

В церквях Софья играла на органе. Она была и нашим запевалой, всегда ведя нас в пении гимнов поклонения. Некоторые из заключённых знали песни, написанные для «Армии Господа» или Армии Спасения.

Большинство женщин принадлежали к православному вероисповеданию. Неграмотные соотечественницы очень боялись умереть без священника и последних обрядов. Они считали, что станут призраками и не смогут войти в Царство Небесное. Монахини часто повторяли слова заупокойной службы, и хотя женщины не были уверены, что это на самом деле поможет, все равно, казалось, от этого им становилось легче. «Господи, упокой среди святых усопшую рабу Твою, — пели монахини. — Дай ей отдохнуть среди зелёных пастбищ».

Зелёные пастбища. Мы были под землёй. Над нашей камерой росла трава. Там паслись коровы. Как хорошо им, должно быть, там, на солнце с большим количеством пищи!

Среди монахинь, заключённых в Джилаве, были настоятельницы, послушницы, сестры, которые выполняли социальную работу. Это были женщины от восемнадцати до шестидесяти лет. Когда правительство запретило греко-католическую церковь, монахи, священники и монахини, отказавшиеся перейти под протекторат православной церкви (которая находилась под контролем коммунистов), были заключены в тюрьму. Там они присоединились к своим братьям и сёстрам — римским католикам.

* * *

Заместительницей сержанта Аспры была капрал Георгеску, медленная девушка с плоским лицом и ещё более плоским умом. Она собрала заключённых для выполнения физических упражнений.

— Когда я говорю выйти на улицу, никто не должен быть последним. Все должны выйти вместе! — кричала она.

Пятьдесят женщин не могли одновременно выйти через одну дверь. Однако не могли они и спорить с Георгеску.

— Когда я отдаю приказ — вы подчиняетесь, — шипела капрал в то время, когда за её спиной женщины хихикали, имитируя её манеру говорить в нос. Через минуту смех достигал пика и превращался в истерику. Она начинала кричать. Её удары и пинки всегда доставались старым и немощным, не могущим быстро передвигаться.

— Разве вы не знаете, что такое жалость?! — воскликнула я. — Написано, что те, кто не проявляют жалости к ближним, сами не получат её от Бога.

— Нет, я не знаю, что такое жалось! — проревела она. — И я не хочу знать.

Однако даже у Георгеску было слабое место. Несмотря на то, что она ни разу не дала мне разрешения на медицинское лечение, пока я находилась в камере номер четыре, она позволяла женщинам, страдающим от зубной боли, посещать стоматолога. Она сама страдала от зубной боли и знала, что это такое.

Насколько задеревенелыми были эти женщины-надзирательницы!

Я привыкла к людям, которые любили, ненавидели, реагировали каким-либо способом. Но эти девушки в военной форме были превращены в марионеток. Если был приказ бить, они били. Мы были для них как ковры. Если же приказ был не обращать внимания, они игнорировали нас. Они прошли школу, где им преподавали слепое повиновение. Большинство из них были бывшими крестьянками, никогда не обладавшими ни одеждой — наряднее, чем их новая форма, ни дорогими игрушками, как их револьверы. Они правили тюрьмой, и тюрьма была их царством.

Демонстрация диктатуры пролетариата в действии была направлена ими главным образом на учителей, жён профессоров и других деятелей культуры. И это была не просто зависть необразованных по отношению к образованным. Им внушили идею, что «буржуазные интеллектуалы» угрожают мировому прогрессу коммунизма. Они до сих пор верили в партию и её обещания.

* * *

Взглянув на Санду, можно было подумать, что она — одна из немногих здравомыслящих людей в камере. Она была молода и имела ясные глаза. Высокая, с длинными темными волосами, она получила научную степень лишь за месяц до своего ареста. Её звонкий голос, казалось, отскакивал от поверхности стен. Трудно было предугадать, откуда он зазвучит через мгновенье. Она была арестована из-за своего брата, который принадлежал к антикоммунистическому партизанскому движению, возглавляемому полковником Арсенеску, члены которого теперь скрывались в горах. Некоторые из её выражений в стенах университета были переданы в полицию.

Время от времени, во время разговора, в её глазах появлялась пугающая пустота. Голос замирал на середине предложения. Раньше я уже видела эту пустоту в глазах заключённых, и это меня настораживало.

Однажды вечером нары по соседству с Сандой опустели. Её соседка взобралась ко мне на второй ярус.

— Пожалуйста, позвольте мне посидеть с вами, — умоляла она. — Санда такая странная. Я думаю, что у неё начинается очередной заскок.

Я пошла посмотреть на девушку. По её лицу текли два ручья слёз, а её длинные пальцы нервно крутили прядь волос.

Вдруг она закричала:

— Я не знаю, я не помню, я никогда не видела его раньше!

Виорика бросилась слезать со своей койки.

— Опять начинается! — скулила она. — Почему её не забирают? Как будто у меня и без неё не хватает ответственности.

В панике женщины начали креститься.

Санда тяжело дышала. Её лицо стало красным. Затем, с пронзительным визгом, как животное, попавшее в ловушку, она вскочила с нар. Руки запарили в воздухе. Черные волосы взлетели вверх. Наталкиваясь на всех, кто оказался на её пути, она бросилась к подоконнику, на котором стояли куча мисок и котелков. Она начала швырять их в голову Виорики, однако не попадала, и они с грохотом ударялись о железные двери.

Головы исчезли под одеялами. Камера наполнилась криками и громким плачем.

Две сильные девушки бросились к Санде, пытаясь остановить её. Они долго боролись с ней в узком проходе, в то время как Виорика лишь выкрикивала бесполезные советы.

— Хватайте её, усмирите её! Боже, Боже!

Казалось, ею двигал целый легион невидимых бесов.

Лишь сестра Вероника оказалась достаточно смелой, чтобы, в конце концов, подойти сзади и набросить на голову Санды одеяло. Все трое упали на пол. Две девушки прижали Санду к полу. Приступ прекратился. Она затихла. Её, без сознания и в мокрой от пота рваной одежде, подняли на нары и оставили в покое.

Я тихо начала сползать с кровати.

С противоположной стороны послышался мужской голос. Холодный и четкий голос следователя. Он задавал вопросы. Те же вопросы. Снова и снова.

Дрожа, я отскочила в другой конец камеры. Бледная молодая девушка, съежившись, лежала на койке, прижав колени к груди, дрожа от страха. Она заговорила, как будто отвечая на чьи-то вопросы: «Я не знаю. Меня там не было». А потом как закричит: «Пожалуйста, не бейте меня! Нет, пожалуйста. Пожалуйста. А-а-а-а-а!»

Казалось, ею двигал целый легион невидимых бесов.

Её глаза были открыты. Она вновь переживала, в состоянии транса и испуга, пытки в камере для допросов. С жуткой правдоподобностью она воспроизводила глубокий голос следователя и, задыхаясь, отвечала на его вопросы: «Я не знаю». Потом она начала издавать звуки, подобные кашлю от удушья, как если бы кто-то пытал её. И это было только начало.

В течение часа камера была наполнена ужасающей какофонией криков и рыданий. В истерику начали впадать женщины, одна за другой. Силы зла, как казалось, брали нас в этой зловонной темноте в своё кольцо. Свет одинокой лампочки бросал зловещие тени на сводчатый потолок.

Сначала я онемела от шока. Потом, как от раскаленного в огне железа, я почувствовала в груди боль и поймала себя на том, что также переживаю свой недавний допрос, ночи, проведённые в страхе, страдания от мыслей о том, что они сделали с Ричардом и что происходит с Михаем.

Я отбивалась от безумия молитвой. Не действуя осознанно, я всё-же погружалась в поток слов молитвы. Монахини делали то же самое.

Как будто наши койки были единственным безопасным местом в этом аду, вокруг нас столпились все остальные женщины. заключённые, прижавшись ко мне, сжимали мои руки; казалось, они пытаются укрыться от ночного кошмара.

Надзиратели и раньше уже неоднократно становились свидетелями таких трагических сцен. В таких случаях они всегда держались в стороне.

Санда, снявшая гранату с предохранителя, мирно спала и ничего не слышала.

Звук рыданий начал понемногу утихать. Через час молчание нарушало только истощенное всхлипывание, доносившееся из темноты. Чувство страха исчезало.

В течение длительного времени я не могла уснуть, лишь молча молилась: «Господи, Ты дал мне расположение этих женщин, дай же мне и мудрость сердца, чтобы привести их души к Тебе».

Снаружи в длинном коридоре шаги надзирателя удалялись, становясь всё глуше. Где-то в глубине тюрьмы со страшным грохотом захлопнулась огромная дверь. Мне показалось, что я слышу, как в другой камере кашляет женщина. Эхо разносило тихие, слабые звуки в огромном лабиринте под названием Джилава, где три тысячи невольных душ пытались уснуть и хоть на время забыться.

* * *

На следующее утро я столкнулась лицом к лицу с Эльзой Гаврилоиу, старым членом партии. Как утверждали слухи, она — бывший секретный сотрудник *секуритате,* впавший за что-то в немилость. В то время тюрьмы были переполнены жертвами партийных чисток.

Эльза открыла на меня свой большой рот:

— Только попробуй снова начать здесь свои проповеди, и я буду барабанить в дверь, пока не придут надзиратели.

Я ответила:

— Эльза, вы все ещё верите в партию?

— Несомненно, — ответила она. — Я никогда не изменю свои убеждения. Мой арест — это всего лишь недоразумение.

— Мой арест также не изменил мою веру во Христа. Наоборот, она стала ещё сильнее. И я хочу рассказать людям, какого друга они имеют в Иисусе.

— Из-за тебя накажут всю камеру. Я не собираюсь страдать за твоего Бога. Во всяком случае, Он не сильно помог тебе.

— Если Бог вам так не нравится, — поинтересовалась я, — то какой же Он? Если вы говорите: «Я не люблю Ивана», — вы знаете, что за человек этот Иван и какой у него характер. Каково же ваше представление о Боге?

— Ха! — возможность дать ответ по учебнику атеизма пришлась ей по вкусу. — Бог — фанатик, не позволяющий науке говорить правду, покровитель эксплуататоров пролетариата. Ему строят церкви на деньги, выжатые с людей.

Я ответила:

— То, что вы называете Богом, конечно же, звучит крайне непривлекательно. Однако Бог, которого я люблю, — это совершенно другой Бог. Он разделил бедность рабочих, был воспитан среди угнетенных, кормил голодных и исцелял больных. Он учит любви. Он умер за нас....

— Любовь! — её голос вздрогнул. — Что в ней хорошего? Для меня, во всяком случае. Я говорю вам, я — сама ненависть! Если бы вы знали, как я ненавижу этих товарищей-предателей, которые упрятали меня сюда. Я желаю им попасть в ад! Я отдала всю свою жизнь партии, и вот что они сделали со мной.

Она грустно склонила голову. В её глазах блеснули слезинки. Казалось, что в тот миг я больше ничего не могла для неё сделать.

— Может, скажешь помолиться: «Прости им, Отче?» — прошипела она снова. — И мне также не нужно ничьё прощение. Это всё — ложь.

Она заплакала.

— Мне всё равно, — всхлипывала она. — Если янки придут, то меня повесят. Если останутся коммунисты, я сгнию в тюрьме. Какое прощение?

Из её глаз непроизвольно текли слёзы. Через некоторое время она села, вытерла серое лицо краем юбки и хитро посмотрела на меня.

— Сабина Вурмбранд, ты хитрая. Я говорю тебе прекратить проповедовать, и через пять минут ты вновь проповедуешь мне.

Однако на этот раз госпожа Гавролоиу уже не угрожала вызвать надзирателей. Теперь я была известна всей камере номер четыре. Женщины начали обращаться ко мне за уроками французского и немецкого языков.

— Все уроки госпожи Вурмбранд всегда начинаются со слов «Dieu» или «Gott», — добродушно подсмеивалась надо мной Фанни Маринеску, моя лучшая ученица.

Некоторые хотели брать уроки, чтобы скоротать время. Другие же считали, что на свободе знание языков может пригодиться. В Бухаресте, переполненном войсками союзников, переводчики будут пользоваться спросом.

Муж Фанни и её мать находились в тюрьме. Ей было двадцать пять лет. Она была тиха и застенчива, с короткой стрижкой и большими круглыми глазами.

Впервые мы разговорились во дворе, во время утренней прогулки. Сержант Аспра и её помощники выкрикивали команды, как букмекеры.

— Смотрите, травинка! — прошептала она. — Откуда она здесь взялась? Какая воля к жизни!

Она поднесла её к губам.

Скоро мы стали близкими подругами. Наши уроки французского проходили в письменной форме на подошвах обуви, смазанных мылом, поскольку в Джилаве не выдавали ничего: ни бумаги, ни одежды, ни белья, ни даже посылок из дома.

Иногда нам приходилось остановить урок, потому что у неё начинались приступы боли.

— Я не знаю, что это такое, — стонала она. — Боль то приходит, то исчезает.

Однако обратиться к врачу было практически невозможно. При длительных приступах могла появиться санитарка. Больные женщины окружали её, крича и моля о помощи и лекарствах. Дежурный разрешал трём или четырём «неотложным случаям», причинявшим больше всего хлопот, пойти в лазарет. Лечение производилось двумя способами: таблетками серы при диарее и аспирина во всех остальных случаях.

Затем Фанни Маринеску сдалась. Её вынесли на одеяле. Через несколько дней она вернулась с диагнозом туберкулёз кишечника.

— Мне обещают сделать операцию, — прошептала она, напрасно пытаясь улыбнуться.

Несколько недель спустя Фанни перевели в тюремную больницу, где она умерла. Болезнь оказалась не туберкулёзом, а раком. Позже,

в трудовом лагере, я встретилась с матерью Фанни Маринеску, и именно мне пришлось сообщить ей эту трагическую новость.

Через проход на койке напротив меня лежала госпожа Иоанид. Её сын скрывался в горах вместе с партизанами маки полковника Арсенеску, а две дочери находились в СИЗО: одна в Мишлее, а другая с нами, в Джилаве, но в соседней камере.

Мать видела, как её дочь выводят на прогулку во внутренний двор тюрьмы. Она припадала к крошечному глазку в закрашенном окне. Любой, пойманный рядом с окном, немедленно подвергался наказанию, однако шестидесятилетняя госпожа Иоанид была готова на любой риск, лишь бы хоть одним глазом взглянуть на свою младшенькую. Когда мать смотрела на дочь, по её лицу текли слёзы.

Иногда, с трудом взобравшись на мою койку, она рассказывала о своём муже и детях. Она спрашивала о Ричарде, имя которого было известно многим заключённым. Как мы впервые встретились? Всегда ли он был пастором? Как так произошло, что еврей обратился в христианство?

— Это длинная история, — отвечала я, — местами грустная и тяжелая, но также очень счастливая.

До сих пор я не позволяла себе погружаться в воспоминания. Госпожа Иоанид слушала так тихо, спрятав своё морщинистое лицо в тени под тусклым серым светом лампочки, что мне казалось, будто я разговариваю сама с собой.

Время от времени женщина шептала «Неужели?» или издавала негромкий возглас удивления по ходу моей, должна согласиться, странной истории. Всё началось с нашей первой встречи. Ричарду было двадцать семь лет, а я была на четыре года моложе.

Глава 6
Моё обращение

Я свернула на улицу в Бухаресте, где жила семья Вурмбранд. Мой дядя был постоянным завсегдатаем в их доме, а я сопровождала его впервые. Я посмотрела на дом, к которому мы направлялись. На балконе стоял молодой человек с таким гневным выражением лица, что я чуть было не повернула обратно. Увидев моего дядю, он махнул рукой и спустился вниз. Когда приветствия и все условности знакомства были соблюдены, он, не таясь, рассказал, почему у него такой сердитый вид.

— Мать пилит меня, чтобы я женился. Она уже и девушку подобрала: наследницу семейного бизнеса с двумя домами и миллионом приданого.

— Звучит очень заманчиво.

— Да, я не против бизнеса и наследства, — рассмеялся Ричард. — Только вот девушка эта мне не нравится! Но мама говорит, что для меня это лучший шанс, если я хочу, чтобы мы все стали богатыми. Я вышел на балкон и увидел тебя.

Он шутливо добавил:

— Мне в голову пришла мысль, что если бы я мог жениться на такой девушке, как ты, то мне не нужен был бы миллион.

Я решила не возвращаться в Париж, а устроилась на работу в Бухаресте. Мы с Ричардом встречались каждый вечер и поняли, что у нас было много общего. Мы оба провели детство в бедности, оба были евреями, откинувшими религиозные взгляды своего народа.

Ричард был напористым бизнесменом. Его острый ум помог ему заработать свои первые большие деньги. Он любил тратить их, и мы вместе посещали ночные клубы и театры. Мы не слишком часто задумывались о завтрашнем дне. Однажды вечером что-то заставило его сказать: «Я — не простой человек. Со мной твоя жизнь будет нелегкой».

Однако мы были слишком глубоко влюблены друг в друга, чтобы думать о будущем. У нас была религиозная свадебная церемония. В соответствии с еврейской традицией, об пол разбивались рюмки, что должно было напомнить нам о попрании Иерусалима ногами язычников.

Наше счастье длилось менее чем год. Потом Ричарда начал беспокоить раздражающий кашель. Он вернулся от врача с бледным лицом и диагнозом: туберкулёз. Ему сразу же необходимо было ехать в санаторий.

В то время туберкулёз был затяжной болезнью, которая часто имела фатальный исход. Я думала, что Ричард приговорен к смерти. Мне казалось, что это была худшая из трагедий в моей жизни, жестокая и ужасная шутка, сыгранная со мной в миг моего наибольшего счастья.

Когда Ричард уехал в горный санаторий, я переехала жить к своей матери. Она была очень добра ко мне, однако большинство ночей я плакала за Ричардом, пока, плача, не засыпала.

Каждые две недели я ездила поездом навестить мужа. Место, где он находился, было красивым, спокойным, с великолепным видом на холмы и долины, покрытые зелёными лесами. Через некоторое время мне стало казаться, что Ричарду даже начало там нравиться.

— Впервые в моей жизни я чувствую себя отдохнувшим, — говорил он.

Было видно, что он чувствует себя лучше. Болезнь отступала. Только теперь с ним начало происходить что-то странное.

— Я думал о прошлом. Обо всех людях, которые пострадали из-за меня. О своей маме. О многих девушках, о которых ты даже не знаешь. Раньше я думал только о себе.

— Не печалься, — ответила я. — Я тоже раньше жила такой жизнью. Так живет вся молодёжь!

Однажды я обнаружила, что он читает книгу, подаренную ему одной из пациенток санатория.

— Здесь написано о братьях Ратисбон, — объяснил он. — Они основали орден, целью которого являлось обращение евреев ко Христу. В то время как я понапрасну растрачивал свою жизнь, другие молились за меня.

Далее он говорил об Иисусе Христе. Это был самый большой шок, в который могли повергнуть меня его слова. В правоверных еврейских семьях, как моя, было запрещено даже упоминать имя Христа. А проходя мимо церкви, мы должны были смотреть в другую сторону. «Я переросла уже своё строгое еврейское воспитание», — думала я. Но то, что Ричард даже думает о таких вещах, ужасно расстраивало меня.

Мне хорошо была известна история преследований моего народа христианами. Как евреев насильственно крестили и как они убивали своих детей, а затем сами, тысячами, кончали жизнь самоубийством, отказываясь менять свою религию. Как их принуждали присутствовать на католических мессах и как они заливали себе уши воском, чтобы не слышать то, что они считали кощунством.

Даже то, что мы видели вокруг себя, не обнадеживало. Православная церковь придерживалась крайне антисемитских взглядов. Так же, как и лютеранская. Наибольшая в стране антисемитская организация называлась «Лига национальной христианской защиты», основная деятельность которой, казалось, состояла в избиении еврейских студентов и разгроме еврейских магазинов.

Именно поэтому я не могла даже представить себе, что, в прошлом или настоящем, могло убедить Ричарда обратиться в христианство. Никто никогда не объяснял мне, что именно означало быть христианином.

Ричард выздоравливал. Я пыталась говорить с ним о тех чудесных временах, которые ждут нас, когда мы вернемся в Бухарест. А он пытался рассказать мне об открытии для себя Нового Завета, в котором рассказывается о жизни Христа. Раньше мы не думали о том, чтобы иметь детей. Теперь же Ричард только и говорил о том, как мы должны воспитывать их.

В горной деревне он совершенно выздоровел. Там же произошёл и один странный случай. Мы познакомились со стариком, плотником. Когда он услышал, что Ричард был евреем, его глаза загорелись от волнения. Положив свою грубую руку на его, он произнёс небольшую речь:

— Я просил Бога в конце моей жизни сделать мне один подарок. Поскольку Христос был евреем, я очень хотел привести к Нему еврея. Но так как в нашей деревне нет ни одного еврея, а покинуть деревню я не в состоянии, я просил Бога прислать его ко мне. И вот ты здесь. Ты — ответ на мою молитву!

Ричард был глубоко тронут словами старика, а моё сердце сжалось от уныния. Перед нашим отъездом плотник протянул Ричарду свою изношенную Библию со словами:

— Мы с женой молились над этой Библией в течение многих часов, прося твоего обращения к Богу!

Ричард читал Библию не отрываясь.

Я не знала, что мне делать. Я была чрезвычайно встревожена его поведением. Мало неевреев смогут понять, насколько сильным может быть влияние антихристианских чувств на сердце еврея. И помимо исторических причин, там почти всегда присутствуют личные. В детстве мне приходилось возвращаться из школы домой мимо угла, за которым меня подстерегали две большие девочки, чтобы потягать за волосы «маленькую грязную еврейку». Они были христианками. Для них это было своего рода развлечение. А потом, когда я подросла, началось нацистское преследование евреев в Германии.

В такие моменты Ричард отвечал мне, что Сам Иисус стал жертвой несправедливости, однако я не могла слышать из его уст это запрещенное имя.

— Я не нуждаюсь в Нём, — говорила я. — И тебе Он не нужен. Это неестественно. Мы — евреи, а это совершенно другой образ жизни!

Когда же он заговорил о крещении, я совсем потеряла голову.

— Я предпочла бы умереть, чем видеть тебя христианином. Это неестественно! — протестовала я.

Я даже убеждала его, что если ему действительно так необходима религия, он мог бы исповедовать свою собственную, еврейскую веру. На протяжении какого-то времени он так и делал. Он ходил в синагогу, но даже там он говорил о Христе. Затем он начал убеждать меня, до смерти перепуганную, но, вместе с этим, немного любопытную, заглянуть внутрь церкви.

Церковь была полна изображений ликов святых. Ричард показал мне, что половина из них были евреями, как и Иисус, и Его мать, Мария. Заповеди, которым учат каждого ребёнка, взяты из еврейской книги Моисея. А Псалмы — это еврейские псалмы царя Давида. Ветхий Завет полон пророчеств о Христе.

— Дело в том, — объяснил мне Ричард, проведя меня по странному сводчатому зданию, — что христианская религия — это наша еврейская вера, только открытая для всех народов земли.

Кто сделал возможным, чтобы еврейские ценности, нравственность и мудрость преобладали по всему миру и достигли многих сотен миллионов людей в течение двух тысяч лет? Только Христос мог сделать это! Из-за Его служения Священная книга евреев была переведена с иврита на тысячи языков и диалектов. А теперь Библию читают как невежественные крестьяне, так и крупнейшие ученые — Пастер, Эйнштейн...

Таким образом, благодаря своему терпению и убеждениям, в течение многих дней и вечеров Ричард разносил в пух и прах все мои возражения. Я начала читать Новый Завет, восхищаться Спасителем и бесконечно полюбила Его. Хотя я чувствовала себя больше приверженкой мнения Ганди, который сказал: «Из христианства дайте мне Христа, и можете оставить всё остальное себе». Я не хотела иметь ничего общего с Его последователями, которые наносили так много обид моему народу.

Однако Ричард был непреклонен.

— Ты не можешь принять Иисуса, не принимая Его учеников. Он не оставит их, чтобы прийти к тебе. Ты не можешь принять учеников, не назвав другом даже Иуду, как это сделал Иисус, — твердил он.

Со временем мои интеллектуальные возражения были устранены, однако я всё же знала, что не все мои эмоциональные барьеры ещё были преодолены. И они не ослабевали, а, наоборот, становились всё более сильными. На некоторое время мой разум, сдаваясь, шептал: «Он прав», но в тот миг восставало моё сердце, моё мировоззрение. В течение нескольких недель внутри меня бушевала беспощадная внутренняя борьба.

Однажды вечером Ричард, вернувшись с молитвенного собрания в «Англиканской миссии евреям», вложил мои руки в свою и сообщил, что «отдал своё сердце Христу» и скоро будет принимать крещение.

Я думала, что у меня сильный, жесткий характер. Однако эта новость была больше, чем я могла вынести. Я заперлась в своей комнате и провела там в одиночестве много часов.

Я решила, что в тот день, когда он примет крещение, я покончу жизнь самоубийством. Когда же этот день пришел, я, оставшись одна, заперла дверь и в истерике бросилась на пол. Внутри меня то бушевал ураган, то воцарялась бездонная пустота. В отчаянии

я громко воскликнула: «Господи, я не могу прийти к Тебе. Я не хочу, чтобы Ричард стал Твоим. Я не могу больше этого терпеть!»

Сила моего собственного крика напугала меня. В течение длительного времени я, рыдая, лежала на полу. Потом, понемногу, мне стало легче. Что-то изменилось внутри меня. Ко мне, казалось, вновь вернулась жизнь.

«Христианская религия — это наша еврейская вера, только открытая для всех народов земли».

Когда Ричард возвращался с крещения, которое происходило в другом городе, я купила цветы и пошла встречать его на вокзале. Как он был счастлив! Мы засиделись до поздней ночи, обсуждая всё, что произошло. Теперь я осознавала, что тихо и спокойно к этому изменению меня движет какая-то невидимая сила, которой я не знаю и не понимаю, хотя всё это время я думала, что все мои действия подвластны исключительно моему собственному разуму.

И, несмотря на то, что я уступила ей, я всё ещё не готова была назвать себя христианкой. Я была молода. Я хотела ходить на вечеринки, на танцы и в кино, а не сидеть в церкви и слушать проповеди.

Чтобы ублажить меня, Ричард иногда соглашался сопровождать меня на развлечения. Во время одной из вечеринок, на которую мы отправились в воскресный вечер, я вдруг поняла, что не получаю от происходящего ни малейшего наслаждения. Шум и пьянство, дым и вульгарные шутки становилось для меня всё более невыносимыми. Все разговоры были либо скучными, либо отвратительными. Мои мысли витали совершенно в другом мире. Я сказала Ричарду:

— Уведи меня отсюда!

К моему удивлению, он ответил, что невежливо будет уйти так рано. Под разными предлогами он держал меня там до тех пор, пока меня не начало тошнить от всего этого, до тех пор, пока я почти физически не почувствовала себя нечистой.

Поздно вечером, возвращаясь домой, я импульсивно произнесла:

— Ричард, я хочу немедленно принять крещение!

Он улыбнулся.

— Ты ждала слишком долго. Теперь придётся подождать до завтра.

На следующий день он повел меня на встречу со своими новыми друзьями из англиканской миссии, пастором Аденси, благочестивым человеком, и пастором Эллисоном, также, как мне показалось, принадлежащим к иному миру. Они оба отказались от всего ради своего служения, и именно от них я узнала о христианстве, которое предполагает жертву и самоотречение.

Меня переполняло такое счастье, что я не могла не поделиться им с окружающими. На следующий день после моего крещения я поспешила на работу и рассказала о нём подруге, еврейке, ни на мгновенье не сомневаясь, что она сразу же также обратится к Богу. (К тому времени я уже забыла, через что мне самой пришлось пройти, прежде чем я приняла Христа!) Чем больше я рассказывала подруге о перемене в моем сердце, тем меньше она хотела слушать меня.

— Вот так! Теперь я потеряла тебя! — воскликнула она и, расплакавшись, отвернулась. Мы были очень близкими подругами.

Это был мой первый урок.

* * *

Почти зразу же после того, как я уверовала, я забеременела, и у меня родился ребёнок. В прошлом мы не хотели детей, опасаясь, что они помешают нашей веселой жизни. Наш сын, Михай, родился в 1939 году. Над Румынией уже сгущались тёмные тучи. Страна находилась на пути гитлеровских войск, и мы знали, что уничтожение евреев — это лишь вопрос времени. Все обстоятельства указывали против того, чтобы обзаводиться детьми. Но у нас уже был Михай. И как мы рады сегодня, что он у нас есть!

Мать Ричарда была почти столь же горда им, как и мы. В первый же день она поспешила заявить своё мнение:

— Как две капли воды похож на Ричарда. И такой же умный!

Ричард же, повернувшись ко мне, прошептал:

— Он темноволосый, как ты, и очень красивый. Но он только плачет, когда же он скажет что-нибудь умное?

Мы были так счастливы!

* * *

К тому времени, как я закончила свой рассказ, наступила ночь. В камере точились неизбежные ссоры и споры. Жестикулирующие руки бросали узор теней на потолок. Камера гудела, как улей с рассерженными пчёлами, поскольку женщины не спешили укладываться спать.

Глава 7
Обещания

В коридоре зазвучали мужские голоса. Послышался стройный стук сапог. Огромная дверь распахнулась.

— Встать!

В дверь влетел отряд надзирателей, а за ними девять офицеров. Они выстроились полукругом внутри камеры, сверкая золотистой оплёткой на чистой, хорошо отутюженной форме. Перед ними стояли растрепанные женщины с длинными засаленными волосами. Никто не произносил ни слова. Офицеры смотрели на нас с отвращением, один из них прижал к носу носовой платок. Затем они, так же молча, вышли. Дверь с грохотом захлопнулась. Так проходил первый и последний осмотр в Джилаве.

После их ухода сразу же поднялся шум и гам. У каждого была своя теория относительно того, что бы это могло значить, потому что в тюрьме всё имеет своё значение, даже если в супе сегодня вместо двух три фасоли.

— Не спрашивайте меня, как я знаю, — загадочно поведала своим подругам Виорика, — но американцы поставили Москве ультиматум! Я слышала это вчера, но сразу не поверила. Только это не для ваших ушей!

«Тайна» распространилась по камере со скоростью звука. На каждой койке болтающие женщины обыгрывали бесконечные вариации на эту тему. Они уже видели себя свободными и признанными национальными героинями. Американцы идут! Если, конечно, они ещё не пришли.

Эта новость осчастливила всех нас, но на короткое время, пока снова не распахнулась дверь.

— *Подходить и брать! Морковный суп, дамы!*

Вонь от парующего чугунного горшка предшествовала его появлению. Однако многие пожилые женщины даже не пошевелились. Они

были уже слишком слабы. Эта смертельная диета, хотя мы тогда об этом и не догадывались, была частью нашей подготовки к трудовым лагерям. Её целью являлось выявление слабых. «Осмотр» также был шагом в этом направлении. Наша судьба была предрешена без вмешательства Америки.

— Это, конечно же, рабский труд, — сказала нам молодая учительница. — Но на канале будут выдавать по 650 грамм хлеба в день. И макароны!

Какое блаженство! Джилава наполнилась слухами. Каждый имел что-то добавить о чудесах жизни на канале. Об этом огромном проекте, стоящем миллиарды, говорили уже давно. Канал должен был быть проложен на шестьдесят пять километров через голые равнины на юге Румынии, чтобы связать Дунай с Черным морем.

Предстояло взорвать миллионы тонн породы. Построить специальные цеха для изготовления цемента. С Россией был заключен необычайно дорогостоящий договор на строительство завода. Армия инженеров, клерков и администраторов уже проводила огромные объемы работ. Было создано даже новое правительственное ведомство, и экономика всей Румынии работала на канал.

Говорили, что в трудовых лагерях, созданных вдоль маршрута прокладывания канала, можно будет даже получать посылки.

— Всё, что хотите из дома!

— Шоколад!

Шоколад был мечтой каждого. К тому же, говорили, что на канале свободно доступны и медицинская помощь, и теплая одежда. Однако наиболее желанным было то, что на канале можно будет видеться с детьми и мужьями — и не только во время краткого визита, но и в течение всего дня. Мы верили во всё это и даже придумывали немного больше.

— Не каждому будет дана возможность поехать на канал, — предупредила заключённых Виорика. — Как сказал мне на днях замполит, «в социалистическом обществе работа является привилегией, она не для преступников».

* * *

Переполненность Джилавы становилась всё более очевидной. В камере номер четыре было предусмотрено место для тридцати заключённых. К Рождеству 1950 года нас было здесь уже восемьдесят. Нельзя было и шага ступить, чтобы не наступить на тела, лежащие в проходе. А как здесь воняло!

Мы были вне себя от радости, когда однажды утром нас, наконец, отвезли в баню. Однако это счастье, как и все тюремные блага, длилось недолго. По темным коридорам нас торопили и толкали громадные мужчины-надзиратели. Внезапное упражнение в беге оказалось слишком интенсивным для женщин, которые в течение нескольких месяцев только то и делали, что лежали. Некоторые из нас падали.

— Пять минут! Пять минут каждому! — орал молодой лейтенант с цыганским лицом. — Раздевайтесь, в душ и обратно сюда. И никаких разговоров! Или наказаны будут все!

Одна женщина завизжала и попятилась на женщину, стоящую позади неё.

— Ты наступила на мою больную пяту!

В ответ та пробормотала извинение.

— Ты, наверное, не знаешь, кто я?!

Однако все мы прекрасно знали, что она — одна из наиболее преданных тюремным властям информаторов в камере. Спокойно, хотя по-прежнему задыхаясь от гонки вдоль коридоров, обидчица, женщина лет семидесяти, ответила:

— Дорогая, я уже почти забыла, кто я сама. Как мне знать, кто ты?

Воздух пронзил бешеный свист. Разгневанный лейтенант яростно дул в свисток. Красный от напряжения, он кричал: «Отставить душ! Назад в камеры! Быстро!»

Надзиратели погнали нас, ругаясь матом, обратно темными коридорами, воняющими мочой.

Возвратившись в камеру номер четыре, мы услышали крики у соседней камеры. Одни требовали отомстить информатору. Другие хотели наказать хрупкую старушку, которая, как оказалось, была женой бывшего руководителя Национальной партии, одного из величайших демократов страны. Бедная госпожа Михалаче! Она играла лишь случайную роль во всем этом фарсе.

Правда открылась позже: душевые не работали. Испортилась сантехника. Тем не менее свыше пришёл новый приказ: ванны! Как помыть так много женщин без воды? Главный надзиратель решила проблему по-своему: она приказала информатору затеять склоку.

Проницательный ответ госпожи Михалаче быстро распространился по всей тюрьме. Как мы могли знать, кто мы? У нас было отобрано всё: наши семьи, личные вещи, документы. Но знает ли гусеница, что скоро она превратится в бабочку? Возможно, в камере номер четыре, нашем коконе страданий, готовились будущие святые.

На следующее утро в камеру вошла капрал Георгеску с листом бумаги в руке:

— Каждый, чьё имя я назову — на выход!

Водрузилась тревожная тишина.

— Мы можем узнать, кто в этом списке? — дерзнула спросить госпожа Гаврилоиу.

— Не командуй *мной*! — капрал угрожающе схватила госпожу Гаврилоиу за платье и ткнула ей в лицо список. — Вот! Сама читай им. Меня тошнит от всех вас!

Георгеску могла с трудом прочитать, поскольку список был рукописным.

Наконец имена были зачитаны, и камеру покидала группа женщин. Никто не сообщил им, куда их ведут. Мало кто верил, что их отпустят домой. Однако что могло быть хуже, чем Джилава!

Мы с завистью наблюдали за тем, как уходили эти женщины. Жалея остающихся, те, кого уводили, раздавали свои драгоценные лохмотья.

— Хочешь этот носовой платок, Сабина? Боюсь, он не слишком чистый, — госпожа Иоанид протянула мне лоскут, которой раньше служил ей и полотенцем, и салфеткой, и всем остальным.

Сестра Вероника, монахиня, дала мне длинный гофрированный черный подъюбник.

— Возьмите, возьмите! — умоляла она. — У меня есть ещё один. Там, на улице, должно быть, десять градусов мороза.

Я взяла. Подъюбник волочился по земле, однако теперь моим ногам было значительно теплее. Сестра Вероника радостно поцеловала меня и поспешила, возможно, навстречу смерти. А я осталась ожидать многие долгие дни, пока будет зачитано и моё имя.

Я помню, как 6 января 1951 года я лежала на койке, погрузившись в воспоминания. Был день рождения Михая. Ричард решил ещё до рождения ребёнка, что у нас будет мальчик. Однажды вечером он сказал:

— Достаточно. Если он не появится на свет до 9 часов вечера, я вызову такси и отвезу тебя в больницу.

— Но у меня же ещё нет схваток!

— В этой семье я буду решать, когда у кого должны быть схватки!

И он действительно отвез меня в больницу, а когда пришёл ко мне на следующее утро, у него уже был сын.

После трудных родов я находилась в послеоперационной палате.

— А как насчет второго ребёнка? — поинтересовался он. — Я хотел бы двоих. Только на этот раз побыстрее.

Я улыбнулась и ответила:

— К сожалению, быстрее не бывает.

Как же счастливы мы были тогда! А сейчас Михаю уже одиннадцать лет.

В тот день в списке было моё имя.

В 8 часов утра меня вывели из камеры номер четыре и поставили ждать в коридоре. Мне возвратили моё светлое летнее пальто. Георгеску и надзиратели были комически вежливы к ожидавшим в очереди женщинам. О нашей судьбе они знали не больше, чем мы. Возможно, что мы снова встретимся, но уже в изменившихся обстоятельствах. Американцы всё ещё могут прийти!

Весь день мы ждали. Было очень холодно. К нам присоединились женщины из других камер. Наконец нас погрузили на грузовики, которые отвезли нас в Генцею, транзитный лагерь неподалеку Бухареста.

Я видела бараки, в которых работали мужчины и женщины. Нас вели по замерзлой земле под звездным зимним небом. Что за чудное небо! После стольких месяцев, проведенных в подземелье Джилавы, я могла видеть, как Луна проплывает между небольшими облаками. Спутница влюбленных! Как часто в былые времена ей приходилось прятать лицо, когда Ричард целовал меня при сиянии звёзд!

Лагерь Генцея был замкнутым пространством, огражденным высоким забором из колючей проволоки со старыми немецкими армейскими казармами — ветхими деревянными домиками с туалетами на улице.

Дисциплина здесь была довольно слабая. Мы могли беспрепятственно выходить через дверь и разговаривать с людьми из других бараков. На мгновение мы забыли о своём несчастье. В прозрачном, морозном воздухе звучали крики приветствия.

— Освобождение?! — воскликнула долговязая девушка с темными глазами, услышав полные надежды на освобождение разговоры вновь прибывших. — Какая глупость! Это — пункт отправки на канал. В течение нескольких дней вас отправят отсюда на работы.

Теперь у нас было больше новостей о канале. Мы слышали, что вдоль маршрута его строительства то и дело возникают новые трудовые лагеря и города. На озере Ташау строится новый глубоководный порт. Началось осушивание всей долины Карасу.

На третий день я предстала перед комендантом, капитаном Захарией Ионом, который был членом партии ещё с начала двадцатых годов. Его изможденное тело, казалось, двигалось отдельно от панциря грандиозной формы, покрывающей его. Должно быть, у меня был испуганно-удивленный вид. Он повернул ко мне свою черепообразную голову и улыбнулся.

— Знаешь, почему я так выгляжу? — спросил он. — Потому что во времена правления буржуазии из-за таких, как ты, я голодал в тюрьме!

Я ответила, что мне очень жаль, если он был заключен в тюрьму незаконно, и добавила:

— Но я не принадлежу к буржуазии.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Я сделаю тебе предложение.

Вместо того чтобы работать на канале, я могла остаться в Генцее в качестве привилегированного заключённого и жить здесь в сравнительном комфорте. Всё, что мне нужно было делать, — это время от времени тайно доносить ему на заключённых.

— Благодарю вас, — ответила я. — Но в Библии написано о двух предателях, один из которых предал царя Давида, а другой — Иисуса Христа. Оба они повесились. Я не хочу такого конца, поэтому я не стану осведомителем.

— В таком случае тебе больше не видеть свободы!

Что касается капитана Захарии Иона, то ни один из его «буржуазных» преследователей не был так же беспощаден к своим жертвам,

как его товарищи-коммунисты, позже арестовавшие и его самого по ложному обвинению. Он умер в тюрьме. Теперь он официально «реабилитирован». Однако утешит ли это его душу, в существование которой не верили ни он, ни его жестокие хозяева?

На распределительной станции близ Бухареста мы сели в поезд и, наконец, отправились на канал. Длинный, черный *дуба* (вагон для транспортировки заключённых) был переполнен не только «политическими», но и ворами, бомжами и цыганами. Сварливые охранники затолкали нас через раздвижные двери. Мы сидели в полутьме, ожидая отправки. Через маленькие, зарешеченные окна высоко в потолке пробивались лучи света. В конце концов мы начали медленно двигаться на юг.

После стольких месяцев, проведенных в подземелье Джилавы, я могла видеть, как Луна проплывает между небольшими облаками.

Увидев в щель сверкающую воду и часть берега реки, заросшего густой зелёной травой, я вдруг вспомнила реку Прут, протекающую недалеко от моего родного города. В лесу мы собирали землянику и ели её с сахаром и сливками.

Много часов спустя поезд остановился, и мы вывалились на улицу, усталые и изнеможённые. На табличке, висевшей на платформе небольшого городка на Дунае, было написано: «Чернаводэ». Лагерь находился за много километров от станции. Мы начали свой путь в чёрную зимнюю ночь. Наконец мы вошли в ворота, обтянутые колючей проволокой, под высокими сторожевыми вышками. Прожекторы выхватывали из темноты ряды одинаковых бараков.

Часть вторая

Глава 8
Канал

Как только наша группа вошла в один из бараков, в конце длинного ряда из толпы собравшихся внутри раздался крик приветствия.

— Валиея! Дорогая моя Валиея!

Она бросилась вперед, прямо в объятья кричавшей.

Валиея, девушка-цыганка около двадцати шести лет, была опытной воровкой. Многие цыгане воровали, однако достижения Валиеи были хорошо известны многим. Её взяла под своё крыло одна из уважаемых цыганок, пожилая женщина с прекрасным крючковатым носом и густыми, черными, как смола, волосами. Она нашла ей кровать, дала еду, и они начали щебетать между собой как два скворца.

Я никого не знала, и никто не знал меня. Никто даже не посмотрел на меня. Всё это происходило поздно вечером в субботу, и все пытались отдохнуть после тяжелой рабочей недели. Я начала искать свободное место, но было уже слишком поздно — на койку претендовало по несколько прибывших. Я села на пол, а женщина на соседней кровати сразу же стала рассказывать мне о своей дочери. Она не знала, была ли девушка также арестована, или её выбросили из дому на улицу.

— Но самое замечательное в том, что здесь мы можем надеяться на *ворбитор* (официальное разрешение на свидания с родственниками). Мы можем даже попросить родных принести нам теплую одежду!

Эта новость и мысль о том, что я смогу увидеть Михая, лишили меня сна на всю ночь. Я снова и снова повторяла её в своей голове. Ближе к рассвету я, наконец-то, задремала. А когда проснулась, моё сердце яростно билось. Из темноты доносились шорох и писк.

— Животное! — выдохнула женщина, лежащая рядом со мной. — Оно прыгнуло на мою кровать! Теперь я почувствовала едкий запах животного. Крысы!

Немного дальше от нас мягко прозвучал голос образованной женщины:

— На самом деле, у крыс есть больше оснований считать нас своей проблемой, чем у нас — считать своей проблемой их. Они были здесь дольше. Много поколений.

Другой голос задорно ответил:

— Нужно оставлять для них на ночь хлеб, чтобы они не кусали нас.

В воскресенье утром, после ночи, проведенной на полу, я надеялась на отдых и возможность постирать и починить одежду. Однако моя надежда оказалась тщетной. Вся женская часть лагеря находилась под властью женщины, заключённой на длительный срок. Покорная властям Рина была назначена комендантом лагеря из-за её ненависти к «политическим» заключённым. В то время как уголовники слонялись без дела, «политические» на коленях драили полы.

— Всем вновь прибывшим собираться на улице для посещения бани, — закричала Рина.

Мы выстроились в очередь и, в сопровождении вооруженного конвоя, замаршировали по замёрзшей грязи. Когда мы пришли в баню, нам приказали раздеться под пристальными взглядами надзирателей.

Среди образованных женщин и хорошо воспитанных молодых девушек было несколько проституток. Они хихикали и выкрикивали непристойности.

Охранники смеялись и топали сапогами. Рина завернула голову в цветной платок, из-за которого её маленький нос выглядел как рыло свиньи, и кудахтала на них, призывая к порядку.

Мир вокруг меня закружился. Влажный бетонный пол ушёл из-под ног. Напряжение в пути, голод и стыд повергли меня в обморок. Меня отнесли в хижину и положили на кровать.

Потом произошло нечто странное. Я была одета в куртку и грязно-серую в белую полоску юбку из мешковины. Мои чулки были все в дырах. Я до сих пор носила длинный подъюбник, подаренный мне монахиней в Джилаве. Со своими черными волосами и еврейскими чертами я, должно быть, имела диковинный внешний вид.

«Политические» осмотрели меня и пришли к выводу, что к ним я не принадлежу. А цыгане рассудили, что я — одна из *них*.

Я попыталась разуверить их:

— Поверьте мне, я не одна из вас. Я не могу говорить на вашем языке.

Горбоносая старуха с мудрым выражением лица, похлопав меня по руке, успокоила:

— Мы знаем, дорогая. *Мы* всё знаем.

Они были убеждены в том, что, по какой-то причине, я пытаюсь скрыть своё происхождение. С этого времени в Чернаводэ я была принята к себе цыганами. Где бы они ни находились, цыгане живут жизнью друг друга. В Восточной Европе их любимой страной была Румыния. Они кочевали своими караванами. Их мужчины носили длинные, щедро намазанные волосы, а женщины — юбки до пят со множеством подъюбников. Они были поразительно красивы. Большинство из них воровали всё, к чему прикасались. Коммунисты отправляли их в тюрьмы и трудовые лагеря тысячами, но они продолжали воровать и там. Даже в лагере невозможно было повесить старую одежду или тряпку. Ничего. Всё исчезало под их вместительными юбками.

Будучи одной из немногочисленных «политических» заключённых на канале, я ничего не теряла. Мы с Ричардом помогали цыганам, когда в конце войны они хлынули из нацистских лагерей. Теперь я получала свою награду.

Они говорили мне, что я воссоединюсь со своими мужем и ребёнком и буду путешествовать через многие моря и земли в поисках счастья. Однако я не ожидала, что до исполнения их предвиденья мне придётся ждать пятнадцать лет.

Гадание было их прибыльным бизнесом. Женщины готовы были отдать им свой хлеб ради вести, что в ближайшее время они будут освобождены, что их семьи будут процветать. У цыган не было карт, но они предсказывали будущее с помощью ещё более старых средств, идущих вглубь веков, во времена Тамерлана и Чингисхана. Они бросали зерна кукурузы на пол и по них «читали» обнадеживающие новости.

Будучи кочевниками, цыгане приживались в любом месте. Даже в тюрьме они жили как одна большая, дружная семья. Позже, когда нам было разрешено отправлять открытки родственникам, я действовала в качестве писца — никто из них не мог читать и писать. Каждое сообщение неизменно начиналось словами: «Всему цыганскому народу, приветствие». Часто между ними вспыхивали яростные ссоры. Это не легенда, что иногда цыганские женщины, чтобы друг друга бить, используют вместо дубинок своих детей и не останавливаются даже

тогда, пока оба ребёнка становятся мёртвыми. Зачастую, забыв, где находятся, они начинали дико петь и танцевать. Со временем мне удалось познакомиться со всеми в бараке, в том числе и с уличными девочками. У некоторых из них были добрые души, и, услышав призыв Иисуса, они делали всё возможное, чтобы подняться над грязью, в которую были брошены жизнью.

На следующий день, рано утром, мы покинули лагерь. Холодный ветер дул по равнине от Черного моря. Конвоиры растирали замерзлые руки, ожидая отправления, угрюмые и сердитые, что в такую рань их вытащили с теплых постелей. Если мы начинали разговаривать, они вымещали свою досаду на нас бранью и ударами.

У ворот, под железными сторожевыми вышками, ведущий охранник крикнул:

— Вывожу две тысячи преступников и контрреволюционеров!

Или сколько там нас было в тот день.

Обмораживающий ветер дул в лицо и рвал нашу одежду. Колонне, казалось, не было конца. Я смотрела вперед и видела только ряды заключённых с вооруженными охранниками, шагающими с обеих сторон. Иногда я осмеливалась оглянуться назад (что было категорически запрещено). Тогда я видела, как наша колонна протягивается вдаль, как один огромный зверь, организм, в котором бурлит своя собственная жизнь. Слепое, потерявшее всякую надежду животное, совокупность всех этих тел, рук и ног, бесцельно двигающихся вперед, пока не упадут. Я подумала о рабах в древние времена, моих предках, живших в Египте и трудившихся на строительствах фараонов.

Мы строили насыпь, мужчины и женщины вместе. Моя работа заключалась в наполнении тачек землей. Когда тачка была готова, мужчина должен был толкать её примерно 200 метров, а затем бежать за ней с горы до парапета плотины. Он выгружал землю и бежал обратно. Задание мужчин было гораздо сложнее, чем наше, несмотря на это, после первых нескольких тачек я начала шататься и едва удерживалась на ногах всякий раз, когда пыталась поднять тяжелую лопату земли и перебросить её через борт тачки.

Каждая бригада имела своего бригадира и нескольких помощников, задачей которых было проверять, сколько работы выполнил каждый заключённый. Требуемая «норма» могла достигать восьми кубометров

в сутки. Если, приложив огромные усилия, мы выполняли норму, на следующий день её значительно поднимали. Если же мы были не в состоянии выполнить её, нас жестоко наказывали.

Бригадирами назначали доверенных заключённых. Они получали специальные рационы, а некоторые даже зарплату и никогда сами не работали. Они управляли всеми нами. Жизнь и смерть каждого заключённого была и в их власти. Рина пользовалась своими полномочиями в полной степени.

Разговоры, как и все другие формы человеческого общения, были строго запрещены, однако, наполняя тачку, я все же рискнула сказать несколько слов ободрения своему спутнику, процитировав Библию. Он, мужчина средних лет, похожий на крестьянина, посмотрел на меня с изумлением. Потом он схватил тачку и покатил её прочь. пришёл другой человек с другой тачкой. За ним другой. И ещё другой.

Когда пришёл четвертый человек, он сказал:

— Граф Ракоши благодарит вас за прекрасные слова и хочет знать, кто вы.

«Крестьянин» на самом деле оказался венгерским аристократом из Трансильвании, румынской провинции, густонаселенной венграми, которая на протяжении многих веков находилась под правлением Габсбургов. Я была так удивлена, что на мгновение оставила лопату на земле.

–Давай! Просыпайся! — с расстояния метров в двадцать прозвучал голос Рины. — Хочешь на всю ночь в карцер?

Я начала копать с бешеной силой. Человек поднял носилки и пошёл прочь.

От одного лишь упоминания о карцере моё тело покрывалось мурашками. Шкаф два метра высотой и полметра шириной, оббитый шипами, был обычным наказанием в лагерях, расположенных на канале. Там, после тяжёлого рабочего дня, вы должны были простоять всю ночь, не двигаясь, чтобы не пораниться о шипы. На следующий день снова нужно было идти на работу, имея хороший шанс, что, если вы устали и не сможете выполнить норму, вас опять запрут в карцер.

Нам давали полкило хлеба в полдень, с супом и овсяной кашей. Это было лучше, чем в Джилаве, однако всё же посмешище над нашими надеждами. На этом мы должны были работать до конца дня.

Глядя на нашу истощенную бригаду, я подумала, что не удивительно, что я не узнала графа. Трудно было отличить даже одного человека от другого. Все были одеты в заплатанную рваную одежду. У всех было одинаковое выражение лица и пустой взгляд, в котором все эмоции были заменены только страхом.

Тем не менее некоторые из нас были докторами наук, некоторые редакторами газет, священниками, бизнесменами, высокопоставленными государственными чиновниками. Теперь их невозможно было отличить от воров, сутенеров и карманников, работавших бок о бок с ними.

Мы трудились в течение ещё четырёх часов. Смеркалось. Начали формировать большую колонну для возвращения в лагерь. По дороге несколько заключённых рухнули на землю. Один из них упал рядом со мной. Не произнеся ни слова, двое наиболее сильных мужчин подняли упавшего, положили его руки себе на плечи и двинулись дальше. Чуть дальше на плечах также несли старуху, её кровоточащие ноги выглядывали из рваных чулок. Впереди произошло возмущение. Упавшего человека не могли привести в чувства. Его оттащили к обочине дороги и в сумерках водрузили на плечи трёх ворчащих фигур. Не переставая дул ветер.

У ворот охранник, идущий во главе колонны, снова закричал: «Возвращаю две тысячи преступников!»

Было темно. На западе небо по-прежнему светилось красноватым сиянием.

— Бодрящий ветер! — весело воскликнул один из охранников, кутаясь в свою толстую шинель.

Я промерзла до костного мозга. Мои руки и ноги покрылись волдырями. Каждая мышца болела, а голова, казалось, была не моя. Завтра я буду очень больна.

А пока нам нужно было ждать. Темное стадо, сбившись на ветру в кучу, пыталось пройти в ворота. Другие колонны, возвращавшиеся с других работ из разных сторон, сходились у ворот, вызывая длительную задержку.

Когда, наконец, мы добрались до своего барака, вспыхнула склока. Одна из уличных девочек обнаружила исчезновение чего-то, что она прятала под своим матрасом.

— Вороватые цыгане! — кричала она. — Может быть, я и шлюха, но, по крайней мере, я держу свои руки прочь от чужих вещей!

Ответ последовал от Тани, молодой цыганки:

— Я, может, и краду, но, по крайней мере, я никогда не спала ни с кем, кроме своего собственного мужчины!

Лиза, молдаванка, взвизгнула:

— Кто это? Твой брат? — и захихикала над своей же грустной шуткой. Цыганам часто приходилось спать в одной комнате: муж, его жена, мать, свекровь, невестка и так далее. Иногда даже в одной постели.

Но Лиза была убийцей. Она из ружья убила женщину, которая увивалась за её мужем.

— Не учите меня, как жить! — воскликнула Таня. — Я могу вернуть то, что ворую, если захочу. А вы, укравшие жизни людей, вы можете вернуть их обратно?

Я попыталась закрыть уши, чтобы не слышать этот высокий спор о морали. После дальнейших буйных обменов любезностями Таня прошествовала обратно в угол воров. Остальные провели её аплодисментами, которые она с усмешкой приняла.

Высокая и красивая, с блестящими черными волосами, Таня пользовалась большим уважением своих коллег-цыган. А также и страхом. Из-за своих приключений, о которых молодая цыганка рассказывала с таким упоением, она получила прозвище «Таня — черная ручка». Тот, кто обижал её, рисковал быть исключенным из цыганского круга общения. Тот, кто обманывал её, накликал на себя риск провести ночь в карцере, поскольку для Тани не составляло труда нашептать надзирателям о каком-либо реальном или придуманном преступлении, чтобы наказать своего обидчика. Тем не менее её преданность друзьям была абсолютной и трогательной. Она так гордилась своим мастерством! Её яркий рассказ о том, как однажды она опорожнила полмагазина одежды, доводил молодых девушек до припадков смеха. Она выбрала самую смышлёную из них и начала давать ей «частные уроки».

Девочки были почти мистически восхищены её способностями. Они сообщили, что за пределами тюрьмы Таня «всегда читала книги и тому подобное». Однажды она залезла в дом, когда хозяева ушли, и оказалась в библиотеке. Она начала читать и так увлеклась, что через некоторое время заснула в кресле с томом в руке. Владельцы,

вернувшись из театра, там её и обнаружили. Таня не признавалась в том, что была грамотна, полагая, что это повредит её репутации.

Я научились быстро различать воров, проституток, грабителей, убийц и так далее. Годы, проведённые в определенном грехе, оставляют глубокие следы на душах людей. По речи и поведению человека сразу становится понятно, с кем имеешь дело, даже не задавая лишних вопросов. Однако Таня была исключением. Она не была лишена благородства.

Мне так хотелось затронуть хоть одну струну её души, чтобы в ней родилась песня!

Мне Таня говорила в шутку:

— Не верь, что у нас, воров, нет морали. По моральным соображениям я решительно против любого воровства, совершённого другой бандой, кроме моей!

Как-то я попробовала осторожно постучать в дверь её сердца. Я хотела лучше понять её. Я спросила, поскольку многие покидали Румынию, евреи и беженцы от коммунизма, не хотела ли она также уехать.

— К черту всё это! — она насмешливо посмотрела на меня. — Всё, чего я желаю, — это выбраться из этой свалки и быть вместе со своим парнем. Они не смогли *его* поймать! Я собираюсь показать этим, мат-перемат, коммунистам, что мы можем сделать с ними. — Без стеснения она болтала о своих приключениях в преступном мире, о его взглядах и жизни.

— А как же твои родители?

— О, мои *родители*! — она как будто говорила о старых изношенных ботинках. — Это бесполезная парочка. Моя мать имела красивую внешность, так что у неё было много мужчин. Потом родилась я. Неизвестно, кто был моим отцом. Но, кем бы он ни был, приключения матери закончились с грязным старым пьяницей, который каждую ночь колотил её, и множеством детей...

Таня пересыпала свою речь таким количеством ругательств, что через некоторое время слушатель переставал их слышать. Это похоже на то, как человек привыкает к речевому дефекту другого человека. Мне было жалко её. Мне так хотелось затронуть хоть одну струну её

души, чтобы в ней родилась песня! Я ненавидела наблюдать за тем, как она, без тени сожаления, развращает других.

Её великим любовником, как оказалось, был муж её сестры. Насмешки проститутки попали почти в цель. Тане приходилось делить комнату с шестью другими людьми и кровать со своей сестрой и её мужем. Так всё и началось. В то время ей было двенадцать. А воровать её научили в возрасте пяти лет.

Однажды она выпалила:

— Да, я знаю: «не укради». Мне это сказали в полиции, перед тем как избить меня, мат-перемат! Я ответила им, *вы,* мат-перемат, сами воры. Вы забрали всю землю, все дома, всю, мат-перемат, страну. И теперь *вы* учите меня, что мне делать? Сидя в своих жирных, мат-перемат, кабинетах. Попробуйте поспать зимой и летом под мостами в Бухаресте, а затем придёте ко мне и будете учить меня не воровать, — она звонко рассмеялась. — О, за это меня так поколотили! Я потеряла все передние зубы. Этот новый протез у меня совсем недавно, — она достала его изо рта, чтобы показать мне.

Её глаза засияли. Некоторые из её поклонниц, столпившиеся вокруг, кивали в знак сочувствия.

— Таня, ты замечательная. Я бы так никогда не смогла, — сказала Йохана, молодая девушка с пушистыми белыми волосами, бывшая сожительница одного из бухарестских гангстеров. Он подставил её, когда пришла полиция, и теперь живет в безопасности в Париже. Остальные девушки смотрели на меня, ожидая моей реакции.

Я сказала:

— Таня, у вас большое мужество. С вашей энергией и умом вы могли бы сделать намного больше добра для себя. То, что ваши родители были горемыками, не означает, что и вы должны быть такой. Много великих мужчин и женщин были рождены на свет бестолковыми родителями или же выросли сиротами. Если вы направите свой ум в правильное русло, вы, возможно, также сможете похвалиться настоящими достижениям.

— Достижениями! Занимаясь чем? — она перечислила некоторые нечестивые возможности. — Не поймите меня неправильно. Мне *нравится* воровать. Это моя жизнь. Это то, для чего я рождена!

Я рискнула привести пример:

— Один очень великий человек начал свою жизнь как мошенник и грабитель. Его звали Матфей. Но когда Матфей встретил Господа, он был так тронут, так очарован Его благостью, что оставил всё, что имел, и стал Его учеником. Вор стал святым, прощенным и любимым Иисусом, а также известным во всём мире и по сей день. Он — христианин-мученик, автор Евангелия, которое читают на разных языках.

— Ученик, святой, мученик! Где она находит все эти слова? — издевалась Таня.

Пропасть между уголовным и политическим заключённым (все арестованные по религиозным мотивам считались «политическими») не часто можно было соединить мостиком. Осужденные женщины, получившие работу в качестве бригадиров, проверяющих выполнение нормы остальными заключёнными, или «главных по бараку», превращали жизнь представителей бывшего среднего и высшего классов в сущий ад. Воры обращались к ним с сарказмом, называя «мадам» и находя сотни других незаметных способов отомстить им. «Политические» и не хотели, и не пытались наладить отношения со своими соседями. Находясь на равном расстоянии между всеми враждующими группировками, обращаясь с любовью к наихудшим преступникам в бараке и указывая на грех дамам высокого ранга, я, цыгано-еврейская христианка, естественно, заслужила не один презренный взгляд с каждой из сторон.

Чернаводэ был полон известных имен. Свежую колонку новостей о здешнем высшем обществе можно было бы написать довольно легко. В третьем лице, возможно: «Утром в очереди в туалет была замечена графиня X, беседующая с бывшей придворной короля, баронессой Y, о последних слухах, что все могилы социально презренных личностей должны быть открыты и золото, а также все остальные драгоценности изъяты в пользу государства». Свидетелями каких только странных встреч нам не приходилось стать!

Одна рабочая группа состояла из женщин-фашисток. Их заводилой была госпожа Кодряну, жена руководителя «Железной гвардии», который протолкнул Румынию в союз с нацистами. В своей книге он хвастался тем, что ни разу не пожал руки еврею и не вошёл ни в один еврейский магазин.

Теперь госпожа Кодряну проходила коммунистическое трудовое «перевоспитание» вместе с женщинами-еврейками. Однако и это не изменило её убеждений.

— Этот преступник Черчилль! — негодовала она. — Сионистская, еврейская марионетка! И Рузвельт, несомненно, сам еврей! Это из-за них мы сегодня здесь!

К этим женщинам были безжалостны надзиратели. На них нападали и соузники. Но они держались мужественно. Поскольку я пыталась проявить к ним понимание и любовь, одна из женщин однажды подошла ко мне.

— Мои друзья и я решили, что, когда со всеми евреями Румынии будет покончено, дорогая, вы и ваша семья будут помилованы.

И как же она была удивлена тому, что я не приняла эту весть с энтузиазмом! Жены других политиков и женщины, ранее участвовавшие в политической жизни страны, проводили долгие дискуссии о том, как должно руководить миром. Одна из них сказала мне:

— Я не спала всю ночь, думая о будущем мира. Хотите услышать мой план?

Не имея альтернативы, я молча уселась на кровать.

— Во-первых, все должны носить полное обмундирование. Форма должна быть темно-синей с большими фуражками...

Я ответила:

— Большое спасибо. В дальнейшей разработке этого плана нет необходимости. Если все мундиры будут синими, то это достаточно просто.

Иногда люди, которые казались глупыми или прямо-таки нечестивыми, также могли преподать нам уроки. Православная женщина из нашего барака ругалась, рассказывала пряные истории и воровала, как цыганка.

Я спросила её:

— Подумайте о том, как вы получите спасение?

Она рассмеялась:

— Один монах научил меня, как спастись. Я неуклонно соблюдаю две заповеди: никогда никого не сужу и всегда прощаю тех, кто грешит против меня. Таким образом, Бог будет обязан простить меня.

Неправильное богословие, однако она на самом деле имела упомянутые достоинства.

* * *

В 1951 году в лагерях и тюрьмах начало появляться всё больше и больше женщин-коммунисток. В Чернаводэ я встретила Мариоару Драгоеску, ведущую революционерку, которая была заключена в тюрьму строгого режима. Теперь она была приговорена к принудительному труду своими же товарищами как «контрреволюционер».

Однако она продолжала борьбу за коммунистические идеалы. Великое марксистское общество было прямо за углом от нас. В Мишлее, огромной женской тюрьме, у неё был отобран и помещен в государственный детский дом её двухмесячный ребёнок. Она не знала, увидит ли его когда-нибудь снова.

Она сочувствовала Георгу Кристеску, одному из основателей партии, отбывавшему свой первый тюремный срок за социалистические идеи в 1907 году. Он также был первым генеральным секретарем Коммунистической партии. Сейчас, в возрасте семидесяти двух лет, он работал вместе с нами в полях от восхода до заката, в снег, дождь и ветер.

Иногда мне приходилось наполнять его тачку землей. Он вцеплялся в неё, как зверь. Было легче тянуть, чем толкать груз вверх по склонам. Я вспомнила, как когда-то, перед арестом, Ричард сказал мне: «Во время правления тирании, тюрьма — самое почетное место, где может находиться человек», — и повторила эти слова ему.

Его лицо озарила улыбка. Охранник закричал на него, и он поспешил, запряжённый в свою тачку. На следующий день, когда мы снова увиделись, я прошептала:

— Я сожалею, что своей речью вовлекла вас в неприятности.

— И не сожалейте! Это было всё равно, что услышать музыку после столь длительного перерыва. Я жаждал услышать нежный голос, как жажду многоцветия среди такого большого обилия серости.

Позже он поделился со мной своими разочарованиями:

— Коммунизм, который они практикуют, — это не тот идеал, за который я боролся и страдал. Я чувствовал, что с моей стороны было бы нечестно не протестовать!

Те из нас, кто имели веру, в первый раз поняли, какими богатыми мы были. У самых молодых и наиболее слабых христиан было больше ресурсов, к которым можно было прибегнуть, чем у богатых

старушек и самых блестящих интеллектуалов. Люди с хорошими мозгами, образованием и умом, лишенные своих книг и концертов, часто высыхали, как комнатные растения, подвергшиеся воздействию ветров. Их сердце и ум заполняла пустота.

«Во время правления тирании тюрьма — самое почетное место, где может находиться человек».

Госпожа Наилеску, жена профессора из Клужа, однажды сказала: «Как вы счастливы, что вы в состоянии думать, держать свой ум занятым и молиться! Я не могу. Я пытаюсь вспомнить стихотворение, а в голову приходит крик надзирателей. Мой ум сразу же возвращается в этот вечный лагерь. Я не могу сосредоточиться. Я не могу взять себя в руки».

Женщины из высшего общества часто были самыми жалкими. Для них жизнь в заключении была тяжелее, чем для кого-либо другого. Они потеряли больше всего, в материальном смысле, и у них было наименьшее количество внутренних ресурсов, чтобы заполнить этот пробел. Обрывки воспоминаний о былых играх в бридж, шляпках, гостиницах, шикарных путешествиях и поклонниках метались в их головах, как мусор на заднем сидении автомобиля. Их нервы сдавались первыми, а за ними опускались и их мягкие белые ручки.

После работы женщины приходили к религиозным заключённым и просили, умоляли даже, рассказать им что-нибудь из того, что мы помним из Библии. Слово Божье приносило им надежду, утешение и жизнь.

У нас не было Библии. Мы сами испытывали по ней бо́льшую жажду, чем по хлебу. Как я сожалела о том, что не изучала больше стихов из Писания наизусть! Стихи, которые мы знали, мы повторяли ежедневно, даже в ночное время. Некоторые христиане, как и я, умышленно заучивали длинные отрывки наизусть, зная, что скоро придёт их очередь быть арестованными. Они приносили свои богатства с собой в тюрьму. И в то время как остальные ссорились и враждовали, мы

лежали на своих матрасах и цитировали Библию, молились или размышляли над её стихами. Мы узнавали, какие стихи принесли в своей памяти новички, и учили их тем, которые знали сами. Таким образом, неписаная Библия распространялась по всем тюрьмам Румынии.

Я часто беседовала с Ричардом, особенно в годы, которые он провёл в одиночной камере. Я чувствовала, что он передает мне сообщения. У меня была глубокая внутренняя уверенность в том, что мы пребывали в контакте, что он присутствовал рядом со мной. Я была совершенно уверена, что он тоже «читал» мои мысли. Такие моменты повторялись во время всего его четырнадцатилетнего заключения, и долгое время после того, как я была освобождена. В моей Библии есть примечание, датированное 1953 годом, написанное карандашом через несколько месяцев после моего освобождения: *«Сегодня ко мне пришёл Ричард. Он наклонился надо мной, когда я читала»*.

Я всегда боялась, что его тоже могут отправить в один из таких лагерей. Как он мог пережить такую работу? Даже написание проповедей и сама проповедь забирала все его силы. Когда одна женщина сказала мне, что он мёртв, я не поверила ей.

Я всё время расспрашивала людей на канале, не слышали ли они о Ричарде, всегда боясь получить страшную весть, однако никому о нём ничего не было известно.

Затем из Вакарести, тюрьмы, где находились наиболее больные заключённые, прибыли три женщины. Каждого вновь прибывшего в лагере встречали как почтальона. Мы задавали обычные вопросы, надеясь на новости о своих родственниках, также находящихся в заключении. Никто не слышал о Ричарде.

Через несколько дней ко мне подошла женщина из этой группы.

— Каждый раз, когда вы говорите о Боге, я вспоминаю Вакарести, — сказала она. — Я была там на протяжении только короткого времени, но у нас там тоже был проповедник, как и вы.

Вакарести — это бывший монастырь, превращенный в тюрьму. Между монашескими кельями были выбиты стены, чтобы образовать большие камеры. Однако там были оставлены несколько небольших ниш, куда изолировали особенных заключённых.

— Мы стояли на лестничной площадке, ожидая своей очереди воспользоваться ванной, — продолжала свой рассказ женщина, —

когда вдруг услышали голос, доносившийся из-за запертой двери. Мужчина, находящийся там, говорил: «Любите Иисуса и верьте в Божью доброту!» Все мы были очень удивлены. Мы спрашивали у всех в тюрьме, кем был этот человек. Но это держалось в строжайшей тайне от заключённых.

Теперь, встретив меня, женщина была уверена, что это — Ричард. Его голос звучал, как голос очень больного человека. Через несколько дней он перестал проповедовать. Она слышала, что он умер.

Я отошла в сторону. Сколько слёз, в тайне, скатилось по моему лицу! Как боль рвала моё сердце! Однако это горе породило во мне новую надежду. Я продолжала молиться и просить Господа, чтобы Он продлил годы жизни и укрепил здоровье этого человека, который служил Ему верой и правдой, даже в одиночной камере.

* * *

Я очень переживала за то, что даже Михай может быть арестован и отправлен на канал. Ему было всего двенадцать, и здесь работали мальчики не старше него. Каждый день я видела мальчика по имени Марин Мотца, одногодку моего сына, и его четырнадцатилетнюю сестру. Их отец был бывшим руководителем «Железной гвардии». В нём были смешаны антисемитизм и глубокая православная вера. Когда во время гражданской войны в Испании анархисты оскверняли церкви, он сказал: «Они стреляют в лицо Христа. Я не могу этого больше терпеть!» — и отправился в Испанию. Там он и умер, сражаясь на стороне будущего диктатора Франко.

Какие противоречия могут уживаться в человеческом сердце! Он оставил замечательный христианский завет, в котором написал: «Когда Христос сказал, что врата ада не одолеют Его церковь, Он рассчитывал на то, что церковь будет бороться за души людей. И эта уверенность не устоит, если христиане не будут исполнять свой долг!» Какая верная мысль!

Теперь его жена и дети были заключены в тюрьму только потому, что они жили вместе с ним. У госпожи Мотцы была идея фикс: «Когда коммунизм будет свергнут, мой сын Марин станет королем Румынии, так как сосланный король Михай никогда не вернется!»

Всё движение «Железная гвардия» было полно внутренних противоречий. Его основатель, Кодряну, убивал и вдохновлял других на убийство людей, которые даже не совершили преступления, а были евреями. Но среди его последних слов были: «Не считается, как человек умирает; считается только то, как он воскресает». Он был задушен своими противниками.

В лагере Чернаводэ нам дали открытки и сообщили, что нам разрешено написать своим близким и пригласить их посетить нас в отведенное для этого воскресенье. Я подозревала, что это ловушка: не пытаются ли нас перехитрить, заставив выдать имена и адреса родных и друзей, за которыми тайной полицией сразу же будет установлена слежка? Я проводила дни, спрашивая себя, кому я могу написать? И будут ли они ещё на месте, чтобы получить мою открытку? Ведь столь многие из них уже, наверное, арестованы.

Все вокруг меня писали открытки, каждый, задаваясь вопросом, остался ли кто-либо дома, чтобы ответить? Был ли у них ещё дом? Как там их дети, потеряли ли они веру или были арестованы? Как их мужья, в тюрьме ли они или живут с другими женщинами? Я предвидела много грядущих трагедий...

Однако когда наступил этот великий день, никаких трагедий открыто не было. Невзирая на то, что наши родственники прибыли на свидания, нам не разрешили встретиться с ними.

В то воскресенье я проснулась задолго до побудки, которая обычно происходила в пять часов утра. Горел свет, который запрещено было выключать. Взглянув за окно, я подумала, что ещё ночь. Стекла были покрыты инеем с обеих сторон. Я легла и начала дожидаться утра.

Наконец оно наступило. Я выбежала во двор в надежде увидеть ожидающих за воротами посетителей. Ворота были расположены далеко от нас, от них лагерь был отделен тремя заборами из колючей проволоки и внешней зоной, такой себе нейтральной полосой, на которой никто не имел права находиться.

Там я увидела своего сына. Он был выше и стройнее, чем в последний раз, когда я видела его. И одет значительно беднее. Я также узнала человека, стоящего рядом с ним, — это был пастор нашей церкви. (С тех пор трагические события создали раскол между ним и нами, но мы помним и благодарны за огромную помощь, оказанную

им и его женой в трудные для нас времена; и если даже теперь он ненавидит нас, мы никогда не разлюбим его).

Я махала и махала рукой, однако они не видели меня в толпе остальных женщин, прижимающихся к колючей проволоке. Я поспешила обратно в барак, чтобы сообщить о приходе родственников женщине, кровать которой была рядом с моей.

Она посмотрела на меня, на мою полинявшую рваную одежду, мою распаренную обувь, остатки моего светлого летнего пальто и кусок тряпки, служившей мне вместо пояса.

— Твой бедный ребёнок испугается, увидев тебя в таком виде, — сказала она. — Возьми мою блузку, по крайней мере она цела.

Таня предложила свою длинную, яркую цыганскую юбку. А Валя завернула белый платок вокруг моих волос. Мне были щедро предоставлены даже чулки и застиранный серый носовой платок. В то время как все восхищались моей новообретённой элегантностью, в барак ввалилась группа надзирателей.

Среди них торжествующе шагала Рина. Нам предстояло быть наказанными. Поскольку на прошедшей неделе многие не выполнили свои трудовые нормы, свидание было отменено.

Наши родные и близкие провели всю ночь в поезде из Бухареста, потратили сбережения, в которых сами так отчаянно нуждались, на ветер. Мы не могли ни поговорить, ни даже получить одежду и пищу, которую они привезли с собой.

Группа посетителей, около тридцати человек, прождала весь день у ворот в надежде, что комендант передумает. Однако она была неумолима. У нас не было ни малейшего шанса даже взглянуть на них или помахать рукой. В течение всего дня конвоиры отгоняли нас подальше от забора. На нас тренировались в поражении движущихся целей охранники на вышках. Время от времени женщины, которые умудрялись пройти мимо проволоки, сообщали: «Они всё ещё там!» Но ближе к вечеру посетители исчезли.

Казалось маловероятным, что я когда-нибудь опять увижу Михая, если они будут так строго настаивать на выполнении заключёнными всех рабочих норм. Большое число женщин прибыли сюда из Джилавы. Голод и болезни истощили их и сделали слишком слабыми, чтобы удовлетворить постоянно растущие требования, предъявляемые к нам.

Но нам разрешили написать ещё раз. И роздали ещё по одной открытке.

А через несколько недель, в воскресенье, Михай снова совершил поездку в Чернаводэ. На этот раз не было никакого наказания. Однако визиты были организованы в алфавитном порядке, и моё имя, начинающееся на букву W, всегда в нем стояло последним. Были дни, когда до меня очередь даже не доходила.

Одолженная одежда переходила от женщины к женщине.

— Как я выгляжу? — спрашивали мы друг друга.

— Отлично! — звучало отовсюду.

Большинство из нас не спали всю ночь, размышляя о том, что сказать родным, репетируя снова и снова. Но, как правило, когда наступал долгожданный момент, наши эмоции вообще не давали нам что-либо сказать. Если мы пытались спросить о родных или друзьях, нас сразу же останавливали и свидание прерывалось. Даже одежду, которую, как нас уверяли, мы могли получать, под тем или иным предлогом отбирали. Эти встречи приносили намного больше страданий, чем радости. Мы спешили назад, чтобы успеть вернуть заимствованные вещи, которые были сразу же подхвачены следующей женщиной.

Остальные с тоской смотрели на нас. Может быть, на следующий день посещения — через два месяца, настанет и их черёд.

Нас выводили в другой барак у ворот. Это, конечно же, не «целый день с вашими семьями», обещанный в Джилаве, а всего лишь пятнадцать минут в одной комнате, стоя на расстоянии десяти метров друг от друга, разделенные надзирателями, которые прислушивались к каждому нашему слову.

Когда я видела своего сына, я забывала о том, что нахожусь в заключении, как выгляжу и как себя чувствую, я просто пыталась обнять его своими глазами. Какой он был худой и какой серьезный! Я смотрела на него, а он — на меня. Пятнадцать минут пролетали как одно мгновение. Наши эмоции растворяли время. Мы не успевали почти ничего сказать друг другу, хотя говорить ни о чём сокровенном и не разрешалось.

Я помню, как закричала через пространство, разделяющее нас: «Михай, верь в Иисуса всем своим сердцем!» Я дала ему лучший совет, который только могла, зная из личного тюремного опыта, где я сталки-

валась со многими людьми, молодыми и старыми, что только Христос может дать надежду, которая прольёт свет в самые тёмные места.

Он остался, как и тысячи других мальчиков и девочек, без родителей, без тех, кто могли бы вести его по жизни и наставлять в вере. И коммунисты использовали это для достижения своих собственных целей. Как и в притче о блудном сыне, который растратил всё, что имел, а затем обратился за помощью к человеку, у которого он ел свиной корм, эти люди также кормили молодёжь идеями, подходящими только для свиней. Я крикнула: «Верь в Иисуса!», зная, что только Иисус имеет слова вечной жизни, и это — лучший путеводитель для ребёнка, оставшегося без матери.

Он приехал ко мне очень красивым. Каждая мать убеждена, что её сын — самый красивый. Однако самым важным в этой встрече было то, как он принял мои слова, о чём я узнала только после своего освобождения.

Меня грубо оттолкнули и вывели из комнаты свиданий. В бараке все столпились вокруг меня, расспрашивая о том, что сказал Михай и как он держался. Я только качала головой. В течение нескольких часов я не могла говорить. Моё сознание витало где-то в другом месте. Я была не в тюрьме.

В тот день было много и тех, кто ждали посетителей, но они так и не пришли. Теперь они рыдали, попадав на соломенные матрацы.

Глава 9
Карцер

В ночное время в каждом бараке одна женщина должна была дежурить. Что мы должны были охранять, так никогда нам и не было разъяснено (я предполагаю, это было необходимо с целью предотвратить суициды), но дежурная должна была всю ночь держаться на ногах. Наказание за засыпание было жестоким.

Голая лампочка, висящая посередине комнаты, тихо раскачивалась на сквозняке, освещая ряды ворочающихся и стонущих женщин. Некоторые громко храпели. Некоторые кричали от ночных кошмаров. Каждое лицо выражало страдание и страх. Как долго тянулись часы. Как безутешно снаружи завывал ветер... Казалось, это он сдул всех этих незнакомцев в одно место: старых и молодых; модниц и бродяг из-под городских мостов. Теперь всех их объединяло одно: боль.

Когда я была ребёнком, то очень любила ночь. А теперь тосковала по ней, как по освобождению от убийственной работы. Тем не менее, когда она наступала, я не могла спать. Я вставала и молилась за женщин в нашем бараке, в нашем лагере, за миллионы заключённых в коммунистическом мире, а также за христиан, которые мирно спали на Западе, и за тех, которые, как я надеялась, молились за нас.

Однажды, всё равно страдая от бессонницы, я предложила дежурной заступить на её смену. В ту ночь дежурила Таня. У неё не было никаких проблем со сном. Однако она отказалась, очень бесцеремонно.

— Спи себе, — отмахнулась она, хотя и не желала показаться грубой.

Позже, увидев, что я ещё не сплю, Таня пришла и села на мою кровать. Мы говорили шёпотом. Она рассказала мне одну из своих воровских сказок о том, как она была в тюрьме, в которой содержалось около четырёх тысяч женщин. Среди них была одна, которая при старом режиме была начальником этой самой тюрьмы.

— Она была большой шишкой у коммунистов во время войны, — рассказывала Таня. — Теперь она сама оказалась в заключении, именно там, где ей и следовало быть. Она не просто воровала бюджетные деньги. Это делали все. Она выпускала умных девочек на нескольких дней, а затем возвращала их обратно в тюрьму, отбирая всё, что они украли.

Я сказала:

— Существуют два мира, материальный и духовный, но только в материальном мире закон Божий и человеческий говорят: «Не укради». В духовном же мире правило таково: «кради» всё, что можешь. Кради всё: знания, манеры, остроумие. В материальном мире, если ты воруешь у меня, я теряю. Но в духовном мире я ничего не теряю. Я не против того, что ты — вор. Беда в том, что ты не знаешь, что воровать. Что бы ты ни украла сегодня, ты потеряешь его, если не завтра, то после смерти. Но мудрость и знание о Боге, однажды взятые у кого-то, останутся с тобой вечно.

Надеюсь, что мои слова не были бесполезными. Глубоко похороненное в нашем сознании знание «Не укради!» (кроме приведённого выше) является одним из фундаментальных законов Вселенной. Что-то в нас говорит: «Не желай чужого имущества. Отдаляйся от этого. Не только имущество другого человека, но и его бытие есть его священной собственностью». Бог предопределил, что люди, как и звезды в небе, должны держаться на определенном расстоянии друг от друга. Он дал нам застенчивость, стыд, гордость, достоинство и страх как барьер, который человек воздвигает вокруг своей индивидуальности, и никто не должен пытаться перелезть через него. Каждый человек подобен атому, которого нельзя пробить силой, не разрушив его и не освободив разрушительную энергию, которая может уничтожить мир.

Часто голодная, Таня не забывала о птицах. Каждый заключённый съедал свою маленькую пайку хлеба на кровати, старательно подбирая крохи. Каждый ломтик был драгоценным: это было то единственное, что мы имели. Но Таня брала свои накопленные крошки и раскладывала их на подоконнике для воробьев.

Однажды она сказала соседке: «Вот такая ты христианка! Ты только говоришь. Ты никогда не даёшь птицам».

Наблюдения за тем, как такие девушки, как Таня, раздают свои драгоценные крохи, заставили меня сомневаться в том, что человек —

это цельное зло. Человеческая природа иногда проявляет добрую волю в таких вещах, как эта: кормить птиц, когда ты сам голодаешь.

Я была поражена, находя в ворах особенности характера, которые часто встречаются у тибетцев. Свен Хедин рассказывает, что в то время, как мы в Европе кормим только домашних птиц, чтобы позже съесть их, тибетцы оставляют маленькие лепешки на скалах для диких птиц. Сам Свен, однажды заблудившись в горах, выжил именно благодаря таким лепешкам. Разве дикая жизнь не является также частью Божьего творения?

В женщинах-убийцах, как и в представителях каждого вида уголовного преступления, иногда можно найти немного добра и бескорыстия.

В Чернаводэ каждое воскресенье нам приходилось присутствовать на индоктринационных лекциях в то время, когда мы надеялись на отдых. Во второй половине дня старшая по бараку выстраивала нас, и мы маршировали в актовый зал, где нас уже ожидала женщина-лектор. Она рассказывала нам, что она думает о Боге, заранее предупредив, что любой, кто осмелится спорить с ней, будет наказан.

— За этими стенами все теперь коммунисты, — начала свою речь лектор. — Только вы упорствуете в своём религиозном безумии, и мы отучим вас от этого. Сейчас у власти находится партия, и её руководство лучше знает, во что мы должны верить. Здесь вы не в тюрьме. Я даже не буду слушать вас! Вы находитесь в учреждении перевоспитания. Здесь вы будете строить своё будущее счастье! Работать для будущих поколений! Перевыполняя нормы работы, предусмотренные для вас, вы можете приблизить своё собственное освобождение как реабилитированного гражданина.

Потом начинался пропагандистский концерт. Среди нас были певицы кабаре и актрисы, некоторые этнические немцы. Их заставляли петь коммунистические песни, высмеивающие Германию и восхваляющие советскую власть. Я чувствовала боль их унижения. Физическая боль проходит, и через несколько часов о ней можно забыть. Но унижение, даже когда оно кажется тривиальным, жжет сердце. Только теперь я начала понимать, почему Иисус говорил о «поругании», и «биении», и «распятии». Ранее я задавалась вопросом, почему издевательство и физическое насилие упоминается на одном дыхании. Теперь я знала, какую боль оно может причинить и как долго продолжает болеть.

На сцене в конце зала стояла немка среднего возраста. Когда-то она была пухленькая и хорошенькая. Проникновенно всплеснув руками, она запела, и голос её потянулся за высокими нотами.

Офицеры в переднем ряду загудели и рассмеялись. Что может быть смешнее, чем изнеможённая фройляйн, высмеивающая сама себя? Она дрожала, по её щекам текли слёзы.

Затем на сцену поднялась совсем ещё молодая женщина, которая продекламировала стихотворение-благодарность Советам за спасение нас от нацистов примерно с таким содержанием:

«Мать Россия, спасибо за то,
что сегодня ты сделала для нас!
Доблестная Советская армия
указала нам путь...»

Эти строки были встречены громкими овациями присутствующих во главе со «старшими по бараках». Любой, кто демонстрировал недостаток энтузиазма, напрашивался на серьезные неприятности. Информаторы внимательно следили за противообщественными проявлениями среди аудитории.

Я не могла осуждать женщин, которые принимали участие в этом фарсе. Все они были изнеможены страданиями. То, что для большинства из нас было несчастьем, для некоторых было побегом от несчастья. На этот путь становились многие: не дрогнула ли рука самого известного религиозного композитора Румынии, Аурела Баранги, когда он писал коммунистические гимны? Теперь и он был узником одного из лагерей на канале.

Мало кто мог сопротивляться до конца. А те, кто могли, не позволили повлиять на себя этим часам индоктринации, которым заключённых подвергали каждое воскресенье почти в каждом лагере на канале.

Я не могла аплодировать во время таких концертов. Мне говорили:

— Притворись, какое это имеет значение? Стоит ли из-за этого напрашиваться на пытки?

Но когда я слышала, как клеветали на моего Бога и моё Отечество, и видела красоту, втаптываемую в грязь сапогом, то не могла потворствовать этому. В задней части зала всегда стояли опоздавшие, и я пряталась среди них.

Но однажды мне не удалось скрыться. Кто-то донес на меня, и вечером меня уже вели в кабинет коменданта. Её глаза смотрели на меня, не мигая, из-под фуражки.

— Я располагаю информацией, что вы не аплодировали во время лекции по перевоспитанию и концерта во второй половине дня, Вурмбранд. Ваше поведение раскрывает вашу контрреволюционную сущность, не поддающуюся надлежащему перевоспитанию, — протараторила она часто повторяемую фразу, а затем облизала губы: — Мы старались быть добрыми к вам. Теперь к вам будут применяться другие методы.

В ту ночь мне не позволили вернуться в барак. Меня привели в караульное помещение и посадили в карцер. Это был узкий шкаф, встроенный в стену, в котором можно было только стоять. В железной двери было несколько узких отверстий для воздуха, а пищу просовывали через небольшую щель в нижней части.

Карцер существовал в каждой тюрьме. Он помогал сломить сопротивление перед вымогательством ложного признания. На канале карцер был наиболее распространенным видом наказания.

Через несколько часов мои ноги горели. Кровь в висках пульсировала медленным, глухим и болезненным стуком. Сколько часов меня здесь продержат? Сколько лет я смогу продержаться в таких условиях? Я думала: это зло распространяется по всему миру; оно будет терзать новые миллионы людей; никто не сможет спастись. Это был путь безумия. Я знала, что в этих шкафах люди теряли рассудок. Они позволяли этим ужасным мыслям одолеть их. Но как же этого избежать?

Ричард рассказывал мне об афонских монахах, которые непрерывно повторяют «молитву сердца». С каждым ударом сердца они говорят: «Господь Иисус, Сын Божий, помилуй меня». Я решила также использовать эту молитву.

Где-то с крыши карцера капали капли воды. Это был раздражающий звук. Чтобы отвлечься, я начала считать их, придавая каждой из них библейское значение.

Один: существует один Бог.

Два: есть две скрижали закона.

Три: Бог есть Троица.

Четыре: Христос соберёт Своих избранных от четырёх углов Земля.

Пять: есть пять книг Моисея.

Шесть: число зверя в Откровении — 666.

Семь: это святое число.

Но звук капающей воды продолжался, и, когда счет достиг пятнадцати, шестнадцати и к числам нельзя было больше подобрать значение, я начала всё сначала: один, два, три, четыре.

Не знаю, как долго это длилось, но в определенный момент я просто начала плакать вслух, чтобы избежать отчаяния.

— Один, два, три, четыре, — плакала я, — и снова: один, два, три, четыре...

Через некоторое время мои слова стали невнятными. Я сама уже не знала, что говорила. Мой разум отключился. Тем не менее мой дух продолжал говорить что-то к Богу.

Я хочу объяснить это более детально, поскольку это — один из ключей к выживанию в тюрьме. Все беспокойства и страдания часто способствуют тому, чтобы ваш ум затемнился. Вы отчаянно жаждете бежать, однако вы понимаете, что оказываетесь преследуемы и одержимы мыслями, которые могут повергнуть вас в ещё более глубокие умственные проблемы. Подобно тому, как пострадавшую ногу помещают в гипс, чтобы она отдохнула, так и растерзанный разум — больной разум, разум, мучимый горечью раскаяния, — нуждается в отдыхе, если он хочет выздороветь.

Наш язык является несовершенным инструментом. Говоря: «Я люблю яблочный пирог», «Я люблю своего мужа» и «Я люблю Бога», одним и тем же словом я выражаю три совершенно разные чувства. А между любовью и ненавистью существует такой широкий спектр чувств, которые нельзя выразить словами. Чувства, которые мать испытывает к своему ребенку, не могут быть выражены словами, и часто мать даже не пытается назвать их: она говорит «муси-пуси» или что-либо еще, и ребёнок очень рад слышать её голос.

Так что существует феномен несформировавшихся понятий. Из глубины сердца в моменты экстаза или ужасных страданий приходят звуки выражения любви к Богу, к ближним, состоящие из слов, которых не существует в словаре. Ум отключается. Как метко написано в Библии: «Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу» (1 Послание к коринфянам, 14:2).

В карцере это отключение ума, позволяющее непонятным звукам вырваться из глубин подсознания, спасало мою вменяемость. Через час или два мой разум возвращался уже отдохнувшим.

* * *

Однажды, вскоре после этого, в лагере проводился осмотр полковником Альбоном — его официальное турне по лагерям, расположенным на канале. Визит был коротким и бессловесным. Он обходил Чернаводэ, не роняя ни слова, лишь обводя презрительным взглядом ряды серых призракоподобных женщин, и уже собирался уходить, когда к нему подбежала девочка-цыганка. Ей не потребовалось много времени, чтобы сказать то, что было у неё на уме: она тайно встречалась с лейтенантом полиции безопасности и теперь была беременна.

Альбон написал докладную записку в Бухарест, где было назначено расследование, вследствие которого многое из того, что происходило в лагере, вышло наружу. Таким образом, все женщины были перемещены из Чернаводэ в исключительно женскую трудовую колонию, находящуюся на несколько километров вниз по каналу. Лагерь назывался «4-й километр» или «К4».

Глава 10
Лагерь К4: зима

Нас вывели из лагеря рано утром, чтобы работать на берегу Дуная. Нам нужно было покрыть дно канала слоем камней. С утра до вечера мы грузили тяжёлые камни на борт баржи. Затем баржа выходила в реку, и камни нужно было выбрасывать за борт, что невозможно было сделать, не вызывая огромные всплески. Через несколько минут после начала работы мы все были промокшими до нитки. Ледяной ветер дул с равнины Бэрэган и замораживал нашу одежду так, что она становилась жесткой. Мы работали, как будто заключённые в металлические доспехи. Мои пальцы потрескались и опухли от холода, подробленные тяжёлыми каменными глыбами.

Вечером, возвратившись в барак, мы легли спать в своей промокшей одежде. Её не где было сушить, а если оставить на ночь, то на утро она будет украдена. Я обычно спала, подложив мокрую одежду под голову в качестве подушки, и надевала её, ещё влажную, утром. Она высыхала по пути на работу, как раз вовремя, чтобы вновь намокнуть. Как я мечтала хоть о чуточке солнца, дрожа на ветру, раскачивающем нашу баржу! Я была худой и не являлась препятствием ветру, поэтому он дул прямо сквозь меня.

На второй неделе меня назначили нагружать камнями тачки. Другие женщины толкали их к баржам, а третьи сбрасывали в Дунай. По крайней мере, я оставалась сухой. Но камни были острыми и тяжёлыми. Они обрывали мне руки. Мои суставы болели, а ногти были сломаны и кровоточили. Усталость была такой сильной, что за ней я не замечала боли. Мне казалось, что я парю на несколько сантиметров над землей, как во сне. Поднять камень. Пронести его, согнувшись, 200 метров. Положить. Поднять камень... Я задавалась вопросом, смогу ли я когда-нибудь снова выпрямиться.

Во второй половине дня на высоте пояса охранника на горизонте появился автомобиль. Женщины мимоходом боязливо косились на него.

Никто ничего не говорил. Заволновались даже охранники. Блестящий капот свидетельствовал о том, что это был новый, хорошо отполированный автомобиль. Это могло означать только одно: секуритате. Было приказано разыскать и привести на допрос некоторых заключённых.

Каждая женщина молча молилась. Только не обратно в камеры, только опять не ночи пыток!

Охранники сразу же начали кричать. Бригадиры, всегда по-рабски более жестокие, чем их хозяева, засуетились, повторяя свои приказы.

Однако на этот раз, к нашему облегчению, не забрали никого. Вместо этого, конвою была передана молодая женщина. Ветер приплющил хлопковое платье к её тонкой фигуре. Серолицая, она в ужасе смотрела на нас. Мы были тощие, с большими глазами и лицами, облеплёнными белой каменной пылью, похожие на посмертные египетские маски.

Охранники толкнули её вперед. Я видела, что она была босая. Она начала работать. На неё было жалко смотреть. Она протянула камень на несколько сантиметров. Потом её ноги дрогнули, и она упала на колени, разрезав их о валяющиеся каменные осколки. Она собралась с силами и пододвинула камень ещё на несколько сантиметров. Жуткая бледность её лица могла означать только то, что она провела месяцы, а возможно, и годы в подземелье.

В тот день с ней нельзя было говорить. Каким-то чудным образом она, босая, пережила марш обратно в лагерь. Мы остановились у вышек, и охранник, ведущий колонну, как обычно, закричал: «Возвращаю триста пятьдесят преступников!»

Поздно вечером, после того как я закончила двухчасовую очистку картофеля на кухне, я вернулась в барак и увидела молодую женщину, лежащую на нарах рядом с моими. Белая пыль теперь прилипла и к её лицу, за исключением тех мест, где по нему стекали слёзы. Я принесла немного воды и помогла ей умыться. Она моргала и смотрела на меня, словно полуслепая.

Когда она немного пришла в себя, вокруг неё собрались и другие заключённые.

— Бедняжка, ей едва ли исполнилось тридцать!

— Какая милашка, не так ли?

— Мы должны её во что-нибудь обуть.

— И это платье — просто тряпка какая-то.

Одна из немецких актрис, Клара Штраус, порылась в своём свертке и достала оттуда измятое старое платье. Кто-то принес пару сандалий. Эти сокровища, столь щедро подаренные новоприбывшей, вызвали у неё свежий поток слёз. Медленно она стала рассказывать нам немного о себе.

В течение двух лет она сидела в одиночной камере в здании Министерства внутренних дел. Во время допросов в Бухаресте мощные прожектора и отражатели были направлены прямо ей в лицо, день и ночь. Теперь она могла видеть исключительно объекты, находящиеся в пределах досягаемости руки.

Однако всё это, казалось, не имело значения. Её волновал лишь один вопрос:

— Это правда, что здесь разрешено видеть своих детей? У меня сын и дочка. Я не видела их в течение двух лет и ничего не слышала о них. Я оставила их с матерью, а ей было уже почти семьдесят. Она была очень больна. Возможно ли здесь получить какую-либо весточку о своей семье?

Вопросы женщины к нам напоминали попрошайничество с протянутой рукой. Мы, как могли, старались утешить её. Я рассказала о своей встрече с Михаем. Однако это было большой ошибкой.

— Вы говорите, что мы будем отделены друг от друга длинной комнатой? Но я не вижу так далеко!

Она расплакалась, уткнувшись лицом в серую подушку.

В последующие дни некоторые женщины пытались узнать остальную часть истории этой женщины, однако она отделилась от всех стеной молчания. Она была так слаба, что мы предоставляли ей любую помощь, которую только могли, хотя, к сожалению, это было не так уж много. Я заставила её съесть немного своего хлеба и попыталась беседовать с ней.

— Теперь мы знаем, почему во время последнего ужина Христос благословил хлеб, а затем чашу. Как правило, мы молимся над всей едой в начале трапезы. Но здесь я узнала, что всё имеет своё значение. Здесь никто никогда не скажет: «Я ела суп из фасоли», если с ним было хоть немного хлеба. Здесь говорят: «Я ела суп из фасоли с хлебом». Поблагодарить Бога за каждое данное Им благословение является здесь само по себе даром.

Внезапно женщина, рыдая, упала в мои объятия. Немного успокоившись, она начала свой рассказ:

— Моя мать тоже религиозная, как и ты. Как мне жаль, что сейчас я не могу увидеться с ней! Или прикоснуться к ней. Она всегда была сильная. Она была скалой, которая держала нас. А я была так глупа. Если бы только я слушалась её!

Она рассказала мне свою историю. Это была одна из вариаций на тему трагедий, которые в этой стране, благодаря коммунистам, становились всё более обычным делом. В 1951 году всё больше и больше членов партии попадали в тюрьмы, арестованные своими же бывшими товарищами. Их заблуждение было жалким зрелищем. Фашисты могли купаться в презрении и ненависти. Их время прошло. Христиане же должны были любить. Их время обязательно наступит. Женщины-коммунистки были надломлены. Они доверяли партии, как Богу. Теперь всё это было похоже на массовое истребление невинных людей. Они страдали больше, чем такие люди, как я, которые были готовы к тому, что должно было произойти, и с самого начала понимавшие сущность этого режима.

«Ад — это сидеть в одиночестве в темноте и вспоминать свои прошлые грехи».

Бедная Елена Колиу! Она занимала довольно высокую должность в Управлении образования. Её муж также был верным партийцем, членом правительства. Елена самоотверженно трудилась на благо коммунизма. Её лозунг был: «Пролетарский дух!» Двое детей четы Колиу были воспитаны в духе идей организации коммунистической молодежи.

— Я готова была умереть за коммунизм, — говорила она. — Когда партия пришла к власти, я полагала, что Румыния превратится в рай!

Потом был роман со скульптором.

— Он был довольно успешным человеком, если судить по количеству бюстов Сталина, которые он был в состоянии создать за неделю.

Но скульптору она наскучила, и он оставил её. Елена, воспринимавшая их роман всерьез, чувствовала себя разбитой. Однажды,

потеряв над собой контроль от злости на бросившего её любовника, она сказала подруге: «Он — чудак, который, долго не раздумывая, мог бы пойти помогать партизанам в горах. Зря я потратила себя на контрреволюционера!»

Её подруга также была фанатичной коммунисткой. Она выдала скульптора Департаменту безопасности, и он был зверски замучен. Его подвергали таким пыткам, что он сошел с ума.

После этого была арестована сама Елена, ведь она спала с этим человеком и должна была знать о всех его деловых отношениях с контрреволюционерами. Теперь нужно было заставить её говорить! Женщина бесполезно пыталась убедить секуритате в том, что она взболтнула эту глупость в минуту гнева и что она была верным членом партии. Так начался её двухлетний кошмар.

Наконец, дело было доведено до суда. Скульптор тоже присутствовал на этом десятиминутном слушании. Он был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Человек был полностью сломан. Он не смотрел на неё и на протяжении всего судебного заседания не проронил ни слова.

Однако хуже всего было то, что муж Елены также присутствовал на этом заседании, вместе с детьми. Секуритате, конечно же, не пощадили даже их. Муж потерял своё престижное положение и должность. Детей исключили из школы. Встречая их на улице, бывшие приятели теперь тыкали в них пальцами.

— Я вижу Грегори каждую ночь в каждом сне. Даже в дневное время я вижу его в галлюцинациях. Я вижу, как он стоит в зале суда: серое лицо, мёртвые глаза, как у рыбы. Зачем я сделала это?! Зачем мы вообще встретились?!

Я снова вспомнила слова Ричарда: «Ад — это сидеть в одиночестве в темноте и вспоминать свои прошлые грехи». Старые воспоминания жгли, как огонь. У нас не было никакой защиты от них: ни книг, ни радио, ни развлечений, некуда было пойти, когда они овладевали нами. В камере развеивался самообман. Теории о новых понятиях нравственной революции не помогали. Здесь все знали, что новая мораль была всего лишь старым заблуждением. Раскаяние Елены было страшным. Я знала, что она переживает.

Почти каждая женщина в тюрьме переживала подобное жгучее раскаяние. Почти каждая была в какой-то степени религиозна. Даже

самые откровенные атеистки, взывая к Богу, удивляли самих себя. Каждая желала, чтобы её молитвы были услышаны.

Однако их молитвы были неправильными. Они напоминали молитву о том, чтобы два и два стало чем-то иным, а не четырьмя. Накопление грехов может принести только несчастье и раскаяние. Именно над сексуальными грехами: прелюбодеяниями, изменой, абортами — женщины сокрушались наиболее тяжко. Им хотелось говорить об этом, чтобы облегчить муки совести. Я вспомнила слова Давида, который также совершил подобный грех: «Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты!» (Книга Псалмов, 31:1) — так покрыты Богом, что нет необходимости раскрывать их перед другими людьми.

В нашем бараке была госпожа Раду, жена известного в Бухаресте бизнесмена. Она была популярной фигурой в довоенном обществе, однако теперь старые друзья ни за что не признались бы в знакомстве с веселуньей Зинаидой Раду, чьи головные уборы, парижские платья и драгоценности всегда были предметом их зависти.

Было странно представить эту измождённую женщину законодательницей бухарестской моды.

Вечером, когда мы все сидели на своих соломенных матрасах, она увидела, что я рассматриваю наше разношёрстное сборище преступников, проституток, монахинь, крестьян и профессоров.

— И что же вы думаете по этому поводу? — спросила она, смахивая назад свои засаленные волосы жестом, принадлежавшим её элегантному прошлому. — Что вы думаете о нашем достопочтенном собрании? Что касается меня, то у меня осталась только одна мысль: если мне посчастливится когда-либо выйти на свободу, я буду жить счастливо на одних хлебных корках до конца моей жизни.

Как и многих женщин из её общества, Зинаиду мучило глубокое чувство вины за то, что она растратила свою жизнь понапрасну. Часто она нерешительно пыталась заговорить со мной, намекая на какие-то свои муки совести, тайну, которую она хотела бы раскрыть. Она часто приходила и садилась на край моей кровати. Часто рассматривала меня с другого конца комнаты. В ответ я всегда улыбалась ей.

Через несколько недель Зинаида осмелилась поведать мне о своём горе. Придя к власти, коммунисты сделали её вдовой с маленьким

ребёнком на руках. Вечеринки закончились, деньги тоже, её красота начала увядать.

— Все мои прекрасные вещи у меня отобрали, — рыдала она, вспоминая свою счастливую жизнь. — Мне приходилось работать. Мои руки стали *безобразными*. Все старые друзья начали избегать меня. А потом у меня появилась возможность снова вступить в брак.

Она опять сделала тот же жест, чтобы обуздать непослушные волосы.

— Но мужчины не хотят чужих детей... Я знала, что моя бедная Женни, — а ей тогда как раз исполнилось три, — была препятствием на моём пути к новому счастью. И я...

На лбу Зинаиды выступил пот. Внутри неё длилась борьба: рассказать или не рассказывать. Я положила руку ей на плечо. Она поспешно продолжила: «Я начала пренебрегать ею. Не кормила должным образом. Это я делала несознательно. В конце концов... она слишком часто плакала. А я кричала на неё: «Заткнись, маленькая негодяйка!» Она становилась всё тоньше и тоньше. Но мне было безразлично.

Казалось, что, произнеся эти слова, Зинаида умрет. Она схватила меня за руку и сжала её так, как во время родов от боли. Она знала, что если утаит хоть что-нибудь, то не получит никакого облегчения.

— Я не заботилась о ней, — сухо повторила она. — Я оставляла её и уходила. Развлекаться! С ним! Я думала, что он был моим спасением. В холодные зимние ночи после того, как она засыпала, я открывала окно. Во сне она могла раскрыться и простудиться. Конечно, сейчас я понимаю это. Но тогда я говорила себе: «Свежий воздух полезен для ребёнка. Я не должна перекармливать её». Я не убивала её. Я только позволила ей умереть от пренебрежения.

Последние слова своего признания она произнесла шёпотом. Не то, чтобы кто-то слушал нас. В это время пятьдесят голосов слились в обычном для барака попурри, состоящем из жалоб, ссор, воспоминаний, ругани и похабных песен.

— Я никогда никому об этом не рассказывала. Я знаю, что нет мне никакого прощения.

Я попыталась убедить Зинаиду в том, что это не так. Я сказала, что в греческом оригинале Евангелия Христос звучит как «Кристос», что почти совпадает со словом *крестос*, которое означает «милостивый».

о Нём нельзя думать никак иначе, ведь благодать и прощение — это Его первые характеристики.

Она ответила:

— Если я когда-нибудь выйду отсюда, у меня есть только одно желание: быть хорошей, потому что здесь я вижу во всех отношениях, что значит быть плохой.

Я ответила:

— Но ведь никто не может сам по себе быть хорошим. Поэтому апостол и утверждает, что если мы говорим, что у нас нет никаких грехов — мы лжецы. Но если мы исповедуем грехи наши, то Он, Иисус, будучи верен и праведен, прощает нам наши грехи.

Зина закончила свой рассказ. Её будущий муж оказался бабником. Но она стала его любовницей и небольшая зарплата, которую он получал, позволяла ей не работать на фабрике. Это, в сочетании с её «буржуазным» прошлым, и было единственным «обвинением», выдвинутым против неё. Она подверглась осуждению завистливыми соседями как «тунеядка» и «социально загнивающий элемент» и была приговорена к двум годам «административного наказания» без суда и следствия.

* * *

Во время своего «путешествия» по различным лагерям и тюрьмам я встречала многих, кто был арестован по нелепым и надуманным обвинениям. В лагере К4 отбывала наказание пожилая женщина, всемирно известная как бабушка Апостол, чьё преступление состояло только в том, что она когда-то проявила доброту к сумасшедшему.

Сумасшедшим был пожилой металлург, который сделал несколько мелких монет с фразой «НИКОЛАЙ — ИМПЕРАТОР РУМЫНИИ», вычеканенной на них. Его, конечно же, звали Николай, и он получал огромное удовольствие от того, что раздавал эти монеты людям.

— Вот, возьмите, — предлагал он, — потому что все, кто владеет такими монетами, станут моими министрами, когда я взойду на престол.

Секуритате арестовали этого несчастного императора и выследили всех его друзей и знакомых. Каждый, у кого нашли такую монету, мужчина или женщина, предстал перед судом. Так называемыми три-

буналами штамповались приговоры в пятнадцать-двадцать лет лишения свободы.

— Какой позор! — воскликнула Елена, преданный партийный работник. — Вы не смогли доказать свою невиновность.

— Конечно же, я могла бы доказать свою невиновность. Только некому было доказывать. «Бог и царь уже далеко в истории», — так говорили, когда я была ещё девочкой. И с тех пор ничего не изменилось. Что же с этим поделаешь? Суд невежественен. Или испуган.

Бабуля Апостол была умной старушкой, несмотря на то, что провела свою жизнь в качестве слуги. Она владела умом и в то же время простотой, которые чётко просматривались в её суждениях.

Не то, чтобы наши новые правители были совершенно невежественны, однако в своём невежестве они были чрезмерно тщеславны. Вчерашние заводские подмастерья теперь стали офицерами секуритате. И такое превознесение невежества прослеживалось по всей вертикали государственной власти: от мелких начальников до правительственной верхушки, во главе которой восседал Георгиу-Деж, бывший железнодорожник, а теперь Генеральный секретарь Центрального комитета Румынской коммунистической партии. В народе ходила шутка: Георгиу-Деж похвастался де Голлю, что ликвидировал в Румынии неграмотность. Де Голль поинтересовался:

— А остались ли в Румынии ещё неграмотные? — на что Генеральный секретарь ответил:

— Да, но только не в правительстве.

Офицеры на канале не желали беседовать с грязными, оборванными женщинами. Но если обстоятельства и заставляли их говорить с нами, мы вновь и вновь слышали одни и те же партийные лозунги. Сколько раз мне повторяли: «Человечество произвело четырёх великих гениев: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина». А если бы вы спросили о Платоне, Бергсоне или Эдисоне, они не знали бы что ответить, поскольку никогда не слышали о них.

Глупость тех, кто находился у власти, и испуг одураченных бюрократов низших уровней добавляли фамилии к длинному списку безобидных и невинных людей, обреченных на тюремное заключение.

Однажды женщина-врач случайно вслух заметила, что она всегда пользуется термометром, изготовленным на Западе, поскольку его

гораздо легче читать, чем советские аналоги. Вскоре после того, как она прибыла в тюрьму для отбывания наказания за своё контрреволюционное заявление, к ней присоединилась и её медсестра, которая была обвинена в том, что не донесла о запрещенном выражении врача, как это сделала их «более лояльная» коллега.

Другим странным примером этого являются две дамы удовольствия. Одна из них была мимолетной любовницей короля Карола, а другая — министра внутренних дел, коммуниста Георгеску. Обе они совершили одну и ту же ошибку: хвастались о днях своего триумфа. Королевская фаворитка оказалась автоматически очернена связью с монархом. А фаворитка Георгеску имела неосторожность слишком много болтать о роскоши, в которой жил теперь новый министр, о его пятидесяти костюмах и вечеринках с шампанским и икрой. Чтобы заткнуть рот своей бывшей любовнице, он отдал приказ о её аресте и упрятал её в тюрьму. Позже он также попал в эту тюрьму по доносу своих собственных товарищей.

Я встречала и сотни людей из различных религиозных сект, которые отказывались подчиняться коммунистам. Дамы-последовательницы Христианской науки, теософы, Свидетели Иеговы.

— Сегодня суббота, — всхлипывала маленькая Анни Станеску. — Должно быть, сегодня суббота. Они бьют адвентистов седьмого дня!

Каждую субботу женщин из этой секты выводили на работы. И каждый раз они отказывались нарушать свой святой день. Они подвергались по-зверски жестоким пыткам, однако ничто не могло сломить их. Православные, католики и верующие-протестанты выходили на работы в воскресенье, чтобы избежать избиений, но адвентисты шли на страдания, неделя за неделей.

Десятки женщин попали в тюрьму из-за предполагаемого явления Девы Марии. Это произошло на одной из главных улиц Бухареста. Кто-то, указывая на окно церкви, воскликнул: «Смотрите! Дева Мария!» И тут же сотни людей начали видеть видение. Полиция производила аресты. Несмотря на предупреждения священников, к церкви ринулись толпы людей.

Милиционеры подумали, что смогут решить вопрос, разбив окно. Но Дева Мария сразу же появилась в следующем оконном проёме.

Так был разбит целый ряд окон. Затем видение пошло вверх по улице Победы и появилось на окнах МВД!

Своего апогея массовые аресты достигли, когда видение начали видеть сами полицейские (многие из которых были выходцами из православных семей). И так продолжалось долго.

— Это большая лотерея, — сказала мне Клара, немецкая королева кабаре. — Иногда вытягиваешь билет с надписью «Тюрьма», а иногда — с надписью «Свобода».

— На билете, который я хочу, написано «Запад», — воскликнула Зинаида Раду и, обращаясь ко мне, поинтересовалась:

— А вы что скажете?

Я ответила:

— Я вытянула свой билет уже давно. На нем написано «Рай».

* * *

Около 11 часов вечера дверь барака с грохотом распахнулась. В помещение, крича во весь голос, ввалилось полдюжины охранников.

— Подъем! Всем вставать!

— Комендантский осмотр!

Забили в стальную рельсу: *«Дзынь! Дзынь! Дзынь!»*

Ошеломлённые, перепуганные женщины, дрожа, повыскакивали из-под серых одеял. Мы поползали по полу, изо всех сил пытаясь успеть собрать все свои вещи. А вдруг это переезд на новое место!

Наша квадратноплечая комендант вошла в полном обмундировании, в фуражке и начищенных сапогах, как будто пришла принимать военный парад.

— Женщины! Я хочу, чтобы все те, кто может говорить на иностранном языке, сделали шаг вперед. И я имею в виду *иностранный* язык. Не русский или сербский. Английский, французский и так далее.

Ряд женщин сделали шаг вперед. Учителя, журналисты, бывшие придворные дамы — поперечное сечение буржуазного общества. Наши имена тщательно записывались в списки. Надзиратели так старались не выглядеть глупо! Эти спектакли были для них мучением. После того, как в список владеющих французским и немецким была

записана последняя фамилия на букву W «Вурмбранд», они ушли. Мы потеряли два часа сна, а потом ещё два, в течение которых длились мучительные споры: что же всё это значит?

— Им нужны переводчики, вот что, — заявила Клара.

— Американцы идут!

— И французы!

— Везучие суки, — прошипела одна из проституток. — Почему это вы должны иметь выгодную работу только из-за того, что вы утверждаете, будто знаете несколько слов по-лягушачьи?!

— А ты, Клара Штраус, зачем сказала, что говоришь по-французски. Мы же знаем, что ты — фриц!

— Это я не говорю по-французски! — Клара залилась театральным смехом. — Мои милые, мой «Федра» когда-то производил полный фурор. «*Oui, prince, je languis, je brule pour Thesée*. — Сжав руками своё горло, она посмотрела на бабулю Апостол. — *Que dis-je? Il n'est point mort puisqu'il respire en vous. Toujours devant mes yeux...*».

— Ну, *пожалуйста*, дайте немного поспать!

Однако уголовники лопали от зависти и злобы. Уснуть мне удалось почти на рассвете, и приснился мне какой-то беспокойный сон.

Тем не менее в то утро, когда мы брели по равнине на работу, моё сердце ликовало от света, разливавшегося внутри меня. А может, это правда? Работа в качестве переводчика в каком-нибудь теплом кабинете, подальше от этого вечного ветра? А что, если произошли какие-либо глобальные международные потрясения? Наша бригада разработчиков карьера полнилась слухами.

В тот день я работала рядом с миниатюрной еврейкой по имени Ессика. Раньше я много раз замечала её в лагере. Она была улыбчивой, милой, спокойной, как обещание мира среди такого множества измученных лиц. Тайком косясь на охранников, я шёпотом рассказала ей о том, что произошло вчера ночью в нашем бараке.

— Это происходит в каждом бараке, — ответила она, — и в каждом лагере. Иногда они также спрашивают, кто является иностранцем. Немцы и евреи спешат назвать свои нерумынские имена, надеясь, что им дадут возможность эмигрировать. Но на этом всё и заканчивается. Это придумано, чтобы заставить нас страдать.

Вскоре я поняла, что Ессика была права. Это было очередное мучение, целью которого являлось ослабление разума и подрыв воли. Много раз весь барак вытаскивали из-под одеял задолго после полуночи для очередной серии этого горького фарса. После того, как они перешли к спискам спортсменок, поползли слухи, что в Румынии не хватает спортсменов для участия в Олимпийских играх, и всех желающих, кто может бегать, прыгать или плавать, заберут на спортивные сборы! Большинство из нас едва могли ходить, однако это воспринималось нами без каких-либо сомнений.

Между мучимыми и их мучителями могли возникнуть отношения любви-ненависти.

Всё это делало нас более восприимчивыми к перевоспитанию. Был создан женский хор, который сразу же взялся за изучение коммунистических песен, начиная с *Интернационала*:

«Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов...»

— Мы наш, мы новый мир построим, Кто был никем, тот станет всем! — пела Анни Станеску.

Был поставлен и спектакль под названием «Истинное счастье». В нём рассказывалось о том, что истинное счастье состоит в строительстве канала во имя социализма, и разоблачались ужасы капиталистической эксплуатации. Когда нам приказали плакать о миллионах голодающих американцев, я видела женщин в слезах.

После того, как злодейские попытки дяди Сэма саботировать строительство канала были сведены на нет, гордая комсомолка запела партию сопрано, напоминающую скрип стекла:

«О, как мы любим нашего отца Сталина,
Никогда не умрет наша любовь к партии...»

Самой печальной частью были аплодисменты и ликование в финале. Некоторые из них, по крайней мере, были неподдельными.

Между мучимыми и их мучителями могли возникнуть отношения любви-ненависти. Надзирателей, которые били и издевались над нами, мы часто называли уменьшительно-ласкательными именами.

— Перед тем, как построить дом, нужно очистить болото и всех гадов в нем! — Молодые конвоиры, которым говорили, что все мы были «преступниками», повторяли эти крылатые фразы, выученные во время своего обучения. А мы учились остерегаться большеглазых девочек с пустым взглядом, которым едва исполнилось двадцать, потому что, пройдя идеологическую обработку, они становились более жестокими, чем любой мужчина.

Их отправляли на канал и в течение нескольких месяцев, а некоторые даже и лет, они жили рядом с заключёнными в этом пустынном месте. Они проходили вместе с нами долгие километры пути по дороге на карьерные работы. Они стояли над нами, когда мы трудились. И, хотя это было строго-настрого запрещено, иногда они разговаривали с нами. Через некоторое время они понимали, что имеют дело не только с «паразитами» и «бандитами», а в большинстве своём с простыми крестьянками, такими же, каких много было и в их собственных семьях. Было время принудительной коллективизации, когда землю и скот отбирали у их владельцев. По мере того, как надзиратели узнавали о том, что их собственные родственники голодают и подвергаются арестам и заключению, они начинали сомневаться.

Постепенно они переставали гордиться своей работой. Потом своей партией. Нападки на церковь проводились синхронно с лишением народа всего того, что было ему дорого. Это растущее негодование, вызванное последствиями деятельности коммунистов, приводило к замечательным изменениям в сердцах некоторых из наших надзирателей.

В лагере К4 содержали несколько школьниц, попавших сюда из-за отказа вступить в коммунистический союз молодежи. Среди них была пятнадцатилетняя Мария Тилеи, девушка необычайной красоты. Рабский труд, казалось, лишь способствовал проявлению внешней красоты Марии. Её кожа стала полупрозрачной, тёмные глаза — более яркими, тонкая структура кости обозначилась ещё более четко. Она обладала уверенностью в себе, исходящей из растущего осознания того, что она всем нравилась и все восхищаются ею.

Нина, конвоир со щеками цвета спелого яблока, которая в прошлом неоднократно проявляла ко мне доброту, была очень внимательна к этой деликатно-лилейной девушке из другого мира.

— Какой позор, бедная девочка. Почему?! Она же ещё ребёнок! Мне говорили, что я буду работать с ворами и убийцами, а здесь такая юная леди!

Однажды Нина спросила Карин, одну из моих подруг-христианок:

— Вы — одна из монахинь?

— Нет, я жена пастора.

— Ах да, мне рассказали о вас. Вы отдаете другим свой хлеб и тому подобное. Вы сами делаете себя больной. Сейчас же идите в туалет и засуньте руку под подоконник с правой стороны.

Она пошла. Засунув руку, она нащупала что-то завёрнутое в бумагу. Бутерброд. Если бы великодушие Нины было обнаружено, её саму отправили бы в трудовой лагерь.

Карин и я несколько раз осмеливались беседовать с ней. Она рассказала нам, как, будучи ребёнком, всегда ходила в церковь. И даже вступив в комсомол, она продолжала посещать церковь, но теперь ходила за несколько километров в другую деревню, где никто её не знал.

— После того, как однажды на обратном пути я встретила председателя комсомольской ячейки, которая начала выспрашивать меня, где я была: «Сегодня воскресенье, не в церковь ли ты ходила?» — я ответила, что отказалась от всего этого много лет назад. Как я хотела бы иметь мужество сказать ей, не лезть не в своё дело! Но что теперь говорить... Вернувшись домой, я долго плакала. Я чувствовала себя как Петр, который отрекся от Христа.

Нина плакала, однако раскаяться, как Петр, было ей не под силу. Она позволила оторвать себя от церкви, поступила на службу в милицию и стала тюремным надзирателем. Она проглатывала разговоры о построении лучшего мира (и уничтожении в процессе этого паразитического среднего класса). По приказу она избивала и подвергала жестокому обращению заключённых. Теперь она видела, что коммунизм сделал с деревнями, такими, как её собственная, и чувствовала себя отчасти виновной в этом.

Карин не была единственной, кому Нина помогла. По некоторым признакам я догадывалась, что она дружит с юной Марией. Несколько месяцев спустя, когда Нина уже не работала у нас, школьница рассказала мне о том, что та сделала для неё:

— У моих родителей ещё осталось немного денег и несколько вещей, которые каким-то образом уцелели после конфискации нашего имущества. Я спросила Нину, не могла ли она передать им сообщение, что со мной всё в порядке. Когда она пошла, папа пообещал ей денег или подарок, если она передаст мне аспирин, шоколадку и шерстяной пуловер.

Это могло стоить Нине жизни. Но она сделала это, пронесла контрабанду в лагерь, отказавшись от взятки. Посещение дома Марии было для Нины откровением. Красивые вещи, уютный дом, доброта и приветливость супругов Тилеи — всё это было для неё новым. Её вера в коммунизм подверглась дополнительной встряске.

Когда я впервые начала разговаривать с Ниной, разговор шёл очень трудно. Тогда она всё ещё насмешливо повторила выражения о религии, которым её научили во время профподготовки. Её сердце было закрыто. Когда я говорила о Христе, она воскликнула:

— Но мы, коммунисты, являемся лучшими друзьями Христа! Если существуют небеса и суд Христа, то к нам Он явит наибольшую милость. Ваш муж пастор. Сколько людей, по вашему мнению, он привел ко Христу? Несколько? Несколько сотен? А мы, коммунисты, трудимся над тем, чтобы ежегодно Христос получал тысячи клиентов, которые умирают с Его именем на устах. Мы набиваем небо. Он должен быть благодарен нам!

Я заметила, что это может означать больше, чем она думает. Тот, кто привил Савлу из Тарса ненависть к христианству, также заложил в нем характер будущего Павла. В Библии написано, что там, где изобилует грех, благодать изобилует во много раз больше. Я подвергла сомнению её мысль о том, что своими шутками о доставке христиан на небо коммунисты вызывают к себе жалость небес за содеянные ими беззакония. Это был первый шаг к её обращению.

Нина стала христианкой, и это не так уж легко было скрыть. Предатель может творить свои гнусные дела и оставаться нераскрытым в течение нескольких десятилетий, потому что вокруг преобладает зло, и он может укрыться в нем. Под каждым камнем сидит паук. А доброта — редкая бабочка, которая поражает даже самый невосприимчивый к красоте глаз. Никто не может не заметить её, а некоторые хотят убить её.

Когда в 1951 году Нина вдруг исчезла из лагеря К4, в течение долгого времени мы не знали, что с ней случилось. Затем трое вновь прибывших женщин, оказавшиеся бывшими надзирательницами из лагерей на канале, осужденными за получение взяток от заключённых, рассказали, что Нину судили вместе с ними и дали ей десять лет.

Бедная Мария была ужасно расстроена.

— Это все моя вина! — сокрушалась она.

Я успокаивала её, как могла:

— Не принимай это так близко к сердцу. Она сама желала помочь тебе. К тому же теперь, став христианкой, она будет иметь большую радость, находясь в узах, чем когда была надзирательницей.

Мы часто вспоминали Нину. Карин говорила, что знает, что ожидает новообращенную и что из неё выйдет непоколебимая христианка. Страдания наделят её большим авторитетом, который поможет ей свидетельствовать другим. А если она умрет в тюрьме? Тогда её смерть послужит Его великой цели, и Бог не оставит невознагражденной даже чашку воды, поданную страждущему. Он вознаградит и Нину. Те, кто умирают за веру, оставляют после себя величайшее нетленное наследие.

Глава 11
Дунай

Всю ночь шёл густой снег. Когда нас выстроили перед рядами бараков, крупные хлопья всё ещё продолжали падать. Скелетообразные сторожевые башни почти исчезли за белой пеленой. Ветер стих. Каждый звук был глухим и мёртвым.

Из дальних кухонь через вентиляционные отверстия шёл пар. Это обещание тепла было для нас лишь дополнительным расстройством. Мало кого из «политических» допускали к работам по кухне. Точно так же, как и в прачечной. Ежедневная квота была жесткой: тридцать пододеяльников, тридцать наволочек, а также рубашки и трусы. Всё это стиралось вручную с обломками низкосортного мыла. Но, по крайней мере, работа была в помещении.

В то утро больше женщин, чем обычно, пытались сообщить о своей болезни. Однако это не интересовало Ану Кретцеану, лагерного врача и заключённую.

— Ты ничем не больна! — говорила она. — Пригодна для работы.

Как заключённые ненавидели этот монотонный голос! Доктор Кретцеану продала себя за право работать в закрытом от снега и дождя помещении. В её руках была власть над жизнью и смертью в новом проявлении медицинской профессии. Она знала, что отправкой некоторых женщин на работу обрекает их на смерть. Некоторые из них были настолько слабы, что само сообщение о том, что они должны снова идти в карьер, повергало их в обморок. Но у неё был приказ медицинской комиссии. Чем больше заключённых она признавала больными, тем меньшим становился её собственный шанс на выживание или освобождение.

В бараке номер десять была другая врач-заключенная, которая оставалась верной клятве Гиппократа, данной ею. заключённые использовали всевозможные уловки, чтобы удержать её, хотя бы в течение нескольких дней, в лагере. Ей было больше шестидесяти, и она была

непригодна ко многокилометровому походу в карьеры, не говоря уже о работе там. К тому же она разбиралась в лекарствах гораздо лучше, чем Кретцеану. Но комендант лагеря была довольна своим «послушным» врачом, а врачу из десятого барака приходилось толкать тачки.

Аспирин, теплое питье, любой вид обезболивающего нам мог только сниться. Зубную боль приходилось переносить. Лагерь изобиловал различными женскими заболеваниями, вызванными тяжелой работой. Они были точно диагностированы заключёнными с медицинским образованием. Однако лечение было совсем другим делом.

Однажды, когда мы брели по замерзшему снегу, Карин сказала:

— Давай не думать о Кретцеану. Она несчастная женщина. Всякий раз, когда я слышу, как она затягивает: «При-и-и-годный для работы!», то вспоминаю свою подругу, также врача, добровольно вступившую в ряды ополчения. Ради Христа она надела эту ненавистную форму и притворялась убежденным коммунистом, чтобы помогать другим. Она проделала замечательную работу, прежде чем была предана информатором. Сейчас она находится в тюрьме.

— Бедная душа. Она была святой!

Мы волоклись по совершенно белой равнине под темным небом. В приглушенной тишине звук ударов молотов о камни звучал как-то странно отдалённым.

Утром мне раздавило пальцы между двумя тяжёлыми каменными глыбами. Поднимать каждую глыбу и грузить её на грузовик — это страшная агония. Пожилая женщина, новенькая, заметив мою боль, попыталась помочь мне. Она поинтересовалась, не встречала ли я в тюрьмах девушку по имени Фанни Маринеску.

— Да, — ответила я. — Я хорошо знаю её. В Джилаве я обучала её французскому языку, и мы подружились

— Как сложилась её судьба?

— Она пошла на небо, — ответила я. — Она умерла от рака, её слишком долго не лечили.

Женщина заплакала, и я поняла, что она была матерью Фанни.

К нам подошел охранник, и мы не могли больше говорить. Никто не имел права прервать работу из-за того, что у него умер ребёнок. Её глаза наполнили слёзы, и она, ослеплённая ими, споткнулась. Наши сердца были изранены так же, как и наши руки.

До следующего дня я не могла даже попытаться сказать матери Фанни несколько слов утешения. Во время обеденного перерыва мы ждали, когда принесут еду.

— Фанни сейчас на небе, — сказала я. — Она умерла с верой в Искупителя, Который даёт нам вечную жизнь.

— В раю! Вам легко говорить. А если бы это была *ваша* дочь...

Я рассказала ей о том, как я потеряла свою семью во время нацистской оккупации и своих детей-сирот, утонувших на корабле, плывущем в Израиль.

— Не теряйте мир и ясность разума. На земле все мы — преходящи. Но для нас существует и вечная жизнь с Богом. В этом — наше утешение.

Мы вместе сидели в ожидании жирного супа, ухаживая за своими раздавленными пальцами. Наши руки и ноги дрожали от усталости. Женщина сказала мне, что её зовут Корнелия.

— Ваша дочь помогла многим заключённым во время их депрессии, рассказывая о вечной жизни. Я также помогла некоторым. Вы помогли мне носить эти камни. А на небе живет Великий Помощник, который заботится о тех, кого мы потеряли.

Мои слова, казалось, немного утешили её.

Однажды вечером Корнелия пришла в мой барак. Немногие надзиратели были на улице в ту холодную ночь, и ей удалось проскользнуть через двор незамеченной. Я почувствовала, что кто-то сел на край моей кровати и прикоснулся к моей руке. Я открыла глаза и села.

Корнелия робко улыбнулась.

— Позвольте посидеть здесь немного. Рядом с вами демоны, похоже, не имеют такой власти.

Каждый христианин отражает немного славы своего Господа, и во времена страданий это становится заметным для тех, кто окружает нас.

— Весь наш барак был наказан, — рассказала Корнелия, растирая свои тонкие руки в старой кофте, чтобы хоть чуть-чуть согреться. — Я не могла выйти раньше. На этой неделе нас заставляли каждый вечер мыть пол. Но я пришла сюда не для того, чтобы жаловаться. Я хочу сказать вам то, что никогда не говорила никому другому.

Её тонкое лицо стало ещё более прозрачным, выражение страдания превратилось в радость.

— Прошлой ночью я заснула, не раздеваясь, и сразу же оказалась на большом поле, таком широком, как равнина Бэрэган, на которой мы работаем. Насколько мог видеть глаз, поле было полно цветов. Воздух наполнял пронизывающий сладкий аромат ландыша, и я чувствовала, что моя дочь была там. Хотя поле было настолько огромным, оно казалось очень уютным. Я никогда не видела так много травы и цветов, собранных в одном месте. Вокруг гудели осы и пчелы. И облака бабочек, огромные облака, сверкающие всеми цветами радуги, пролетали около меня. Я пребывала в таком спокойствии духа! Вся красота и величие земли, казалось, были собраны в одном месте. Одиноко стоя на краю этого поля, я увидела приближающуюся ко мне женщину. Её глаза мягко вглядывались в само моё сердце. Она положила мне в руки букет белых ландышей. Ах, как сладок был их аромат! Я всё ещё чувствую его. С середины поля я услышала голос человека, сильный и сладкий, который ясно произносил слова из песни Соломона: «Как лилия между колючек, так моя любовь среди дочерей». Потом я проснулась и поняла, что я до сих пор на канале и меня ждут страшные безумцы-надзиратели. Когда в пять утра они забили в рельсу, я встала и вышла на работу в карьер с такой легкостью, как если бы я танцевала на лугах, чтобы радовать своего Любимого. Я до сих пор вижу цветущее поле, чувствую его аромат и слышу Его голос. И ещё та женщина... я никогда не забуду её!

Это воспоминание жило в сердце Корнелии. Теперь она видела тысячи небольших знаков и чудес, свидетельствующих о Его присутствии. Иногда камни памяти, которые мы выносим из долины страданий, прекрасны.

* * *

Спустя несколько дней началась оттепель. Я проснулась от звука воды, капающей с крыши барака. Земля превратилась в грязь. Почерневшие пятна снега всё ещё окружали стены, но теплый воздух уже одерживал над ними победу. Как все мы жаждали освободиться от холодных объятий зимы!

Даже у охранников было весеннее настроение. Они кричали и ругались на нас и друг на друга, как игривые псы. Легкий ветерок,

дувший с юга, принес какой-то странный запах. Возможно, это был запах моря или весны.

Я снова работала на баржах. Мы вышли на гладкие, черные воды Дуная, чтобы сбрасывать в них огромные камни, окатывающие нас брызгами с ног до головы. Мимо нас проплывали большие тёмные льдины. Мои руки и ноги окоченели. Из-за облаков необыкновенной белизны появились большие лоскутья чистого, голубого неба.

Из лагеря нашу колонну всегда сопровождал конвой, состоящий из мужчин. Они были единственными мужчинами, которых видели наши женщины, с уст которых в их сторону иногда летели грубые шутки. Сегодня их было больше, чем обычно.

Анни Станеску, сварливая проститутка небольшого роста, всегда инициировала подобного рода разговоры.

— У этого Петра руки, как у гориллы, — завела в тот день речь Зинаида. — И черные волосы на спине! Я уверена, что он весь покрыт ими с ног до головы. Есть на что посмотреть!

— Есть женщины, которые видели! — засмеялась на полный рот золотых зубов Анни. За ней засмеялись все остальные.

— Тьфу! — брезгливо сплюнула Зинаида.

— Что же они видят в нас, что привлекает их? — поинтересовалась Зинаида. — Не понимаю. Можете ли вы представить себе группу существ, более неаппетитных и бесполых, чем мы? От нас всех так воняет!

Анни парировала, и её ответ вызвал возгласы и смех присутствующих. Они весело начали обмениваться руганью. На удивление, их никто не останавливал.

— Нашей святоше не нравится наш разговор! — воскликнула Анни. Слоняющиеся без дела и покуривающие, в то время как мы тяжело работали, охранники с ухмылкой посмотрели на меня. — Она думает, мы все стервы!

Я молчала, что, конечно же, подтверждало их слова. Тогда Анни, чей язык без костей редко причинял кому-либо настоящее зло, в этот раз сыграл со мной злую шутку, намного более злую, чем можно себе представить.В конце дня нас выстроили, изнуренных и искалеченных работой.

— В ногу! В ногу! — проревел конвоир. Мы направлялись на сборный пункт, где нас ждали грузовики.

Мы проходили вдоль реки по колена в грязи. Я заметила, что взгляд охранника по имени Пётр всё время устремлен на меня. Он уродливо щурился и улыбался. Пётр толкнул в бок своего спутника, юношу с тупым выражением лица и плоским носом, а затем неожиданно повернулся ко мне и подставил ногу. Я упала в грязь, которая, смешанная сотнями сапог, успела превратиться в кашу.

Женщины-охранники захохотали.

Пётр протянул руку и вытащил меня из липкой грязи. Я изо всех сил закричала от боли, причиненной его стальной хваткой.

— Моя леди, — прорычал он, — вам не помешало бы сейчас принять ванную!

— В Дунай её! — прокричал женский голос.

Я сразу же ощутила на себе лапы другого конвоира. Один схватил меня за запястья, а второй за лодыжки. Меня качнули в одну сторону, потом в другую — и я взлетела в воздух, а потом со страшным всплеском приземлилась на каменистой отмели. Мне перебило дыхание. Я получила серьезные травмы, однако всё ещё находилась в сознании. Ледяная вода хлынула на меня с такой силой, что потащила меня по камням. Вокруг меня всё закружилось. Я слышала крики с берега, но не могла понять их. Каждый раз, когда я пыталась встать, бурлящие воды снова повергали меня вниз. Так я беспорядочно металась в безуспешных попытках спастись, ещё больше раня себя об камни.

Две руки подхватили меня под мышки и потащили по мелководью. Конвоир, тащивший меня, споткнулся и упал на спину. Теперь он сам оказался в воде рядом со мной. Потом меня выбросили на берег.

Кто-то заставил меня сесть и начал колотить по спине. Я почувствовала, что меня сильно тошнит, и впервые ощутила резкую боль в боку. Головокружение заставило меня снова лечь. Когда тошнота и головокружение прошли, я некоторое время всё ещё лежала, прислушиваясь у шуму реки и пытаясь понять, была ли это река жизни, текущая через рай? Но потом через черные, мокрые, голые кусты я увидела небо. Я была пока ещё не на небе.

— С тобой всё в порядке. Вставай! — строго приказал женский голос. Конвоир стояла, глядя на меня сверху вниз. — Двигайся или замёрзнешь.

Молодой охранник с крестьянским лицом помог мне сесть. Петра нигде не было видно. Я попытался отжать края своей длинной юбки.

— Давай, *двигайся!*

Пинками меня заставили подняться. Теперь я начала дрожать, однако больше от шока, чем от холода. Колонна уже отошла на несколько сотен метров вперед. Я похромала вслед за ней, подгоняемая толчками женщины-конвоира.

Когда мы догнали основную колонну, женщины начали бросать на меня сочувствующие взгляды. Мы ждали погрузки на грузовики.

Пётр, увидев меня, закричал:

— Вот так-то лучше. Нет ничего лучше холодной ванны!

Моя одежда была холодной и липкой, в ботинках хлюпала ледяная вода. Я обняла себя руками и ощутила, что боль в боку стала ещё сильнее. С каждым мигом мне становилось всё хуже. После того, как мы взобрались на кузов грузовика и поехали, каждый прыжок на буграх вызывал у меня агонию. Раскачивание снова вызвало тошноту и головокружение.

Огромный пурпурно-желтый синяк, похожий на карту Африки, простирался вдоль одной стороны моего тела.

— Этот Пётр — скотина, — возмущенно прошептала Зинаида, поскольку недалеко от неё сидела наша бригадир, осужденная по криминальной статье. Поразвлекшись вдоволь, они сразу же выловили меня. В конце концов, по возвращении в лагерь им надлежало отчитаться о количестве возвращённых с работ заключённых. Потеря рабыни-заключённой означала бы утрату для государства.

Кое-как я вернулась в барак, где сразу же принялась выжимать мокрые вещи. Мой бок сильно распух, а на руках и ногах была содрана кожа. Поднять руки было мучительно больно. В течение ночи через

каждые несколько минут я пыталась найти более удобное положение. Но тщетно.

Утром я отправилась к «доктору» Кретцеану. Огромный пурпурно-желтый синяк, похожий на карту Африки, простирался вдоль одной стороны моего тела. Я не могла поднять руку выше уровня талии.

— Для работы пригодна! — вынесла свой вердикт Кретцеану. Я подпадала под одну категорию с остальными.

— Что с *тобой*? — закричала женщина-надзиратель, видя, как я покачнулась. Я чувствовала себя очень слабой.

Я ответила:

— Я не могу сегодня идти на работу. У меня сильные боли. Я думаю, что у меня сломаны ребра.

Но тут появился Пётр, который как раз искал меня. Он схватил меня за руку и вытащил из шеренги.

— С ней-то? Вчера она не выполнила свою норму. Я сам разберусь с ней!

Он развернул меня и пнул сапогом с такой силой, что я в буквальном смысле влетела в шеренгу выстроившихся женщин.

В тот день, как и во все последующие дни, я, вместе со всеми, была отправлена на работу. У меня было сломано два ребра (врачи установили это после моего освобождения), но Бог исцелил их. В тюрьме мы стали свидетелями множества чудесных исцелений.

Глава 12
Лагерь К4: лето

Пришла весна. Рядом с дорогой, ведущей к каменным карьерам, среди засохшей прошлогодней травы проросли пятна свежей бледной зелени. Немного сладкой травы в теплой воде, называемой супом, на обед в тот день было огромным удовольствием. Однако на этом пустыре, несмотря на то, что здесь всё время шёл дождь, хорошая съедобная трава встречается реже, чем горькие сорняки. Только наиболее выносливые формы жизни могли выжить на истребляющем всё на своём пути ветре, который выдувал суп из наших ложек ещё до того, как мы успевали донести его от тарелки до рта.

Употребление в пищу травы было запрещено, как и всё остальное, с помощью чего «политические» могли бы улучшить своё состояние. Когда охранники не смотрели, мы паслись на ней, как скот. Мы также наблюдали за доносчиками, которые шпионили за нами даже в этом, веря в обещания, что они смогут заработать себе досрочное освобождение.

Лягушки также были желанной добычей, так как их сырое мясо считалось среди изголодавшихся деликатесом. Однако их было на удивление трудно поймать, хотя иногда авантюрные существа всё же спускались в карьер, за что сразу же рисковали поплатиться жизнью.

В большом количестве лягушки жили у реки. Ночью их кваканье ветер разносил далеко над полями. Я вспомнила о том, что Библия говорит о духах нечистых, подобных жабам... В прошлом я часто задумывалась об этом сравнении. Потом пришли коммунисты с их бесконечным выквакиванием партийных лозунгов. «Да здравствует партия, *ква-ква*! Да здравствует Социалистическая Республика, *ква-ква-ква*! Долой воинствующий империализм, *ква*!» И тогда я всё поняла.

Змеи были ещё менее доступны. Толстые зелёные змеи были съедобны, однако шум карьера отпугивал их. Некоторых из них всё же поймали те, кто очищал склоны карьера от высохших диких зарослей

и насевал на них песколюбивые травы для предотвращения эрозии почвы. Однажды недалеко от работающих женщин пробежала дикая кошка с ужом во рту. В бедное существо сразу же градом полетели камни и лопаты. Однако она убежала, так и не поделившись своей добычей с голодными женщинами.

Желание мяса или любого белка было результатом нашей суповой диеты. Независимо от того, как назывался этот суп: картофельный, фасолевый или капустный, ни в одном из них не было ничего из перечисленных овощей. Заболевания, связанные с дефицитом витаминов, были обычным явлением среди заключённых. Почти все страдали от приступов диареи, цинги и загадочных проблем кожи. Вследствие инфицирования порезов и ушибов на руках и ногах появлялись язвы, со временем достигающие в диаметре двенадцати сантиметров. Яд, распространяющийся по кровеносной системе, снижал наш иммунитет и способствовал полному истощению.

Однако всё же мы страдали меньше, чем мужчины. Специальные секции для священников и представителей «Железной гвардии», находящиеся на полуострове, были полностью отрезаны от остального лагеря. Они работали дольше и получали меньше пищи. Выживание зависело от изобретательности заключённого. Или беспощадности. Всё, что двигалось, было тотчас съедаемо.

— Собака также довольно вкусна, — заверял меня священник, выживший в том лагере. — Однако я не могу порекомендовать крысу.

Тех, кто, рухнув, не умер, избивали до смерти.

Трудовая колония, расположенная на мысе Мидия, состояла в основном из пожилых мужчин, многие из которых были старше семидесяти. Запряженные, как животные, в возы, наполненные землей, и работая босиком, они никак не могли выполнить нормы, за что их подвергали безжалостным избиениям и пыткам. Если же кому-то и удавалось выполнить норму, её сразу же поднимали. Это была политика уничтожения.

Тех, кто, рухнув, не умер, избивали до смерти.

— Кладбище на полуострове, — рассказывали нам, — в два раза превышает размер лагеря.

Рабочая норма — изобретение не коммунистов. В Библии написано, что, живя в Египте, евреи были рабами, которые также должны были выполнять норму, которую всё время повышали. Сначала они получали солому, из которой делали кирпичи, потом же вынуждены были собирать её сами, при этом изготавливая такое же количество кирпичей.

Однако от коммунистов фараона отличает то, что он не пытался маскировать эксплуатацию людей под рай на земле.

* * *

От вновь прибывших, в которых не было недостатка, мы получали все новости. Однажды вечером дверь нашего переполненного барака распахнулась и в неё втолкнули ещё двадцать женщин. Все они были проститутками, подобранными на улицах и вытащенными из домов во время облав. Это был коммунистический способ «ликвидации социальных проблем капитализма». И, как обычно, само лекарство было хуже, чем достигаемый с его помощью результат. Новая партия заключённых была этапирована из той же тюрьмы. Они были наиболее испорченными женщинами, с которыми мне до сих пор доводилось сталкиваться. Возможно, причиной этого было только то, что они слишком долго пребывали в компании себе подобных.

Теперь с криками, пинками, толчками и дикими ругательствами они пытались раздобыть себе места. Небольшая группка монахинь была безжалостно оттеснена в сторону и позже нашла убежище среди «политических» в противоположной стороне барака. «Политические» оптимистично пытались утихомирить пришельцев. Проститутки, со взрывами смеха, начали перекривлять их произношение. Остальные осужденные наблюдали за происходящим с болезненными улыбками. Что же касается цыган, то проблемы монашенок оставили их равнодушными, как и большинство других вторжений в их собственный маленький мирок болтовни, склок и песен.

У многих из проституток на губах были открытые сифилитические язвы. Мы с ужасом думали о том, что они будут использовать те же кружки и тарелки, что и мы. Там, где они собирались, воздух становился гораздо более зловонным. К сожалению, сердца некоторых из них были такими же, как и их страждущие тела.

Остриженные монашки ютились под красноватым светом голой лампочки, как стая беспёрых птенцов вокруг своей матери. Сестра Мария была пожилой монахиней, придерживающейся аскетических взглядов, с бодрым духом, чьё болезненное исхудавшее лицо, острый нос и круглые очки в железной оправе (каким-то чудом сохранившиеся после тщательных обысков) напоминали мне Папу Пия XII. Её блаженная улыбка, нежная, как у ребёнка, сама по себе была сокровищем.

— Ох, если бы только она перестала читать лекции о плоти! — жаловалась Зинаида. — Как будто её бедной душе не о чём больше беспокоиться.

Как сильно она старалась не допустить, чтобы её маленькая отара потеряла веру!.. А проститутки ночь за ночью не давали им покоя. Пожилая сестра Мария рассказывала своим подопечным о святом Бернаре из Клерво, который однажды в момент слабости посмотрел на женщину. Испуганный своим поступком, он решил усмирить свою плоть, всю ночь простояв по шею в ледяном озере.

— Зачем он сделал это? — шлюхи всегда вполуха слушали, что она говорила монашкам. — Что только люди не делают, чтобы получить острые ощущения!

Они переглядывались, хихикали, а время от времени и бросали язвительные реплики в адрес Марии.

Пожилая монахиня предупредила своих младших сестер, чтобы они даже не поднимали глаз на надзирателей. Некоторые из них были молоды и красивы... и находились в смертельной опасности... поэтому даже мысли о них могли стать грехом... свои взоры нужно обращать к примеру святых...

— Забавно, как некоторым людям сопутствует удача. Я многое повидала, но никогда не встречала ни одного из святых, о которых ты рассказываешь. Помните епископа?

Все хорошо помнили епископа. Монахини покраснели.

Женщина по имени Виктория была, по всей видимости, владелицей борделя. Одежда ослабленной Виктории была сшита каким-то таким образом, что от талии она свисала фалдами, а выше талии морщилась от натяжения. Неизвестно, то ли она была перешита, то ли так деформирована.

— Когда я проходила еженедельное медицинское обследование (проституция находилась под контролем государства), сотрудник милиции всегда вызывал меня из очереди (о, тогда я была хороша! А сейчас с меня можно только посмеяться) и отвозил во дворец епископа на целую ночь. Меня переодевали в брюки, как юношу. Старый Чёрная Борода!

Проститутки одобрительно закивали. Всем известно было о мошенничестве епископа. За хорошую плату он мог подтвердить любое мнение.

— Целомудрие, — продолжала старая монахиня, растирая свои замерзшие руки, — оно как зеркало. Даже дыхание может испачкать его поверхность. Никогда не позволяйте злым мыслям запятнать свой ум!

Она, казалось, была вырезана из какого-то жёсткого и прочного дерева. Именно её выносливость и провоцировала все нападки на неё.

— Тебе немногое известно о ваших священниках, не так ли? — к издевательствам присоединилась ещё одна молодая девушка. — Меня также часто брали к некоторым из них. О, они знали всё о женщинах. Они никогда сильно не заботились о своих душах. Надо же, целомудрие — это зеркало! Как бы не так!

— И святой Фома получил настолько глубокий дар целомудрия, что ангел обещал, что он никогда не потеряет его и никогда не поддастся на искушения. Тем не менее он избегал смотреть на женщину в том случае, если возникал повод для греха.

Проститутки разразились смехом. Они вскрикивали, хватались за животы и качались по полу.

— Бедный старик! Хорошее обещание! Совсем не то, чего он хотел! — простонала Виктория, взявшись за живот. Все снова захохотали. Виктория вытерла слёзы, накатившиеся на глаза от смеха.

— Да мы же видим всех вас насквозь!

Тот, кого они видели насквозь, сестра Мария, прервала своё наставление для чего-то ещё более важного.

— Давайте помолимся! — твердо сказала она.

Вместе все они зашептали:

— Богородица Дева Мария, исполненная благодати Божией, радуйся!

Все проститутки одновременно начали креститься. Они издевались над всем святым. Однако скоро молитва монашек и наложение креста успокоили их и привели к истокам уважения.

Прочтение «Молитвы ко Пресвятой Богородице» заняло некоторое время, но они всё же позволили монахиням закончить её.

Когда монахини умолкли, младшая из проституток, девушка с гофрированными рыжими волосами, жесткими, как проволока, опять взялась за своё. Однако на этот раз она начала с пренебрежительных слов о Деве Марии.

Слова рыжеволосой вызвали такой крик и протесты со стороны всех обитателей барака, что встревоженным проституткам пришлось собраться вокруг неё, чтобы защитить от окружающих.

— Достаточно с нас! — закричала Анни Станеску и ударила рыжую по лицу. Она сообщила проститутке, кто она, откуда она и куда она могла бы пойти.

— Некоторые женщины, — продолжала она, — просто низкие.

Шлюхи недоверчиво отнеслись к её словам, сомневаясь в своей низости, а узнав, что она является представительницей их собственной профессии, они оказались в ещё большем замешательстве.

Анни была не из тех, кто позволила бы религии помешать себе заниматься своим «ремеслом», тем более она не была знакома с Евангелием или Богом. Однако она никому не могла позволить в своём присутствии оскорблять Деву Марию, хотя бы потому, что она хорошо знала и уважала сестру Марию и защищала её, как свою собственную мать.

Что же касается епископа, которого высмеивали проститутки, я знала его. Несмотря на все свои недостатки, за которые его арестовали, он не побоялся заявить коммунистам: «Я не вел образцовую христианскую жизнь, но теперь имею возможность умереть христианской смертью». Грешник, над которым издевались эти женщины, теперь был святым на небе. Он умер в раскаянии и под пытками за Христа.

* * *

Две девушки, прибывшие с этой группой, принадлежали к иному классу. Они были знакомы с проститутками, однако мало общались с ними и нашли себе кровати в другом углу комнаты, подальше от них.

Они были сестрами, темноволосые девушки с хорошими манерами и тихими голосами. Но они были проститутками, как уверяли их спутницы, сметёнными, как и другие, на улице и привезёнными отбывать «административное» наказание на канале.

Аура тайны и печали окружала этих сестер. Никому ничего не было известно об их прошлом, хотя многие и пытались разузнать его.

Виктория, приглаживая волосы водой или исследуя варикозное расширение своих вен, говорила:

— Некоторые девушки просто не умеют доверять. Но мы все в одной лодке. И если мы не можем рассказать о своих бедах друзьям, то для чего же они нужны, эти друзья, хотела бы я знать.

Тем не менее ни Диана, которой было девятнадцать лет, ни семнадцатилетняя Флория так ничего и не рассказали о себе Виктории, которая, возможно, в силу своей профессиональной привычки по-прежнему проявляла опеку над девушками

Такая неблагодарность сердила Викторию. Своими пышными, изящными ногами она, не задумываясь, топталась по имуществу других людей, их сердцах, их мыслях, их тайнах. Она смеялась над их историями. И пускала сигаретный дым. Прямо в лицо. Я видела, как женщины бьются за выброшенный окурок надзирателя; но Виктория, казалось, имела свой источник сигарет.

Сестры тяжело трудились в карьере, потом отсыпались, и опять всё с начала. Их тайна так могла и остаться для меня загадкой, если бы однажды Диана не услышала, как надзиратель называет мою фамилию. Она сразу же спросила, знакома ли я с Ричардом Вурмбрандом. Я ответила, что я — его жена.

— О! — восторженно воскликнула она. И тут же, осекшись и опустив глаза, тихо прошептала:

— Что вы можете подумать обо мне?

Я поинтересовалась, что она имеет в виду. Она ответила, что её отец был проповедником. Он часто читал своим детям книги Ричарда, которые называл своей «духовной пищей». Его посадили за веру, в результате чего его больная жена и шестеро детей остались без каких-либо средств существования. Диана и Флория были старшими. После того, как отец попал в тюрьму, они обе потеряли свои рабочие места на заводе. Вскоре семья узнала, что такое голод.

Однажды юноша по имени Силвиу пригласил Диану в кино. Он сказал, что мог бы помочь ей получить разрешение на работу. Они пошли в ресторан. После ужина с большим количеством вина он привел Диану в свою квартиру и соблазнил её.

Вскоре всё это повторилось. Больше речь не шла о разрешении на работу, однако он давал девушке деньги. Зная, как сильно её семья нуждается в деньгах, Диана не отказалась. Через неделю Силвиу познакомил её с другом и оставил их одних. Когда этот мужчина также попытался соблазнить девушку, она рассердилась. Но он тоже достал крайне необходимые её семье деньги и сказал, что хочет, по просьбе своего друга Силвиу, помочь ей. Диана уступила.

Поток клиентов, приводимых Силвиу, растопил стыд девушки. Со временем она привыкла к такой жизни, даже начала предпочитать её заводской скуке.

По тому, как Диана рассказывала свою историю, я знала, что она что-то скрывает. Она остановилась, пристально вглядываясь мне в глаза.

— Я думала, что вы будете испытывать отвращение ко мне. Разве вам не противно, что я стала... проституткой?

Я ответила:

— Сейчас ты не проститутка, ты заключённая. Никто не является проституткой, или поваром, или плотником всю жизнь. Каждый — это личность, а то, что он делает, является всего лишь частью его существа. И это может измениться в любой момент. Я считаю, что, рассказав мне об этом, ты уже изменилась.

Однако это не утешило Диану. Она сидела на узкой кровати в голом бараке, скрестив руки на груди. Её лицо отражало тревогу и чувство вины.

— Если бы это была только я, — наконец выдавила из себя девушка, — всё было бы не так ужасно. Но я заставила заниматься этим и свою сестру. Это предложил Силвиу. Он сказал, что несправедливо, что мне одной приходится нести ответственность за нашу семью. Таким образом, в конце концов, я познакомила их и позволила ему пойти с ней.

Вскоре Флория также начала заниматься этим. Главная трудность для сестёр заключалась в том, чтобы втайне держать свои занятия

от их старшего брата, мальчика пятнадцати лет, который обожал их обоих. Как и его отец, он был глубоко верующим человеком, с острым, чувствительным темпераментом, но без знания жизни. Как выражалась Диана, «он переживал не только за людей, но даже за мух».

Однако новый способ жизни сестер, их позднее возвращение и деньги в доме, вскоре поведали соседям о том, что происходит, а они, в свою очередь, рассказали мальчику. От шока тот потерял рассудок и попал в психиатрическую больницу.

Вскоре был освобожден их отец. Узнав о происходящем, он сказал: «Я прошу Бога лишь об одном: чтобы Он послал меня обратно в тюрьму и я больше не видел всего этого».

По щекам Дианы потекли слёзы.

— Всё произошло, как он и хотел. Он начал обучать детей Евангелию и кто-то донес на него в полицию. Позже доносчик признался мне, что сделал это, чтобы убрать старика с нашего пути, поскольку он препятствовал нашим занятиям. Это был Силвиу.

До того, как я услышала об этой трагедии предательства, мне трудно было найти слова. Но теперь я, наконец, сказала:

— Тебе стыдно за то, что ты сделала, и это правильно. В мире страданий, где даже Бога распяли на кресте, те, кто носят имя Христа, не могут позволить осквернить Его. Но это чувство боли и вины поспособствует твоему возвращению к сияющей праведности. Помни, что солдаты пронзили бок Христа, как бы «открыв» его, чтобы грешники могли легко войти в Его сердце и обрести там прощение.

Она подумала и тихо ответила:

— Позор, страдания. Да, они знакомы мне. Но я должна ещё кое в чем признаться. Я не всегда ненавидела то, чем занималась. И даже теперь плохие мысли всё время приходят мне в голову. Я не могу противостоять им. Что мне делать? Что я *могу* сделать

Диана молилась о помощи, и она была послана ей. Говорят, что чём более совершенна душа, тем острее она чувствует боль. Было ужасно видеть, как души, подобные ей, в отчаянии спрашивали, где им найти убежище теперь, когда эта жажда уже вошла в их сердца. Кто будет судить Диану, одну из многих дочерей христиан-мучеников? Она согрешила, чтобы достать хлеба для своей семьи. Возможно, гораздо большим

был грех христиан из свободного мира, которые не пожелали утруждать себя тем, чтобы отправить кусок хлеба и спасти таких, как она.

Весенние дни становились всё более длинными. Прекрасные золото-малиновые закаты заполняли вечернее небо на западе, за Дунаем. Ходить на работу стало радостью. Облака крапивы и жемчужной коровьей петрушки возвышались из канав, пахнущие влагой и зеленью. Земля почернела и стала илистой. Деревья осмелились выпустить блестящие молодые листья. Они были настолько свежи, что к ним хотелось прикоснуться.

Ароматный воздух оказывал своё благотворное влияние на всех нас. Свет, листья, трава, солнце изменили всё вокруг. Мы и сами не могли удержаться от перемен. Крепла новая дружба.

Мария заплетала волосы в школьную косичку, сидя в сияющих лучах раннего утреннего солнца.

Учительница, Пола Виеру, которая любила думать о себе как о человеке циничном и жестком, помогала ей. Они разговаривали о книгах. Глаза Марии светились интересом. Она задавала вопросы о разных писателях.

Зинаида и Клара были закадычными подругами. Они любили вести разговоры о платьях, которые носили в оперный театр в довоенное время, о празднованиях, на которых присутствовали члены королевской семьи, а также закатывали споры по поводу головных уборов и длины юбок.

Все стали в большей степени готовы любить и в меньшей степени ранить. Примерно в это время одна из проверяющих выполнение нами удивила меня обвинением:

— Вурмбранд держится сама по себе. Она не заводит друзей.

Я ответила:

— Здесь все мои друзья.

— Строишь из себя умную, да?! — рассердилась женщина.

С тех пор я начала задумываться над вопросом, правда ли это. Я пыталась помочь другим. Некоторые женщины реагировали на это так, как если бы я была послана прямо с небес. Других моё желание помочь озадачивало, и они подозревали меня в какой-либо тайной тёмной мотивации.

В то время в Румынии было широко распространено мнение о существовании еврейского заговора, целью которого было проникновение в христианство, чтобы уничтожить его. Я была еврейкой, поэтому, думали они, возможно, я также принадлежала к заговорщикам!

Невзирая на это, у меня была одна, по-настоящему близкая, подруга. С ней меня связывали не разговоры, а, скорее, молчание. Когда даже монахини вздыхали и жаловались, она молчала, и это молчание говорило мне больше, чем болтовня её соседей. Мой взгляд часто останавливался на ней, когда ночью она сидела, пытаясь подлатать одежду. Она поднимала голову и спокойно встречала мой взгляд. Часто, работая в карьере, я чувствовала её близость. Между нами существовала связывающая нас нить.

Ей было едва за тридцать. Она была низкого роста, темноволосая, с черными глазами, глубокими и добрыми.

— Я совершенно уверена, что вы — христианка, — однажды сказала я ей.

Она улыбнулась и удивленно посмотрела на меня:

— А я думала, что вы, возможно, одна из нас.

Я рассмеялась. На душе у меня стало так радостно.

— Вам долго сидеть?

— Нет, только двенадцать лет.

— Только? Вам не страшно?

— Бог может освободить нас, если пожелает. А если Он пожелает оставить меня здесь, то я предпочту остаться.

Госпожа Джамиль была женой ходжи. Она работала в организации под названием «Помощь Крыму», которая помогала людям, пострадавшим во время нацистской оккупации полуострова. Их с мужем обвиняли в связях с фашистами! Они были арестованы, а затем отравлены в тюрьму.

Комендант лагеря К4 однажды спросила господу Джамиль, почему она оказалась в лагере. Она попыталась объяснить, но комендант никогда не слышала о Крыме.

— Вы, конечно же, имеете в виду Корею, — воскликнула она. — Вы помогали Южной Корее!

Госпожа Джамиль попала к нам из Ада-Кале, острова, расположенного на Дунае, и, казалась, её совсем не смутило то, что здесь она оказалась среди огромного количества христиан.

Католики, адвентисты, Свидетели Иеговы, теософы — все пытались объяснить ей ошибочность мусульманской веры, однако госпожа Джамиль не спорила ни с кем.

— Мухаммед назван *аль-Амин*, «правоверный», поэтому я верю тому, что он говорит, — лишь ответила она. Она была не согласна с Молитвой Господней.

— Называть Бога Отцом — недопустимо, это опускает Его на уровень человека. Для нас Бог — господин, Господь.

Даже в наших условиях она мыла всё, что ела, и не притрагивалась к супу, если подозревала, что он подготовлен на сале. Ортодоксальные еврейки также следовали этому правилу.

— Суеверное предубеждение! — спорила с ними Паула. — Две тысячи лет назад этому, возможно, и была причина...

Однако преданность этих женщин своим религиям завоевала всеобщее уважение к ним. заключённые просили их, а не Паулу, когда нужно было разделить пищу между всеми поровну.

Среди такого огромного изобилия сект и религий каждый из нас имел свою долю религиозной аргументации, хотя прежняя злобность в отношениях между представителями различных групп в значительной степени исчезла. Между нами возникло новое чувство — взаимопонимание. За стенами лагеря мы не могли поделить мир без ссор и взаимных обвинений. Здесь же мы с радостью делили друг с другом убогий барак, уборное ведро, жалкую пищу. Здесь мы были сёстрами.

Глава 13
Равнина Бэрэган

В планировании канала была допущена серьезная ошибка. Если не поднять берега Дуная и не засадить их растениями с разветвлённой корневой системой для предотвращения эрозии почвы, более мелкие ирригационные сооружения будут затоплены водами могучей реки. Таким образом, в разгар лета нас перевели из каменоломен разделывать целинные поля.

Августовское солнце уже вовсю пекло обширную равнину Бэрэган. Мы вставали в 5 утра и спешили на перекличку, где нам раздавали мотыги и лопаты (большинство из них были уже непригодны для работы).

Затем длинная змейка заключённых отправлялась на целину, вздымая за собой облако белой пыли, издали напоминающей дым.

Я работала рядом с Жанеттой, дочерью бывшего богатого предпринимателя, впоследствии ставшей одной из моих самых близких подруг и сотрудниц по подпольной церкви, а позже и одной из её руководителей. Она часто выполняла норму за меня и за других людей, которые не могли быстро работать. Мы даже были рождены в один и тот же день. В свой день рождения, в качестве подарков, мы обменивались сырым картофелем.

Огромное поле, заросшее дикой петрушкой, расстилалось перед нами до самого горизонта. Становилось всё жарче. Деревья дрожали в мерцающем воздухе. Вокруг не было ни проезжающей телеги, ни проходящей живой души.

Только шеренга из 500 несчастных женщин растянулась по всей ширине поля, а позади них утомлённо лаяли охранники.

— Закрыть рты!

— Работать быстрее!

— Эй! Шевелитесь!

Они шли за нами по пятам, квакая.

— Помните, как мы ждали этого лета! — сказала Жанетта.

На палящем солнце мы работали до головокружения, культивируя целинную равнину. Здесь не было ни чуточки тени.

Мне на память пришли слова Иова: «Как раб жаждет тени...»

Рядом с нами работала школьница Мария Тилеи, изо всех сил стуча мотыгой в своих худых загорелых руках по высохшей пыльной почве.

— Мы не успеваем за вами! — сокрушалась Жанетта.

— Возьмите мою мотыгу! Она лучше, — предложила Мария.

— Нет, она не поможет, от неё просто будут другие мозоли, — я попыталась отклонить щедрое предложение девочки.

— А вы попробуйте, госпожа Вурмбранд!

Так мы вежливо спорили: школьница, женщина из высшего общества и жена пастора.

Охранники подошли, покричали на нас и пошли дальше. Марии не терпелось услышать о беззаботной жизни Жанетты: о званых обедах, конных скачках, благотворительных балах.

— Теперь я не думаю обо всём этом, — ответила Жанетта. — В одиночном заключении я поняла, что добрая улыбка дороже всего.

Мы вскопали ещё несколько сотен метров. Пот стекал по нашим лицам, смешиваясь с пылью и грязью. Валерия, казалось, была облачена в старинную трагическую маску.

— В одиночном заключении, — рассказывала она, — мне как-то приснился сон. Во сне один из наших палачей-коммунистов принимал ванну в моей ванной. У двери в очередь выстроились другие офицеры, чтобы сделать то же самое. Я крикнула голому мужчине: «Убирайтесь отсюда. Это не ваш дом!» Он ответил: «Я считаю, что у вас, христиан, в сердцах есть целая купальня, как в Вифезде. Люди ступают в неё грязными, а выходят из неё очистившимися». И он вышел. Его обнажённое тело было теперь белее снега. И у него было прекрасное лицо. Это был уже не тот человек, который избивал меня. После этого другие начали раздеваться и входить в ванну. Тогда я проснулась. Во сне я получила откровение. Когда человек приходит в жизнь христианина, даже пытая его, он находит в его сердце место, где его образ очищается и становится прекрасным. Мы начинаем понимать его. Для других он может быть преступником, но для нас он — драгоценное существо.

Эта история ободрила всех нас. А в месте, подобном тюрьме, нашим святым долгом было помогать окружающим сохранить в своих сердцах надежду.

Как медленно на том бескрайнем поле проходили часы!.. Наше дыхание превратилось в хрип, а языки — в войлок. Мы били мотыгами по земле, не получая нужного результата, как сломавшиеся машины, которые не могут больше выполнять свои функции.

— Там не появился водовоз?

Хрипели жаждущие голоса.

— Он вот-вот должен быть здесь!

Однако водовоза не было.

Даже охранники, запасливо обзаведшиеся бутылками с водой, с тревогой вглядывались за горизонт. Воду давно уже должны были привезти. Охрипшие от криков и истощенные от маршировки вдоль наших рядов, они притихли.

Теперь можно было хоть на миг разогнуть спины. Какое облегчение!

— Если скоро не привезут воды, я потеряю сознание. — Мария выглядела очень бледной.

— Только не упади в обморок. Тебя запинают ногами.

Солнце поднялось ещё выше.

Работая, я думала о Михае. У меня перед глазами стояла его маленькая фигурка, худая и плачущая. Коммунизм любит красть молодёжь, он может попытаться украсть и его. Кем они сделают его, люди, не знающие, что такое доброта?!

Сколько отчаянных материнских молитв было вознесено к Богу на этом канале!

К реальности меня возвратил крик конвоя. Женщина упала в обморок. Её начали пинать, заставляя встать. Когда женщину всё же подняли, её тело безжизненно повисло на руках одного из них, совсем, как рыбья туша.

Мария испугалась и начала бить мотыгой по засохшей земле ещё быстрее.

— Мария, смотри! Водовоз!

Очень далеко вниз по дороге двигалось темное пятно. Поле загудело сотнями жаждущих голосов.

— Заткнитесь! Продолжайте работать! — тут же закричали охранники.

Теперь стало видно, что грузовик тянет старая лошадь. Всё утро он простоял на солнце, и к тому времени, как он добрался до нас, вода была уже отнюдь не освежающей.

Мы боялись отвести от водовоза глаза, опасаясь, что это всего лишь мираж, который может раствориться в колеблющемся воздухе.

— Я бы сейчас выпила с десяток стаканов охлажденной воды со льдом, — мечтала Зинаида. — Съела бы отбивную из жирной свинины и гору фруктов: апельсинов, винограда...

— Прекрати!

Заключенные постоянно садились на корточки на краю дороги, прямо на глазах охранников. В лагере, полном мух, дизентерия была широко распространенным явлением. От неё страдали многие из нас. Наши конечности были тонкими, как палки, а кожа болезненно серая.

С самого утра мы ничего не ели и не пили. Теперь было уже за полдень, а мы всё ещё изнемогали от непосильного труда на этой печи-равнине. Наконец, наступил восьмой час.

Охранник пошёл по дороге в направлении к приближающемуся грузовику, но потом вдруг остановился и повернул назад.

— Это привезли еду! — разочарованно завопила Зинаида. Одни женщины начали сердито вздыхать, другие разгневанно кричать.

Криминальные заключённые, работающие возле дороги, побросали свои инструменты и начали протестовать.

Охранники, оказавшись перед ордой кричащих и угрожающих им женщин, взялись за оружие.

Одна очередь из автомата способна уложить десятки женщин. Перепуганная Мария уткнулась лицом в моё плечо.

Противостояние длилось минут десять. Женщины отказались продолжить работу.

— Воды! — скандировали они. — Мы хотим воды!

Рукоятки пистолетов начали впиваться в наши ребра. Нас согнали в одну группу с криминальными заключёнными и окружили со всех сторон. Толчки и удары прикладами, сомкнувшаяся цепь конвоя оттесняла разъяренную толпу. Я прижала Марию к себе.

К этому времени грузовик с едой прибыл на место. Перепуганный водитель, пялясь на наш мятежный рой, неправильно потянул за поводья, лошадь свернула, грузовик наехал на камень и на мгновение наклонился на бок. Охранники, крича, бросились спасать его. Лошадь стала на дыбы, и кастрюли полетели через борт. Свыше двадцати килограмм вареных макарон смешались с дорожной пылью.

Поднялся разъяренный вой. Вода, охрана, жара были тут же забыты. Еда, наша драгоценная еда теперь валялась на земле!

Женщины ринулись на оцепление, разорвали его и набросились на макароны. Они сгребали с земли липкие горсти и набивали ими рот, толкаясь и матерясь друг на друга. Все остальные с ужасом наблюдали за этим страшным зрелищем.

Жанетта начала смеяться. Ужасный гомерический смех сотрясал её худое тело.

— Завтрак подан! — хватая ртом воздух, воскликнула она и взялась руками за голову.

Охранники были довольны; опасность миновала. Через час раздался свист свистков и мы вернулись к работе.

Во второй половине дня прибыли два грузовика секуритате.

В тот день воду так и не привезли. Во время работы у меня темнело в глазах. Мой язык, казалось, не помещался во рту. Я вспомнила последние слова Иисуса на кресте: «Я жажду!» В аду нет воды.

Я вспомнила *пиццикато* из «Я жажду» в оратории Гайдна «*Семь последних слов на кресте*». Он хотел передать иллюзию распятого Христа, который, казалось, ощущал на губах капли дождя. Я завидовала даже такой иллюзии.

Наконец, с наступлением сумерек мы сформировали на пыльной дороге колонну и приготовились к возвращению в лагерь. В километре от ворот лагеря мы проходили мимо нескольких луж в болотистой ложбине. Одна за другой женщины падали на колени и пили мутную, застойную жидкость.

Возле луж сразу же появился охранник и запретил пить.

На следующий день в лагере началось расследование. В наказание за «бунт» мы заработали несколько дополнительных часов работы в воскресенье.

— Здесь вам не санаторий! — сказала комендант.

* * *

— Друзья, классовая борьба достигает своей кульминации! — кричала Паула, пытаясь привлечь наше внимание. — В Румынии осталось только два класса: оптимисты и пессимисты. Оптимисты

считают, что все румыны будут вывезены в Сибирь. Пессимисты же утверждают, что туда им придётся идти пешком!

Однако сейчас мало кому из нас было до смеха. На поле каждый день падали с ног женщины. Ночью в духоте барака они лежали полуголые на койках в полном изнеможении. Казалось, что мы едва успевали лечь, как тут же раздавался лязг стальных рельс, сигнализировавший побудку. Непрерывный ночной сон был для нас большой редкостью.

Однажды меня разбудила Паула, отчаянно тряся за руку:

— Диану избили! Давай быстро, ей очень плохо.

Девушка лежала в бессознательном состоянии, тяжело дыша, на голом полу. Из её носа текла кровь. На голове клочок вырванных волос. Распухшие губы. Мы расстегнули одежду и увидели, что всё её тело покрыто темными синяками.

— В какие игры вы играете, мучители! — голос Паулы дрожал.

Диана застонала и зашевелилась. Она открыла глаза и прошептала:

— Всё в порядке... Я не позволила им!

Мы дали Диане попить. Когда девушке стало немного легче, она рассказала, что две проститутки выманили её из барака, за дверью которого поджидали надзиратели. Ей было девятнадцать лет. Она была очень красива, и её скромность провоцировала их. Она не подчинилась. Её избили, бросили в ближайший барак и ушли.

Мы укрыли Диану двумя одеялами, потому что даже в душном бараке она дрожала. Паула и я просидели рядом с ней до самого рассвета, шёпотом разговаривая между собой.

— У неё очень умный взгляд. Она могла стать учительницей. — Паула всегда искала товарищей по духу. Сама она была сначала студенткой, а затем всю свою жизнь учительницей.

— Я мечтаю вновь проводить уроки, — часто говорила она. — Я представляю, как ряды любознательных лиц готовы ловить каждое моё слово. Я представляю, как захожу через парадный вход с колоннами и оказываюсь в мире школы, наполненном своими особенными звуками.

Паула писала рассказы, которые и привели её в Союз писателей. Именно в их рядах она маршем проходила 23 августа, во время демонстрации, посвященной празднованию Дня свободы. Она знала, что некоторые из известных писателей Румынии, как, например, поэт Михай Бенюк, создавали произведения, прославляющие коммунизм и

порочащие Запад. Агитпропаганда следила за тем, чтобы всё, что она писала, делало свой вклад в «продвижение социализма». Писатель должен был проводить прямую пропаганду или же писать на темы, совершенно отдаленные от современного мира.

Паула решила, что писать песнопения восхваления «великого гения» Сталина было глупо, хотя «все эти гимны, обращенные к Богу, не так уж и сильно отличались от них».

Я ответила:

— Разница между ними заключается в том, что одни восхваляют Создателя всех живых существ, а другие — больное существо, убившее миллионы людей.

Я поинтересовалась, за что она была арестована.

— Я сделала непредупредительное замечание по поводу фальсификаций в учебниках истории, которые переписывались в соответствии с директивами русских.

— Все музы в цепях...

— Да, но писателей обрабатывали с особой тщательностью. У нас были особые привилегии, высокие зарплаты, санатории, дома отдыха.

— Да, но высокая оплата, являющаяся высокой только для Румынии, — это просто страховка на случай того, что ваше творчество впадет в немилость власть имущих. Искусство и религия преследуются одинаково. Они могут выжить только в подполье...

Так мы проспорили всю ночь напролет. Во сне заключённые стонали и кривились от боли. Они бормотали или громко выкрикивали имена своих детей, отцов, любимых, друзей. Однако чаще всего сквозь сон звучало слово «мать». Во время сна возраст и классовая принадлежность не имела ни малейшего значения, а исстрадавшаяся душа выносила наружу из своих глубин один и тот же крик: зов самого родного в мире человека.

* * *

Меня поставили перед заместителем коменданта лагеря — женщиной с красным лицом, широкими плечами и большими красивыми зубами. Форма, казалось, сковывала её движения, как кольчуга.

— Ты проповедовала заключённым о Боге. Это должно прекратиться! — зловеще предупредила она.

Я ответила, что ничто не сможет воспрепятствовать этому. Разъяренная, она подняла кулак, чтобы ударить меня, а потом остановилась и уставилась на него.

— Чего ты улыбаешься? — закричала она, от ярости покрывшись красными пятнами.

Я сказала:

— Если я и улыбаюсь, то это из-за того, что вижу в ваших глазах.

— И что же это?

— Я вижу в них себя. Тот, кто приближается к другому человеку, может видеть в нем себя. Я также раньше была импульсивной. Раньше я тоже злилась и сжимала кулаки, пока не узнала, что на самом деле означает любить. То есть быть человеком, готовым принести себя в жертву ради истины. С тех пор мои руки не сжимаются в кулаки.

Её рука непроизвольно опустилась.

— Если вы посмотрите в мои глаза, вы увидите в них себя такой, какой Бог может сделать вас!

Казалось, она закаменела.

— Уходи,— лишь тихо прошипела она.

Часто я задавалась вопросом, не смотрел ли Пилат в глаза Иисуса и не видел ли в «Царе Иудейском», которого его собственная жена считала невиновным и праведным, правителя, каким он также мог стать? Два имени, дошедшие до нас из глубины веков, неразрывно связаны друг с другом: «Христос... пострадал во времена правления Понтия Пилата», — говорят христиане во всем мире.

Я продолжала свидетельствовать о Христе заключённым. Заместитель коменданта больше не вмешивалась.

* * *

Во время работы на поле Мария разными способами пыталась приблизиться ко мне, меняясь местами с соседями. Однажды её почти поймали. Однако всё обошлось, и теперь она была рядом со мной, предлагая свою помощь и поддержку.

Охранники заметили, как мы шепчемся.

— Не болтать! Работать! — немедля прозвучало где-то сзади.

Мы энергично били мотыгами по земле. В то утро я очень плохо чувствовала себя. Головокружения заставляли меня часто останавливаться, и каждый раз, когда я осмеливалась выпрямить спину, охранники кричали:

Казалось, время застыло на месте. Вся наша жизнь была беспросветным рабством, а канал был нашим миром.

— Ты, сегодня в карцер!

У меня в глазах темнело. Голос Марии, казалось, доносился с большого расстояния. Она болтала, не переставая, пытаясь заставить меня забыть о плохом самочувствии.

Я удосужилась продержаться на ногах до полудня. Я выпила чашку водянистого супа и сгрызла корку хлеба. Но во второй половине дня мои ноги всё же подкосились.

Горячее солнце закружило по небу. Потом где-то вверху, над собой, я увидела лицо Марии. Её губы двигались, но крика не было слышно, как будто она кричит из глубины колодца.

Охранники поставили меня на ноги. В горло насильно полилась вода. Я чуть было не захлебнулась.

— Всё с ней в порядке.

Оставив меня, они набросились на Марию:

— Ты чего стоишь, уши развесила. Быстро за работу!

Потом они ушли прочь, и из-за дрожащего воздуха казалось, что они подпрыгивают.

— Как вы меня напугали! — прошептала Мария.

Я напугала и саму себя. В обмороке есть что-то особенно пугающее для верующего. Вы приходите в себя и понимаете, что находились в бессознательном состоянии. Это заставляет вас сомневаться в существовании души как отдельной субстанции — мысль более пугающая, чем мысль о смерти. Только со временем я смогла убедить себя, что он — не более, чем сон без сновидений. Почему душа всегда должна

быть самосознательной, всегда должна говорить себе: «Я есть»? Какое жалкое существование, если нужно постоянно повторять себе, что вы существуете.

Мы вернулись к работе, прополке плотно укоренившихся сорняков. Безжалостное солнце истощило все наши силы. Я едва могла держать мотыгу.

Во второй половине дня на горизонте взгромоздились грозовые тучи. Когда в конце работы зазвучал сигнал свистка, небо уже было низким и тяжёлым. В течение нескольких недель не было дождя, и все мы очень жаждали его.

Мы работали вдали от лагеря, а потрёпанные грузовики ждали нас на дороге, чтобы отвезти после окончания работы. Когда мы набились в переполненный кузов так, что в нем не было где сесть, — всё же радостные, что не придётся идти пешком, — ударила вспышка молнии и первые теплые капли опустились на наши лица.

Потом дождь усилился. Он стеной двигался по равнине. Через несколько секунд все мы промокли.

— Чудесная, чудесная вода! — плакала от счастья Мария. А чудесная вода продолжала литься, словно из гигантской ванны. По небу прокатился раскат грома. Вспышка молнии заставила женщин вскрикнуть.

Грузовик занесло, и он остановился. Его задние колеса погрузились глубоко в жидкую грязь.

— Все на землю! Быстро!

Охранники собрались, чтобы посоветоваться.

— Собирайте дрова, — приказали они. Но вокруг не было ни единого дерева.

Под проливным ливнем, по колена в воде, мы, женщины, начали толкать грузовик. Мужчины наблюдали со стороны.

Колёса завращались, обливая нас жидкой грязью. Однако грузовик не сдвинулся с места. В течение часа мы работали впустую, пока сержант не приказал нам возвращаться обратно в лагерь пешком. Сапоги хлюпали, одежда прилипла к телу, а мы брели под дождём. Охранники безжалостно били женщин, которые спотыкались.

Наконец оборванная колонна серых призраков добралась до ворот. «Докладываю: возвращаю с работ шестьдесят два преступника, товарищ командир», — отрапортовал сержант.

Мокрые «бандиты» изо всех сил ринулись к своим баракам. Некоторые из них были сразу же отправлены на работу на кухне. Остальные пытались высушить свою одежду и уснуть.

Как странен человеческий разум!.. Перед тем как уснуть, мне пришла в голову шутка, однажды рассказанная Ричардом. Мужик решил, что бесполезно жаловаться, поэтому лучше радоваться всему, что бы ни произошло. Как раз в этот момент от его телеги отвалилось колесо. «Ничего, — сказал он. — В экипаже только два колеса. А у меня — три. Я богат!» Затем отпало второе колесо. «Зачем беспокоиться, — сказал он. — Тачка имеет только одно колесо. У меня — целых два!». Отвалилось третье колесо. «Ну, в санях вообще нет колес, а как хорошо они ездят», — сказал он себе. Потом он потерял последнее колесо. «Я всегда хотел ездить на санях» — радостно воскликнул он.

Казалось, время застыло на месте. Вся наша жизнь была беспросветным рабством, а канал был нашим миром. Безысходность истощила нас и заставила смириться со своей участью. Даже новости извне неизменно оставались одними и теми же. Голод, очереди и угнетения. И вечное: «Американцы идут, они не дадут нам остаться рабами!»

Я уснула, улыбаясь. Уныние означало падение темпов работы. В попытках поднять их, с нами были сыграны странные трюки. Однажды нас выстроили, вывели из шеренги двадцать женщин и сказали: «Вы трудились наиболее самоотверженно и теперь подлежите освобождению». С речью выступил комендант. «Настало время прощания. Спасибо, товарищи. Вместе мы боролись за построение коммунизма, и теперь настало время собирать плоды нашего совместного труда! Теперь вы свободны! В качестве прощального подарка каждый из вас получит дополнительную буханку хлеба!»

Двадцать героинь выглядывали из задней части грузовика, размахивая красными флагами, и пели «Интернационал». Опять обман. Через десять километров вниз по дороге на канал, в близлежащей трудовой колонии, их выгрузили и сразу же отправили на работу.

Влияние этого случая на выполнение норм работы в лагере К4 было немыслимо. Однако этот трюк проделывали и в других лагерях, и вскоре нам стало об этом известно.

Глава 14
Поезд

Однажды утром, сразу же после побудки, в барак ворвались надзиратели.

— Все должны быть готовы к передислокации в течение часа!

Дело было не в двух-трех отрядах. На ноги был поднят весь лагерь. Сотни женщин собирали свои узелки, метались, как курицы, прощались с друзьями, которых могли никогда больше не увидеть снова. Надзиратели ещё больше усугубляли напряженность своей нервозностью. О переезде они знали не больше, чем мы.

— Американцы пробили железный занавес!

— Русские заняли Западный Берлин!

— Нас везут на расстрел!

Со всех сторон звучали самые противоречивые предположения.

— Кому сапоги?! — кричала Зинаида звонким голосом. Это была наша первая раздача обуви. Сапоги выбрасывали из телеги главные по бараку, не обращая внимания на размер. На меня упала пара на три размера больше, чем нужно.

Когда раздача обуви была закончена, а сумки и узелки собраны, женщины выстроились в кривые ряды, и началось молчаливое ожидание. Чего мы ждали? Никто не знал. Куда нас везут? Каждый делал свои собственные предположения. Тюремная жизнь — это одно долгое ожидание, и на этот раз нам пришлось ждать до самих сумерек, прежде чем нас загрузили в грузовики и привезли на сортировочную станцию.

В К4 не было бунтов. Тупики, куда для нас загнали товарные вагоны, были безлюдными, если не считать нескольких железнодорожников. Они уже видели всё это раньше. Состав состоял из товарных вагонов и череды длинных чёрных тюремных вагонов. Каждый из них был прочным, с тяжёлой скользящей дверью и несколькими маленькими окнами, покрытыми металлическими решетками, почти под самым потолком. По внешнему виду они напоминали багажные вагоны.

— Все по вагонам! Быстро! — было видно, что конвоиры, сопровождавшие нас, специализируются на этой работе. Грязные, неряшливые, подвыпившие мужчины начали заталкивать нас в вагоны. Всё это заняло немало времени. Каждый вагон был набит до отказа, в нем можно было только стоять.

— Мы здесь не выдержим!

— Боже мой, мы же задохнёмся!

Но в вагон продолжали заталкивать всё больше и больше женщин, пока в вагоне, предназначенном для сорока человек, нас не оказалось восемьдесят четыре. Большая раздвижная дверь, наконец, захлопнулась, и мы услышали грохот запирающегося засова. Когда поезд отправился от платформы, колеса застучали и нас начало бросать друг на друга.

В нашем вагоне было оборудовано несколько скамеек. В первой из них, как оказалось, скрывался «туалет» — без воды, конечно же, и без бумаги, однако никто из нас и не думал жаловаться на это. Он был даже с крышкой!

Одни женщины пытались обустроиться на ночь, другие ссорились, третьи плакали, сами не зная почему. Барак со сквозняками в лагере К4 стал нам домом, а теперь впереди нас ожидала только неизвестность. Сплетницы предсказывали наш массовый расстрел. Они говорили, что нас расстреляют из автоматов и бросят в ямы, которые мы сами выроем. На это им отвечали, что так нам всем будет лучше. Но нет, женщина из Плоешти с видом знатока заверяла, что нас везут в Генчу, транзитный лагерь, для досрочного освобождения. Она слышала, что приспешники Анны Паукер отстранены от власти и в настоящее время пересматривается линия политики партии.

Вагон лишь гудел в догадках. Неплохо было бы, если бы противная Анка вкусила хоть немного своего собственного яда! Невзирая на то, что в действительности в это предположение мало кто верил, все заметно повеселели.

Кто-то пошутил: «Вы знаете, в чем разница между зеброй и коммунистами? У зебры линии находятся на самом животном, а в партии животные должны уметь вписаться в линию её политики».

В вагоне было трудно найти место, чтобы сесть, невозможно было даже потянуться. Мы дремали прерывисто, просыпаясь от скрипа

тормозов. Вдруг объявили очередную загадочную остановку. За пределами узкого вагона зияла непроглядная темнота.

Постепенно в свете утренней зари начал вырисовываться осенний пейзаж. В поле мирно паслись коровы. От одного вида этих животных, после бескрайних пустырей равнины Бэрэган, в нас затеплилась надежда на прежнюю жизнь; и от вида деревьев — безлистных уже, но простирающих свои черные ветви к небу, как будто в мольбе. Потом мы увидели крестьян, свободных мужчин и женщин, раскидывающих навоз по тёмной земле. Три маленькие девочки махали и махали, совершенно не догадываясь о том, что своим видом заставили почти сто женщин плакать навзрыд.

Поезд пыхтел и летел по Румынии, всё время на север. Через час он остановился на перекрёстке. Мы услышали грохот открывающейся двери и дребезжание решеток. Некоторые из охранников стояли с ведрами воды, остальные — с автоматами.

Угрюмая крестьянская молодёжь в погонах, привыкшая поить «скот», знала, что им не положено отвечать на мольбы о хлебе. Кроме того, у них не было хлеба, чтобы бросить заключённым.

Когда поезд двинулся дальше, снова начали распространяться домыслы. Цыгане, как всегда, болтали между собой на непонятном остальным говоре. Крестьянки уже приступили к обмену воспоминаниями и сетованию об утерянном скоте и детях.

В вагоне лишь немногие были знакомы между собой. Из всех присутствующих я знала только Хелену Колиу — девушку, всё ещё верящую в идею коммунизма, несмотря на причиненные ей коммунистами страдания; Анни Станеску — невысокую жизнерадостную проститутку; и Марию Тилеи. Среди нас не было ни Зинаиды, ни Клары Штраус, ни бабушки Апостол, ни Корнелии Маринеску. Я даже не знала, были ли они вообще в поезде.

Любители политики рядом со мной обсуждали выборы в США. Мы знали, что они состоятся зимой. Трумэн отслужил свои четыре года, а Эйзенхауэр, который на протяжении длительного времени был верховным главнокомандующим НАТО в Европе, обязательно должен был спасти всех нас.

«Конечно же, будет избран именно он, — кричала хорошо информированная дама из Плоешти. — Как мне известно, он собирается

просить о предоставлении ему особенных президентских полномочий для освобождения плененных в странах Восточной Европы».

Вот это сенсация! А поскольку эта женщина только месяц назад была в транзитном лагере в Генче, её слушатели, так нуждающиеся хоть в каком-нибудь лучике надежды, верили ей больше, чем собственному разуму.

Я хотела сказать, что в конце войны этот самый Эйзенхауэр вернул сотни тысяч людей, бежавших от коммунизма, «дядюшке Джо», как Рузвельт называл Сталина. Некоторые из них покончили с собой, некоторые были повешены, остальные же исчезли в сибирских лагерях. Но я промолчала. Зачем разбивать иллюзии, в которых люди нуждались так же, как жаждущий нуждается в воде?

Как медленно поезд полз через болотистую сельскую местность! Иногда он ревел и грохотал. Иногда останавливался, а потом снова трогал. Иногда в течение долгих часов он стоял у безымянных переездов. Женщины по очереди толпились у маленьких окон, наслаждаясь видами хуторов, полей, тлеющих костров пастухов и вкушая прохладу первого мороза в осеннем воздухе.

Волнение от того, что мы находимся в пути, потихоньку рассеялось, страх быть задушенным в этом раскачивающемся и резко тормозящем вагоне превратился в дискомфорт, а со временем, с таким огромным количеством больных женщин, — в мучение. Несмотря на многочисленные сквозняки, в вагоне витали вонь и духота.

Здесь было много женщин, чьи профессии были связаны с литературой: писательницы, журналистки, поэтессы, бывшие сотрудницы издательств и другие. Тощая, изнеможённая темноволосая Марина Капояну, когда-то преподававшая английскую и французскую литературу в Клуже, проявила удивительный дар повествователя, пересказывая богатые событиями сюжете классических романов, которые раньше она вдалбливала в головы не желающих учиться студентов. В наиболее драматические моменты её сильный, способный достигнуть задних парт голос рассыпался проклятиями Билла Сайкса, вызванными страстными криками Нэнси или мадам Бовари: «Леон! Леон! До четверга, до четверга!» Одной из самых популярных её историй был мелодраматический «Портрет Дориана Грея». Роман Уайльда о преступлении и наказании, пересказываемый в тот вечер на протяжении более трёх часов, пока мы стояли, застряв

на беззвучном и пустынном запасном пути, имел чрезвычайный успех. Во время сцены убийства она несколько раз ударила кулаком по ладони своей руки, имитируя удар за ударом, наносимые Дорианом Греем. Аудитория зааплодировала. (Оскар Уайльд жаловался на условия содержания в тюрьмах своего времени. Если бы он видел этих женщин, путешествующих, как крупный рогатый скот, что бы он сказал?)

«Разве не замечательно иметь образование! — поражались и удивлялись крестьяне. — Как можно рассказать всё это без книги!» Интеллигенция была впечатлена не менее, однако теперь она начала обвинять бедного Оскара в легкомыслии и снобизме. Жанетта ответила, что Уайльд вложил в книгу аллегорический смысл глубокой религиозности. В «Дориане Грее» автор представляет Христа, создающего Свой образ в сердце каждого человека. Когда же невинность Дориана развращается, образ Христа становится в его глазах всё более и более искаженным, до тех пор, пока Дориан уже не может спокойно смотреть на него. Он прячет его подальше, как это делают многие люди. Затем в один прекрасный день в дверь Дориана стучит художник и просит показать ему этот образ. Но Дориан не может этого допустить. Ведь именно он виновен в его искажении. Таким образом, многие люди поступают так, как поступил Дориан Грей: он убил художника. Христос убит. И в этот миг поступок Дориана убивает смысл его собственной жизни

Это — аллегория богоубийства, величайшего из преступлений, которое в конце концов приносит также прощение грехов и обновление. Кровь, пролитая на Голгофе, дарует спасение даже убийцам Христа. Символизм образа художника, героя Уайльда, хорошо просматривается здесь: он знал, что смерть станет его чашей, если он попросит посмотреть картину; однако он всё равно пришел. Жертва художника восстанавливает картину Дориана Грея в её первозданной красоте.

Теперь поражённой казалась Марина. «Совершенно неправдоподобно! — воскликнула она. — Это действительно непроизвольный портрет собственной психологии Уайльда. *Он* был этим толстым, отвратительным, искаженным портретом, а Дориан Грей представлял его отрочество, которого он так жаждал, что был готов убить своего гения в лице художника, лишь бы вернуть ему первозданный вид. Что, конечно же, позже он и сделал».

Другие охотно интерпретировали книгу с точки зрения классовой борьбы (между бедными, выброшенными на обочину жизни низами и свергнутыми ими богатыми кровопийцами). «Это явно была притча, — сказала госпожа Капоняну, — неоднозначная и многогранная, как и всё хорошее искусство. Только не очень *английская*; скорее даже русская, в некотором роде». Таким образом, восемьдесят женщин, катившие в поезде по всей Румынии, на некоторое время забыли о своих собственных горестях и развлекались творчеством Оскара Уайльда.

На одной остановке распахнулись двери, и в вагон был брошен мешок с пищей. Свежеиспечённые буханки черного хлеба пахли неописуемо вкусно. Их нужно было тщательно распределить между всеми заключёнными. Мы вмиг проглотили все их. В любой момент мы могли приехать. Пища, оставленная на потом, — потерянная пища — гласило одно из главных правил тюремной жизни. На мгновение бедные женщины забыли о том, как сильно натёрта их кожа о дерево вагона, и какая невыносимая боль терзала тело каждой из них.

В течение последующих двух дней вагоны гремели дальше, то останавливаясь, то опять отправляясь. На третий день, хотя остановки и стали более длительными, нам не дали ни воды, ни хлеба и до позднего вечера не открывали двери. Всегда взъерошенный сержант в тот день так и не появился. Он был в запое. В том, что во всем виновата была цуйка — липкий румынский сливовый бренди — не сомневался никто. Мы слышали, как скрепят по щебенке его сапоги и в щели стен вагона видели, как он, покачиваясь, ходит взад-вперед, наблюдая за тем, как в вагоны, наконец, начинают бросать мешки с хлебом.

— Вам, женщины, сегодня очень повезло, — наше молчание удивило сержанта. — Каждая к хлебу получит ещё и ложку варенья!

Надеясь на то, что цуйка, возможно, вызовет дальнейшее снисхождение, Мария спросила:

— Сколько нам ещё ехать, старшина?

Безмерно польщенный, сержант ответил:

— Ещё один день.

— А куда же мы направляемся?

Он икнул и захохотал:

— На расстрел, конечно же!

Раздвижные двери захлопнулись, а в вагоне разразился шумный спор. Те, кто в силах были удержаться от рыдания, стали задавать друг другу вопрос: а может, это правда? Он был пьян. Именно поэтому ему и можно было поверить! Рыдая, еврейские женщины стали обнимать друг друга и обмениваться прощальными поцелуями. Им удалось избежать нацистских лагерей, а теперь это!

Поезд шёл дальше, но до боли медленно. Через час он остановился. Потом снова двинулся дальше.

Госпожа Капоняну, витавшая в раздумьях рядом со мной, вдруг спросила:

— Сабина, неужели мы все — жертвы одного сумасшедшего? Что всё это значит? Говорят, что он сидит за запертыми стальными дверями, испуганный, и издает приказы о всё большем и большем количестве смертей. И когда к нему приходят иностранные послы, он никогда не говорит с ними, а рисует и рисует красным карандашом на клочке бумаги. Одно и то же — женщин в позах пыток.

Она конвульсивно вздрогнула.

— И все они говорят о нём так, как если бы он был богом: «Гений Сталин!», «Отец Сталин!»

Я ответила:

— Люди не впервые становятся жертвами диктатора, который пытается сесть на престол Божий. Он обвиняет Бога и пытается занять его место. Когда я думаю о Сталине, я всегда вспоминаю фараона. Рабский труд, погромы, террор — и всё это снова и снова. Человек пытался занять место Бога. Вам известно о том, что фараон приказал бросить в Нил всех еврейских младенцев мужского пола. А сам фараон в своём дворце воспитал как собственного сына одного из них, человека, которому Бог поручил исполнить Свой план и освободить израильский народ. Во втором Псалме сказано, что иногда Бог смеётся.

Боже, неужели нас всех действительно расстреляют?!

(Через много лет я снова услышала Божий смех: дочь Сталина обратилась к Нему в одной из подпольных церквей в России!)

— К счастью, он не может жить вечно, — сказала госпожа Кароняну. — Но что же делает человека таким исчадием ада?!

— Часто обстоятельства, — ответила я. — Они не предопределяют всё, но обусловливают многое. Он был незаконнорождённым сыном сотрудника полиции, в доме которого была вынуждена служить его мать, когда она забеременела будущим Сталиным. Его отцом по закону был пьяница, который знал, что мальчик не его, и поэтому бил его немилосердно. Потом Сталин поступил в духовную семинарию, где к семинаристам относились больше как к заключённым, чем как к студентам. Отягчающим обстоятельством в то время, когда русские закрыли и угнетали грузинскую православную церковь, была и его национальность. Таким образом, Сталин стал революционером. Теперь мы видим, как становятся такими революционерами.

Это была ночь страха. На каждой остановке мы опасались, что скрип сапог прекратится, откроются двери и женщин поведут на смерть. В течение многих часов мы, заключённые христиане, пытались успокоить и утешить остальных. Однако ничего не произошло ни в тот день, ни на следующий. На закате вдали мы заметили тронутые золотом вершины гор. С наступлением темноты от истощения и страданий женщины вновь погрузились в ступор.

На выход! Все *на выход*!

Двери раздвинулись, чтобы явить измученным женщинам ночь, черную, как смола. На месте нашей остановки не было ни станции, ни даже перрона. Боже, неужели нас всех действительно расстреляют?! Отовсюду доносились плач, крики и ругань — это женщины выпрыгивали и выпадали из вагонов на пересыпанные щебнем шпалы. В вагонах отсутствовали ступеньки, и я очень больно упала на колени. Тем, кто уже не мог сойти сам, помогали другие, но не охранники. Они стояли, размахивая автоматами и крича, как лунатики, на и без того перепуганных заключённых. Вероятно, им пришлось долго ждать в холоде и грязи, поэтому они и пребывали в таком плохом настроении. Но нам они были похожи на чертей из ада.

Женщин били по лицу, пинали, толкали прикладами в то время, как мы не имели ни малейшего представления о том, что нам следовало делать.

— Выстроиться в шеренгу, выстроиться в шеренгу! Никому не отходить от сержанта!

Но выстраиваться было совершенно негде. Женщины падали и летели вниз по скользкой насыпи прямо в колючую проволоку. Один молодой охранник подумал, что заключённые пытаются бежать, и набросился на них с кулаками. Мощный удар сразил госпожу Капояну, и она, как мешок с песком, свалилась на соседок.

Через примерно час полного замешательства несколько сотен из нас были согнаны в поле, рядом с железнодорожными путями.

— Всем лечь на землю! Лечь на животы! Всем лечь!

Мы были вынуждены лечь в грязь лицом вниз. Охранники окружили нас тесным кольцом.

— О Боже, о Боже, сейчас они расстреляют нас! — снова и снова в ужасе повторяла женщина, лежащая рядом со мной. — Не делайте этого, не делайте этого! Я больше никогда не буду жаловаться.

Она непрестанно тараторила свои мольбы и молитвы. Я думаю, как, впрочем, и все мы.

— На дорогу! Преступники, вы что, все глухие?!

Мы шли очень быстро в темноте, подгоняемые руганью и ударами. Едва волоча свои кандалы. Скольжение, падение. От боли перехватывало дыхание. После четырёх дней малоподвижного образа жизни и сидения на жестком полу идти было крайне сложно.

— Стоять! Всем сойти на обочину! Лежать!

Мы снова попадали на животы. Половина колонны отстала, и нам пришлось ждать её, лежа на поле в холодной грязи.

Как долго мы шли — неизвестно. Казалось, прошло много часов, прежде чем мы увидели высокие стены новой тюрьмы — длинные отрезки бледных заборов, освещённых ярким светом электрических ламп. тяжёлые стальные ворота открылись, и мы вошли в них неровными шеренгами по пять человек.

Во дворе распространилась новость: мы были в Тиргусоре.

Новое название, новые надзиратели. Старые ругательства. Та же процедура. Началась сверка имен и номеров. Было уже далеко за полночь, когда мы, наконец, попали в свои камеры.

— Почему сюда? Почему в Тиргусор? — недоумевали заключённые. Это была тюрьма особо строгого режима, где отбывали наказание

убийцы, осужденные за насильственные преступления. Название этой тюрьмы было известно всей Румынии. Что же происходит? Что это может означать?

— То, что все другие тюрьмы переполнены, — попыталась успокоить нас госпожа Капояну. Однако её слова никого не утешили.

Глава 15
Тиргусор

В Тиргусоре я была назначена на работы в швейную мастерскую. Женщины здесь работали круглосуточно по двенадцатичасовым сменам, сидя на твердых скамейках в огромной комнате с высокими потолками и зарешеченными окнами.

Швейные машины, на которых мы работали, появились здесь из прошлого века и ломались, по крайней мере, раз в день. Вскоре я перестала разделять гордость Ричарда за Зингера — еврея, который изобрел швейные машины.

Мы прошивали толстой нитью тюремные матрацы. Тяжёлый материал необходимо было постоянно переворачивать, в то время как ногами нужно было крутить педали швейной машинки.

Во время ночной смены женщины регулярно засыпали над своими машинами. (Днем в тюрьме спать не давали.) Поэтому надзиратели патрулировали между рядами, награждая уснувших пощёчинами и пинками. Немало из нас задавалось вопросом, не лучше ли была жизнь на канале. В Тиргусоре содержались наиболее закоренелые преступники страны. Убийцы, сексуальные насильники, мошенники, садисты — многие из них явно безумные.

За машинкой рядом со мной сидела истеричка. Парой ножниц она зарезала на смерть врача. Несколько раз в день она заимствовала ножницы, которыми пользовались все на нашей скамейке, и, казалось, не замечала нервных взглядов соседок, направленных на неё в минуты, когда она брала их в руки. Часто она начинала разглядывать ножницы, прежде чем вернуть их на место.

Бедная сумасшедшая Анна жила в мире своих фантазий. Она верила, что имела интимные отношения с врачом, которого убила. Теперь она писала себе, иглой по мылу, письма от воображаемых любовников. Они были многочисленными, и каждый имел свой особенный характер. Пётр был высокопарным. Иоанн — чувственным.

Генри был домашним. Письма от всех их зачитывались вслух испуганным сокамерницам.

У Анны часто случались приступы истерического плача, однако на протяжении большей части дня она счастливо витала в своём иллюзорном мире. Для неё было безразлично: в тюрьме она или на свободе.

Сколько слёзных сцен встреч пришлось мне увидеть в тюрьмах, когда дверь камеры распахивалась и туда вталкивали чью-либо мать, родную или двоюродную сестру. Каждая из них думала, что другая на свободе и приглядывает за детьми. Когда же надежда исчезла, на их горе страшно было смотреть.

Иногда нам приходилось становиться свидетелями и очень странных встреч. Однажды утром вновь прибывшая заключённая представилась: «Я — госпожа Корнилеску из Клужа».

Однако, даже при такой неслыханной ненависти, примирение было возможно.

Какое совпадение! У нас уже была одна госпожа Корнилеску из Клужа. С нар высунулись любопытные головы, чтобы понаблюдать за тем, что произойдет дальше. Как оказалось, мужей обеих Корнилеску звали одинаково — Эмиль, и оба они были бывшими членами «Железной гвардии». Первая госпожа Корнилеску рассказала, что её муж Эмиль был высоким и темноволосым, очаровательным человеком и хорошо воспитанным. В этот миг вторая госпожа Корнилеску побледнела. Её Эмиль также был высоким и темноволосым, с прекрасными манерами.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказала моя соседка, — но в 3-й камере, я знаю, есть ещё одна госпожа Корнилеску, уже третья. И её муж также подходит под это описание!

Ни одну из жён Корнилеску нельзя было назвать красивой. Одна из них была низкого роста с хитрым взглядом и коричневыми зубами, другая же долговязая и худощавая с тонкими, как палки, ногами. Обе они были рады любому предложению замужества.

Между женами Эмиля вспыхнул яростный конфликт. Первая госпожа Корнилеску ударила соперницу по лицу. Вторая вцепилась первой в волосы. Надзиратели бросились их разнимать.

— Дорогая, это ведь давняя история, — попыталась успокоить одну из них моя соседка. — Этот человек пребывал в бегах от тайной полиции, как и все в старой доброй «Железной гвардии». У него не было ни дома, ни документов, ни денег. Он жил за счет разных женщин, одна вслед другой, женясь на них или обещая замужество. А потом его жён арестовали, и они встретились в тюрьме. В своё время я видела ещё не такие встречи.

Встречи между родственниками так часто происходили потому, что за помощь беглецам в горах арестовывали целые семьи. Руководитель сопротивления, полковник Арсенеску, был популярной фигурой в Румынии, и сотни людей были арестованы за помощь ему и его людям. Жена Арсенеску также была в тюрьме. В попытке сломать дух мужественной женщины через стукачей ей сообщили ложь о том, что её муж расстрелян.

Мы слышали, что генерал Эйзенхауэр был избран президентом США, а затем что некоторые коммунистические лидеры были свергнуты и исключены из партии. Неужели это — начало либерализации?

— Какую власть имеют эти марионетки? — вздохнула Сильвия, журналист. — Всё контролирует Россия, и ничего не изменится, пока не уйдет Сталин.

По всей Румынии начал распространяться слух: правительство собирается отказаться от строительства канала. Большие трудовые колонии подлежат закрытию. Основной план строительства канала забракован.

Слух стал фактом. Очевидец из лагеря К4 засвидетельствовал о том, что лагерь закрывали. Многих офицеров арестовали, а инженерам канала предстояло предстать перед судом за «расхищение государственных средств»

В каждом уме пульсировала мысль: какая им будет польза от этих десятков тысяч заключённых? Возможно, теперь нас освободят?

В нашу камеру была помещена молодая женщина из министерства Анны Паукер. Она донимала всех своими горькими тирадами. Мы были преступниками, а она страдала невинно. Дженни Сильвестру не могла поверить в то, что произошло.

— Я стала жертвой несправедливости! — несколько раз в день восклицала она.

— В несправедливости можно обвинить только коммунизм, — парировала госпожа Илиеску, жена офицера «Железной гвардии».

— Таких, как ты, партия должна расстреливать. К тебе относятся слишком мягко!

— Моя дорогая девочка, я сидела в тюрьме во времена Антонеску и была освобождена за несколько месяцев до того, как коммунисты посадили меня обратно. Теперь истекает шестой год моего заключения. Твои угрозы ничего для меня не значат.

Госпожа Илиеску была такой же любительницей затевать ссоры, как и Дженни. Её презрение к коммунистам было безгранично.

— Мы должны показать наше превосходство над этими подонками, перевыполняя их жалкие нормы. При коммунизме или нет, но то, что мы делаем, принесет пользу Отечеству!

Госпожа Илиеску работала в поте лица и трудилась так, что нормы были подняты и всем остальным. Это было глупо и возмутительно. Тем не менее трудно было не уважать её. Она так страдала и имела такое мужество! Одной из её часто повторяемых историй была история о женщине-следователе, имевшей садистский вкус к пыткам заключённых-мужчин. После первой же партийной чистки она оказалась в Джилаве.

— Там на неё напали женщины, чьи мужья и сыновья пострадали от её рук, — рассказывала госпожа Илиеску. — Они набросили ей на голову одеяло и избили до кровавых синяков.

Однако, даже при такой неслыханной ненависти, примирение было возможно. Слово Божье имеет огромную силу. Однажды, когда сокамерницы попросили меня провести молитву, я отказалась, поскольку в камере присутствовали женщины, которые не хотели примириться друг с другом. Я процитировала Евангелие от Матфея, 5:23-24: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой».

Эти слова убедили многих мужчин и женщин положить конец долгим и ожесточенным ссорам. Их жизнь изменилась. Как сказано в апокрифах: «Вы никогда не станете счастливым, пока не посмотрите на своего брата с любовью».

По всему Тиргусору царила атмосфера сильнейшего страха и подозрительности. Мы не пользовались цепью передачи информации с помощью азбуки Морзе, поскольку коммунисты пытались использовать такие вещи в своих собственных целях. В каждой камере шпионили стукачи, докладывая, какую информацию мы передавали, а также выстукивали ложные сообщения для нас. Ответы, полученные от ничего не подозревающих вновь прибывших, были использованы во время допросов против других заключённых.

Коммунисты, находящиеся в тюрьме, были уверены, что их расстреляют. Они сами были безжалостными, поэтому знали, что ждать пощады нечего.

В то же время смертной казни подвергались и наиболее любящие и вызывающие любовь окружающих люди.

Дочь высокопоставленного коммунистического чиновника, христианка, однажды вечером узнала о том, что в полночь её расстреляют. Расстрелы были частыми, а смертные приговоры выносились по ничтожным предлогам, а зачастую просто из-за мести.

Эта девушка, прежде чем встретиться с «полночной невестой» — как называли ночной расстрел, провела последний ужин, состоявший из овсяной каши и воды со своими сокамерницами. Она спокойно подняла глиняную тарелку, в которую была положена пища.

— Скоро я снова стану прахом, — сказала она. — Может, я стану глиной, такой, как та, из которой сделан этот сосуд. Кто знает, чем эта глина была раньше? Возможно, телом красивого молодого человека. Вскоре из моего тела также будет расти трава. Но есть что-то, что гораздо важнее смерти, то, для чего мы живем на земле: во время нашей земной жизни мы обязаны примирить наши души с Царем.

Когда девушку выводили из камеры, она возвысила свой голос в чтении «Символа веры», который эхом разносился под сводчатыми потолками от стены к стене. Слова, провозглашаемые ею, были те же, которые мы регулярно произносим в церкви. Однако это был иной «Символ веры», потому что она отдавала жизнь за каждое его слово. Она пошла на смерть во имя Бога и была принята в жизнь вечную.

* * *

Проходили недели. Два раза в день в Тиргусоре проводили сверку заключённых. Однако мало кто из надзирателей умел считать. Ещё меньше могли прибавить число стоящих в передних рядах к числу стоящих в задних. Всё это занимало несколько часов. Потом начинали инспектировать камеры. Решётки проверяли, ударяя по ним деревянными дубинками. Стоять во дворе было очень холодно. Каждое утро мы имели обыкновение молиться, чтобы произошло как можно меньше ошибок и нас быстрее пересчитали.

Однажды сверка прошла с удивительной скоростью. А за ней сразу же последовал зловещий приказ: «Собрать все личные вещи!»

Нас снова куда-то везли.

Глава 16
Свиноферма

В открытых грузовиках мы ехали к колхозу «Ферма Рози». Как только нас выгрузили, мы сразу же приступили к работе на полях. Мы должны были покрывать виноградную лозу землей, чтобы защитить её от холода. Земля, однако, была уже как железо, и бедные растения давно примерзли к ней. Эта работа проводилась слишком поздно. В следующем году на этом винограднике не будет винограда, но, казалось, это никого не заботило. А охране тем более всё было безразлично. Перед ними стояло задание: выполнить эту бесполезную работу и доложить о её завершении начальству.

Этот виноградник был одним из самых известных в Румынии. Его владелец находился в тюрьме. Однако жертвами насильственной коллективизации становились отнюдь не только крупные землевладельцы. Мелкие фермеры и крестьяне страдали не менее. Все их попытки противостоять системе безжалостно подавлялись в корне, и они становились угрюмыми и безразличными. Они научились работать как можно меньше, поскольку работали не на себя, поэтому за «невыполнение обязательств перед государством» их тысячами заключали в тюрьмы. Земля оставалась необработанной. Бывшая «житница Европы» оказалась на грани голода. Выход из сложившейся ситуации государство усмотрело в том, чтобы отправить в колхозы в качестве рабов заключённых.

То же самое происходило повсюду: поля возделывались настолько плохо, что на них мало что росло. Надзиратели, приставленные к нам, часто сами были крестьянами. Один из них рассказал, как ему было приказано застрелить первого человека, который встретится ему в деревне, после чего собрать всех жителей и пригласить их вступить в колхоз по доброй воле.

В домах нежелающих фермеров производились обыски, во время которых всегда обнаруживалось, что они «прячут оружие», которое на самом деле подбрасывала милиция.

Жены фермеров рассказывали о том, как в процессе коллективизации у них отбирали всё, чем они владели: скот, повозки, сельскохозяйственные орудия труда.

Госпожа Мануила, ширококостная крестьянка, работавшая рядом со мной, рассказала: «Когда у нас забрали всё, мой муж сказал: «У нас остался сборник гимнов. Воспоем же Господу и поблагодарим Его за всё, что мы имеем на небесах!»

У госпожи Мануилы была любимая корова. Она всегда рассказывала о ней с нежностью, как обнимала её за шею в холодную погоду и как та согревала свою хозяйку.

— Коровы не дают хорошее молоко, если их не любить, — говорила она. — Они становятся просто животными, как другие животные.

В колхозах ничего не делалось с любовью, ничего не делалось старательно: там не было благословения Бога.

Однажды утром, работая в поле, я потеряла сознание. Непосильный труд на швейной фабрике, а затем в колхозе подорвал мои силы. Охранники бросили меня на импровизированные носилки и отнесли в машину, чтобы доставить в тюремную больницу в Вакарести. По дороге у меня распухла голова, мне казалось, что она приняла форму дыни.

Я хорошо знала эту тюрьму. В прежние времена Ричард проповедовал там. А я приходила на Рождество с подарками и помогала установить и украсить елку. Вместо больничной палаты меня поместили в изолированную камеру, в которой не было ничего, кроме грязного ведра в углу. Я лежала на голом бетоне.

На следующее утро через окно я увидела заключённых-мужчин, выведенных на улицу для прогулки. Когда они проходили мимо моего окна, я спросила, не слышали ли они что-нибудь о Ричарде Вурмбранде. Первые двое покачали головами. Надзиратель дремал. Третий же, услышав мой вопрос, переспросил:

— Вурмбранд? Пастор?

— Да, — ответила я, — он мой муж.

Мужчина поклонился мне в землю, как это делают православные в церкви.

— Я познакомился с ним, — прошептал он. — И не жалею о том, что провёл десять лет в тюрьме. Они стоили этого, потому что пастор привел меня ко Христу. А теперь я встречаю его жену!

Мужчина прошел по двору, опустив голову, руки за спиной, так и не успев сказать мне, жив ли ещё Ричард. Снова проходя мимо моего окна, он добавил:

— Я познакомился с ним в Тиргул-Окна. Он был в камере для умирающих. Он всегда говорил о Христе.

Когда мой новый знакомый проходил под моим окном третий круг, я узнала, что он был школьным учителем. Надзиратель зевнул. Он выспался и приказал заключённым возвращаться обратно в камеры. Однако теперь я точно знала, что мой Ричард так и остался Ричардом, который проповедует Христа и направляет к Нему души. А может, он рассказывал о событиях многолетней давности?!

Я не была удивлена выражением такого высокого уважения к Ричарду. Румыны, как правило, имеют глубокое уважение к тем, кто привел их ко Христу.

Я пробыла в камере ещё один день. Врач так и не вызвал меня на осмотр, однако я была счастлива оставаться здесь, всем сердцем надеясь ещё хоть на одну встречу с учителем. Я не верила в то, что Ричард мёртв. Не могу объяснить почему. Мне на память, как музыка, пришёл стих из Библии. В нем говорилось о сыне Иакова, Рувиме, от имени которого происходит еврейское имя Ричард: «Да живет Рувим и да не умирает...» Это было для меня обетованием.

Через сорок восемь часов в больнице вспомнили, что я поступила в тяжелом состоянии. Меня поместили на кровать с простыней и одеялом.

* * *

Палаты обходила женщина-врач в чистом белом халате.

— Теперь вам необходимо съесть всё, что вам дадут, — сказала она. Доброта, звучавшая в её голосе, заставила меня прослезиться.

Доктор Мария Крезин только что окончила медицинский институт. С мужеством и терпением она работала в переполненной заключёнными и недоукомплектованной медицинским персоналом больнице тюрьмы Вакарести. Она обожала своих пациентов.

У меня были ужасные проблемы с кожей. Своего рода цинга, как объяснила доктор, в результате недоедания. Мне нужно было хорошо

есть: это единственное лекарство. Она давала мне уколы, и проблема начала исчезать. Язвы и струпья на моем теле стали заживать. Колиты и диарея прекратились. Я даже стала лучше видеть: недостаток витаминов приводит к тому, что многие заключённые ночью становятся совершенно слепыми.

На соседней кровати лежала когда-то богатая женщина. Она не была слишком расстроена тем, что находится в тюрьме, и была уверена, что в ближайшее время её освободят. Разве президентом Соединенных Штатов не был теперь Эйзенхауэр? А премьер-министром Великобритании Уинстон Черчилль? Не могли же эти два великих военачальника позволить Восточной Европе оставаться в рабстве!

— Когда придут американцы, они заставят русских выплатить компенсацию. Учитывая мой прежний доход, я буду просить 5 тысяч лей в день за весь период своего шестимесячного пребывания в тюрьме. Это один миллион лей! Всю свою оставшуюся жизнь я буду кататься как сыр в масле!

Я предположила, что она могла просить и 10 тысяч лей в день, чтобы не продешевить. Тогда ей достанется два миллиона.

— Хорошая идея, — обрадовалась она. — Вы, евреи, умные люди!

Другие заключённые называли её Миллионершей.

В палате мы играли в игры, которые часто заканчивались слезами. Мы пытались представить, что мы глухие старушки. Из одного конца ряда больничных коек мы передавали слово в другой. Каждая из нас немного искажала его, так что слово превращалось в совершенно другое. Однако мы отвыкли смеяться. Смех и бурные эмоции расстраивали нас. Одна за другой женщины срывались на плач. Многие из них были молоды, они видели, как безвозвратно уходит их молодость.

Тюрьмой Вакарести руководил замполит. (Медицина, как и всё остальное, должна была быть использована для агитации.) Однажды вечером он, вместе с другими людьми в военной форме, пришёл в палату и произнёс пафосную речь о радостях коммунизма.

— Когда каждый имеет доступ к такой прекрасной больнице, как эта, кому нужен Бог?! — спрашивал он.

Я ответила:

— Лейтенант, пока на земле живут люди, они нуждаются в Боге и в Иисусе, который даёт жизнь и здоровье!

Замполит был возмущен. Как я посмела прервать его речь?! Более того, как я могла до сих пор верить в Бога?!

Я продолжала:

— Все, кто живут в доме, знают, что он был построен архитектором, так же как и все, кто приглашен на банкет, знают, что он был подготовлен поваром. Мы все приглашены на пир в этот мир, полный удивительного творения: солнце, луна, звезды, дождь и разнообразные плоды; и мы знаем, что этот пир приготовил для нас именно Бог!

Всё вокруг потеряло смысл. Мне в лицо глядела смерть.

Замполит рассмеялся и, хлопнув дверью, вышел вместе со всем своим сопровождением.

На следующее утро пришёл надзиратель и приказал мне собирать вещи. В тот же день я была отправлена обратно в трудовую колонию.

На этот раз я попала на государственную свиноферму, где пятьдесят женщин ухаживали за несколькими сотнями свиней. Предыдущие годы были трудными, однако этот был труднее всех. Начался голод. В 5 часов утра нас поднимали с коек и тащили, по-прежнему одетых в грязные тряпки, в которых мы спали, на холод и в темноту, чтобы кормить свиней.

В свинарниках всегда было по щиколотку жидкой массы — единственного вещества, которое никогда не замерзало. Гнусное, тошнотворное зловоние стояло вокруг и проникало в каждый угол наших хижин. Оно впиталось в наши тела и волосы. Им разило даже от каши, которую мы ели деревянными ложками. Все же нам было гораздо лучше, чем блудному сыну: мы могли наполнять животы рожками, которые ели свиньи.

Всё вокруг потеряло смысл. Мне в лицо глядела смерть. Весь мир вокруг меня состоял из слёз и отчаяния, и, как никогда раньше, из моего сердца вырвался крик: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?!»

Очистить свинарники было так же невозможно, как безнадёжно было пытаться очистить мир. Каждый день для нас, мокрых, голодных и полумёртвых, начинался одинаково: мы начёрпывали в бочки горы нечистот, а потом на своих спинах тянули их на улицу.

Я знала, что ни для меня, ни для этого мира нет никакой надежды, поэтому я только ждала смерти.

И, скорее всего, в таком психологическом состоянии, как это, я не прожила бы долго. Но, к счастью, оно не длилось в течение многих недель. Я убеждена, что Господь услышал мои молитвы и избавил меня в соответствии со Своим планом. Я должна была только усвоить один очень глубокий урок — испить чашу горчайшего зла; и теперь я благодарна, что прошла эту суровую школу, научившую меня самой высокой любви — любви к Богу, даже тогда, когда Он не даёт тебе ничего, кроме страданий.

* * *

С кузова открытого грузовика я наблюдала за удаляющейся свинофермой, темными кучками хижин на белой равнине. Ветер обхватил меня своей холодной, стальной рукой. Он срывал нашу легкую одежду и разносил по земле мелкие комки снега. Никто не знал, не спрашивал, да и не особо интересовался, куда нас везут. Все тюрьмы похожи одна на другую.

Совершенно неожиданно для нас, мы оказались в Генче, транзитном лагере, из которого более двух лет тому назад меня отправили на канал.

— Здесь толпы женщин! Лагерь переполнен, как никогда ранее, — перешёптывались мы между собой, ожидая сверки документов и получения новых регистрационных номеров узников. — Что же происходит?

Нас отпустили и разрешили идти в бараки ещё задолго после наступления темноты. Кровь снова начала циркулировать в наших отёкших конечностях. Внутри, в сравнительном тепле, нас вновь исполнила надежда. Сотни женщин, набитые в этот и все остальные бараки Генчи, были свезены сюда из лагерей по всей Румынии. Либо правительство планировало некую новую, ещё более масштабную схему рабского труда, либо...

Однако никто не осмеливался выразить надежду. Мы прошли через слишком многое, чтобы давать место несбыточным ожиданиям.

На следующий день распространился слух: в Генчу прибыло десять человек из управления безопасности, чтобы изучать наши досье.

Наши досье! Они прибыли из Бухареста два дня назад. А может, это на самом деле означает свободу?

Я огляделась по сторонам. В бараке, под тусклым незатенённым светом лампочки, сидели и вполголоса разговаривали чучела-женщины. Они пересказывали и извращали слухи, придумывали истории, но в то же время в уме каждая из них строила планы на будущее. Воздух был наполнен запахом гнилой пищи и грязных тел. Со времени моего последнего пребывания в лагере здесь были установлены колонки громкоговорителя. Время от времени они издавали звонкие, потрескивающие звуки, как при жарке яиц, или орали искаженные, никому не понятные сообщения. Свыкшись с первым впечатлением от барака, я начала замечать, что некоторые женщины просиживают многие часы с пустыми взглядами, в ожидании. Нет, они не верят, что их когда-нибудь выпустят отсюда.

Здесь были и некоторые из девушек-цыганок, которых я знала ещё по Чернаводэ. И в один прекрасный день я услышала, как кто-то зовет меня по имени.

— Сабина, Сабина! — это была Зинаида из К4, жившая в роскоши в довоенном Бухаресте. Она также прошла свою долю трудовых лагерей и колхозов. Мы попытались обнять друг друга, но вдруг остановились. Наши пальцы распухли и потрескались от обморожения.

Мы засмеялись и начали рассказывать друг другу о своих скитаниях, пока у нас обеих не иссякли силы. Зинаида настояла на том, чтобы я взяла пару мужских брюк и теплую куртку, которую она где-то раздобыла. Я с благодарностью приняла её дар.

— Да это же Чарли Чаплин! — смеялись женщины, обступив меня. — Даже у её ботинок на каблуках выступы!

Достаточно скоро мы пришли к обсуждению крайне актуальной для всех нас темы.

— Сколько ещё нам ждать?

— На самом ли деле это означает то, что мы думаем?

Скоро нас начали вызывать на допросы в разные отделения лагеря. Зинаида был в одной из первых групп. Она рассказала:

— Это был такой же, как и любой другой допрос, только очень вежливый. И вместо того, чтобы спрашивать о нас, они спрашивали, что мы думаем о *них*!

Зинаида рассказала, что за столами, покрытыми бумагами, сидели три офицера в форме. После нескольких вопросов о её здоровье, о том, насколько ей нравится пребывание в зоне и имеет ли она родственников, дело приняло необычный поворот.

Её спросили:

— Вы осознаете, как неправильно вы поступали, выступая против строительства социализма? Что вы думаете о своём перевоспитании в тюрьме? Понимаете ли вы, что государство право, предоставив вам возможность перевоспитания? Что ничто и никто не сможет повернуть вспять становление коммунизма?

— Естественно, я ответила, что наслаждалась каждой минутой пребывания здесь, — засмеялась Зинаида. — Какой напыщенный осёл! Разглагольствование о национальных достижениях, наших процветающих колхозах и великолепных трудовых лагерях. Я, дорогуша, за свои три года и девять месяцев, проведённых среди всего этого, уж точно знаю, насколько он прав!

Как и большинство заключённых, Зинаида делала всё возможное, чтобы создать впечатление того, что она осознала ошибочность своих убеждений и теперь готова трудиться на благо социалистического общества.

Не прошло и более месяца, как небольшие группы женщин начали покидать Генчу. Как всегда, мы понятия не имели, куда их увозят. Зачитывались списки имен, группами женщин вели к зданию администрации, а затем увозили в грузовиках. Но это был ещё один маленький, обнадеживающий знак.

В конце концов, пришла моя очередь. Главным за столом был толстый человек с розовым, как у младенца, лицом. Его руки напоминали маленькие толстые колбаски, которыми он, разговаривая со мной, всё время расчищал предметы, лежащие у него на столе, как будто собирался вскочить на него, чтобы завершить своё выступление.

Для религиозных заключённых были приготовлены несколько особенных вопросов.

— Вы должны знать, госпожа Вурмбранд (госпожа!), что в этом месте я сильнее Бога. По крайней мере, Он до сих пор не продемонстрировал никаких чудес в этом кабинете. — Он принял как должное улыбки двоих своих помощников, восхищенных его остроумием. —

Но понимаете ли вы это? Действительно ли вы осознали притворство религии? Поняли ли вы, что в коммунистическом обществе Бог лишний? Что вы больше не нуждаетесь в Нём? Если вас когда-либо выпустят отсюда, вы будете поражены достижениями последних лет. И это только начало!

Золотой кант на его погонах был новым и сверкающим. Своей колбасной рукой он похлопывал по папке, набитой документами, которая могла быть моим делом.

Я ответила:

— Я вижу, что здесь вы наделены властью. И, вероятно, у вас есть отчеты и другие документы обо мне, о которых мне даже неизвестно и которые могут решить мою судьбу. Но Бог также ведет Свою книгу, и ни вы, ни я не имели бы жизни, если бы её не дал нам Бог. Поэтому оставит ли Он меня здесь или освободит, я признаю, что Его воля споспешествует моему благу.

Майор ударил кулаком по столу, как будто этим он мог навредить мне.

— Вы неблагодарны, госпожа Вурмбранд, неблагодарны! Мне очень жаль, что вы не смогли извлечь урок, и я должен доложить об этом начальству.

В течение нескольких минут майор продолжал кричать в порыве гнева.

Однако через три дня было зачитано и моё имя. Стало очевидным, что мою судьбу решали власти, гораздо высшие, чем майор.

В ожидании мы стояли на заснеженном дворе под зданием администрации со своими нищенскими узелками в руках. Даже теперь мы не были уверены, что нас освободят. Первая уверенность пришла к нам только тогда, когда нас вывели за ворота, обмотанные колючей проволокой, и приказали стоять на морозе, пока надзиратель начал длительный процесс раздачи каких-то листов бумаги.

Ветер относил его хриплый голос куда-то в поле:

— Вурмбранд, Сабина, место рождения — Черновцы, 1913 год...

Я взяла документ, который оказался справкой о моем освобождении. «Свидетельство об освобождении» было написано на нем крупными буквами. Остальное я прочитать не смогла, поскольку было уже слишком темно. Нас посадили в машину и повезли. Генча находится

всего в нескольких километрах от Бухареста, однако нас высадили далеко за пределами окраины города.

Я шла со своим жирным, вонючим узелком через пригороды. Впервые почти за три года я видела людей, спешащих домой после работы, семьи, делающие покупки.

Дом! Именно туда я направлялась. Если, конечно, он ещё существовал. Если что-нибудь вообще ещё существовало. Семья, дом, друзья — я не знала, что случилось с каждым из них. Сейчас Михаю уже четырнадцать. Что же годы сделали с ним? Я панически боялась получить ответ на свой вопрос и в то же время страстно желала этого.

Свет слепил мне глаза, а запахи еды из ресторанов потрясали мои чувства обоняния! Мне хотелось закрыть уши, чтобы не слышать визга металла о трамвайные рельсы, закрыть глаза, чтобы не съеживаться от шлейфов синих искр, рассыпающихся во все стороны. По мере того, как мимо меня безразлично плыл поток людей, меня всё больше одолевало чувство смятения. Я посмотрела в сторону остановки трамвая № 7. Возможно, её больше не существует. Но нет, остановка на месте. Усилием воли я подавила панику и вошла в трамвай. Тут я вспомнила, что у меня совсем нет денег.

Я громко спросила: «Будет ли кто-нибудь добр оплатить мой проезд?»

Все головы сразу же повернулись, чтобы увидеть, кто высказал такую необычную просьбу. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, почему я это сделала. С десяток людей сразу предложили заплатить за меня. Они столпились вокруг, их глаза были полны сочувствия. Такого рода вещи теперь стали частью повседневной жизни румын. У каждого из них, казалось, в тюрьме был родственник или друг. Они не задавали вопросы, только называли имена своих близких, которых я могла знать.

Улицу Победы я проехала с печальными воспоминаниями об отделении милиции, куда меня впервые привезли. С тех пор здесь ничего не изменилось. Гигантские портреты четырёх «гениев» человечества — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — по-прежнему свысока смотрели на бредущие по слякоти безмолвные толпы жителей Бухареста. Я вышла из трамвая возле хорошо знакомого мне многоквартирного дома и поднялась по лестнице. Дверь открыла подруга.

— Сабина! — от неожиданности воскликнула она, сразу же зажала рукой рот и сделала шаг назад. — Неужели это ты?!

Мы обнялись.

— Я сейчас потеряю сознание, — сказала она и заплакала.

Кто-то побежал за Михаем. Моё сердце, казалось, остановилось, когда я увидела его, вошедшего в дверь. Он был высоким и бледным. И таким худым. Теперь он был уже молодым человеком.

Когда мы обнялись, слёзы, наконец, потекли и по моим щекам. Он вытирал их своими руками.

— Не плачь так сильно, мама, — говорил он.

В тот миг мне казалось, что все мои горести позади и мне никогда больше снова не придётся плакать.

Часть третья

Глава 17
Снова дома

На следующий день мы вместе пошли в большой парк Бухареста, Чишмиджиу. Мне нужно было заново познакомиться со своим сыном, ведь прошло так много времени, и теперь я уже не знала его так, как прежде. Когда Михай был маленьким, мы очень волновались за него. Казалось, он был всецело поглощен религией и задавал слишком глубокие для своего возраста вопросы. В пять лет он был не по годам развитым рьяным благовестником, а в семь лет привел ко Христу профессора, который позже стал членом нашей общины. Возможно, в наше отсутствие коммунисты, не ведающие, что такое доброта, уничтожили в Михае всё хорошее?

Я радовалась тому, что сразу же обнаружила в нем прекрасные черты характера. Мы говорили о годах моего лишения свободы и принудительного труда. Он сказал:

— Мы не критикуем природу за то, что сутки состоят из дня и ночи, света и тьмы. Я принимаю тот факт, что в людях живет зло. Давай постараемся не называть их скотами.

Я, всё ещё наблюдая за тем, каким человеком стал Михай за время моего отсутствия, рассказала ему о крестном пути. Он внимательно слушал, пока во время нашей прогулки его взгляд не упал на плодовое дерево, усыпанное набрякшими почками. Был один из тех чудесных весенних дней, которые быстро проходят, как будто природа не может дождаться лета. На заброшенных клумбах протыкались подснежники. Разворачивали свои бутоны гиацинты.

Когда я закончила свой рассказ, Михай сказал:

— Ты, мать, и отец также, вы избрали крестный путь, как наилучший способ служить Богу. Я не знаю, выбрал бы я его или нет. Я чувствую себя ближе всего к Богу в таких местах, как это, где красиво. Где нет страданий и стыда.

За последние годы жизни Михай испытал мало удовольствий, и поэтому он ценил даже самые маленькие радости. Смотреть на Божьи лилии не стоит денег. Он сказал:

— А почему бы просто не остаться в саду, не вдыхать запах цветов и любовь Бога здесь?

Я ответила:

— Ты знаешь, что, когда Иисус был распят, говорят, Он находился неподалеку от сада. Что бы ты сделал, если бы, находясь в саду, ты услышал вопли распинаемого невинного человека? Застенки Вакарести и Джилавы недалеко отсюда. Там люди подвергаются пыткам в то время, когда мы любуемся цветами. Да и Министерство внутренних дел рядом.

— Тебе было очень трудно, мама? — тихо спросил он.

Я ответила:

— Михай, мы — евреи и дети Божьи. Больше всего нам причиняли страдания не физические истязания, а то, что нас сделали рабами иллюзорного мира и пытались отделить от духовного. История канала показывает, насколько иллюзорным может быть физический труд, если за ним не стоит Бог. Ведь, в конце концов, проектом по строительству канала Советская Румыния так ничего и не достигла, как, впрочем, своими разнообразными «проектами» ничего не достигла ни Римская империя, ни греческие республики, ни первое еврейское государство, ни египетские и китайские цивилизации, ни Британская империя. Все они принадлежат к миру иллюзий. Поэтому нашим наибольшим страданием было жить в иллюзорном мире, а не нашем еврейском духовном мире, пришедшим с «другой стороны», о чём свидетельствует и этимология названия нашего народа.

Однажды вечером он пришёл ко мне в комнату и читал мне о Катоне из «*Сравнительных жизнеописаний*» Плутарха. Он сказал, что дворец тирана Суллы был ничем иным, как местом казни, поскольку там подвергались пыткам и умирали многие люди. Катону тогда было четырнадцать лет, как и Михаю сейчас. Видя, как проносят головы знатных персон, и заметив, как люди тайно вздыхают при виде такого страшного зрелища, Катон поинтересовался, почему кто-нибудь не убьет Суллу. Его учитель ответил, что люди боятся тирана гораздо больше, чем ненавидят его. Тогда Катон предложил: «Дайте мне меч, чтобы я мог убить этого человека и избавить свою страну!» Михай отложил книгу.

— Я чувствую себя так же. Я хотел бы просто наслаждаться жизнью, но иногда я удивляюсь, почему так много молодых людей ничего не предпринимают, ведь только один мальчик, как я, мог бы избавить страну от тирана. Об этом же рассказывает и Ветхий Завет. Разве это не от Бога?!

Я ответила, что в современных условиях это не помогло бы. И это — не самый лучший способ. Мы должны попытаться искоренить тиранию, а не просто убить тирана. Мы должны ненавидеть грех, но любить грешника.

Михай ответил:

— Мама, но ведь это труднее всего.

* * *

В первые несколько дней я была похожа на женщину, воскресшую из мёртвых. Я была свободна! Все проблемы казались мне пустяковыми по сравнению со столькими годами, проведёнными в тюрьме, где мы говорили: «Если только мне удастся выйти отсюда, я буду счастлива жить на хлебе и воде все оставшиеся дни моей жизни. От меня никто не услышит и слова жалобы». Жить на хлебе и воде большинству из нас таки пришлось.

С возвращением домой начались и повседневные проблемы и переживания, большие и малые. Для меня было сильным шоком видеть вокруг себя крайнюю нужду и голод. Люди, которых я навещала, совсем обнищали. Изношенные одеяла на кровати, полное отсутствие постельного белья. Они не могли позволить себе купить чёрный хлеб или использовать небольшое количество электроэнергии, чтобы хоть немного обогреть дом.

— Нам пришлось продать всё, — объяснила мне подруга. — Столовые приборы, постельное белье, ковры. Даже наши книги. О нет, не садись на этот стул! У него сломана ножка.

Большая часть денег была использована, чтобы купить дорогостоящие лекарства для отца, который жил вместе с её семьей в маленькой квартире.

— Сабина, будь осторожна, что ты говоришь людям, — умоляла она. — Здесь повсюду информаторы! Ими полна и церковь.

Ко мне стекался поток друзей, а также незнакомых людей. Все умоляли самым душераздирающим образом сообщить им какие-либо новости относительно своих родственников и близких, находящихся в тюрьме. Лишь в редких случаях я могла что-то рассказать им или ответить на их вопросы: Была ли амнистия? На самом ли деле начинается оттепель? Какова новая политика государства? Почему меня освободили? К кому обращаться с ходатайствами об освобождении близких?

Я быстро узнала, каково это обращаться к чиновникам. Очереди в правительственных учреждениях были больше, чем в продовольственных магазинах. Мне нужно было получить продовольственную карточку. Без неё я не могла купить даже хлеба. Однажды утром я прождала в очереди четыре часа, и когда, наконец, добралась до небольшого окошка, девушка по ту сторону отрезала:

— Где ваша трудовая книжка? Нет?! Без неё вы не получите продовольственную карточку.

— Но я — бывшая заключённая.

— Я ничем не могу помочь. Нет работы и трудовой книжки — нет и продовольственной карточки.

Так что мне пришлось выживать на благотворительности других.

Какое-то время мы жили в одной комнате с моей подругой. Но Михай стал молодым человеком, теперь для нас не составляло возможности всем жить вместе. Я начала длительные, бесконечные поиски другой комнаты.

Наш старый дом был конфискован, как и всё его содержимое: мебель, постельные принадлежности, книги. Но в доме, где когда-то также была наша квартира, всё ещё жили наши друзья. Они сказали, что там свободен небольшой чердак и мы могли бы бесплатно жить на нём. Небольшой — не то слово. Он был совсем крошечный: одна комната — четыре на четыре с половиной метра, другая — два на два.

После нескольких дней ожидания в очередях и заполнения форм нам разрешили занять это «место проживания». Михай и я переехали в наш новый «дом». Единственной нашей мебелью была несколько покосившаяся старая кровать со сломанными пружинами. Там не было ни воды, ни туалета. Зимой было очень холодно, летом слишком душно. Окно выходило на пустую кирпичную стену.

Здесь мы жили, готовили пищу и спали. Освободившись из тюрьмы, жить с нами пришла и Жанетта. У нас не было свободной кровати, поэтому я и она вместе спали на диване.

Потом пришла Мариетта. В один прекрасный день она появилась на пороге нашего дома, робко, по-девичьи улыбаясь, с темно-синими кругами под глазами, в изношенном черном пальто. Она протянула небольшой сверток, перевязанный шнуром.

— Что это? — удивилась я.

— Ничего особенного, — ответила она. — Две французские булочки.

Она простояла в очереди два часа, чтобы купить их. И они оказались совсем не французскими.

Мариетта была членом нашей общины — милая, добродушная девушка, но не слишком привлекательная. Многие остерегались её, поскольку она страдала от приступов эпилепсии. Как рада я была видеть её! Она была наивна и всегда всем восторгалась.

— Проходи и садись, Мариетта. — Я сделала шаг назад, чтобы позволить девушке войти. Дверь уперлась в край кровати Михая. — Мы только что вернулись и ещё не успели убрать.

Она протиснулась мимо меня и села на один из приобретённых нами покосившихся стульев. Спинка тут же отвалилась. Михай подошел, чтобы помочь Мариетте приставить её обратно.

— Как здесь уютно! — восхищенно произнесла она, оглядываясь на плиту, на которой я обжаривала картофель в дешевом жире.

— Жалко только, что крыша протекает, — вздохнул Михай. На скошенном потолке виднелись большие пятна сырости, на которых каждый день увеличивался темный моховой гриб. Всякий раз, когда один из нас вставал, нам всем приходилось встать, чтобы дать ему пройти.

Мариетта поела с нами жареный картофель. Позже, когда Михай пошёл в свою комнату делать уроки, она рассказала, что теперь у неё никого не осталось, а через неделю не будет и крыши над головой. Семья, с которой она жила, попросила её уйти. Теперь она нуждались в жилье.

— Ну, Мариетта, как видишь, это — не дом. Это просто старый чердак, чулан, который когда-то мы использовали, чтобы хранить разный мусор, когда ещё жили внизу. Но если хочешь, мы могли бы втиснуть сюда ещё одну кровать. Думаю, мы сможем где-нибудь найти матрас.

Лицо девушки засияло от радости.

— В самом деле? А вы уверены, что мальчик не будет возражать? У меня есть несколько своих вещей: одеяла, тарелки и столовые приборы. Я так хотела бы жить с вами!

Так Мариетта поселилась вместе с нами на улице Олтени.

* * *

Однажды, примерно через неделю после моего освобождения, я шла по улице. Воздух был свежим, трамваи, казалось, циркулировали по кругу, как в парке аттракционов, а серые-серые люди двигались по улицам более быстрым шагом, чем обычно. Прошедшая зима была свирепа, одна из наиболее холодных за последние тридцать лет. А теперь мягкое, теплое солнце отогревало даже наши сердца.

Внезапно зазвонили церковные колокола. Сколько лет прошло с тех пор, когда я в последний раз слышала этот звук?.. Глубокая, траурно-торжественная нота первой донеслась из собора, затем из церкви Святого Спиридона, а затем из всех остальных церквей Бухареста, которые ещё оставались открытыми.

В городе много колоколов. (В Средние века Румыния была оплотом христианства против турок. В стране полным-полно монастырей и церквей.) Сейчас все они звучали одновременно. Однако этот прекрасный звон был каким-то пугающим. Люди останавливались на улицах и спрашивали друг друга, что происходит. Несмотря на запрет милицией публичных скоплений народа, на площадях начали собираться группы людей.

На улице Победы затрещали громкоговорители: «Дорогие товарищи! Труженики Румынской Народной Республики! Президиум Верховного Совета СССР с глубокой скорбью информирует партию и всех румынских рабочих о том, что 5 марта 1953 года Председатель Совета Министров СССР и секретарь ЦК Коммунистической партии, Иосиф Виссарионович Сталин, умер после тяжелой болезни. Жизнь мудрого вождя и учителя народа, товарища, верного ученика и соратника великого Ленина, закончилась». В динамиках загремела похоронная музыка.

Однако для большинства из нас звон колоколов означал не смерть, а зарю новой надежды. «Но зачем же они это делают?» — спрашива-

ли друг друга в недоумении люди. Особенно когда было объявлено, что по случаю кончины главы всемирной организации безбожников, посвятившего столько усилий уничтожению христианства, во всех церквях было приказано провести богослужения.

Поползли слухи, что Сталин, в ужасе пребывая на смертном одре, просил провести над ним христианские обряды и заповедал похоронить себя с крестом. Над кроватью тирана нависла тень миллионов его жертв (советский автор Илья Эренбург позже писал, что если бы он провёл жизнь, только записывая их имена, то всё равно не успел бы закончить список), а он просил всех христиан молиться за него. Так говорили.

Школы и магазины были закрыты. Михай вернулся домой со специальным выпуском газеты «Скинтея». Наша одна-единственная газета, орган Коммунистической партии, не содержала, конечно же, ничего, кроме соболезнований. Огромные лозунги и баннеры на улицах, в кинотеатрах и кафе воспевали советско-румынскую дружбу. По радио трубили то же самое.

С большим риском нам удавалось слушать иностранные радиопередачи. Одна из радиостанций вещала чтение 14-й главы Книги пророка Исаии, в которой описана смерть угнетателя. Он спустится в ад, где подвергнется мучениям, и окружающие будут говорить ему: «...и ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам! ... под тобою подстилается червь, и черви — покров твой. Как упал ты с неба... разбился о землю, попиравший народы». Эта глава полна торжества и возмездия.

«Что ты думаешь об этом?» — спросил Михай после окончания передачи. Я ответила, что не испытываю жажды мести. В последние минуты жизни в сердце человека, который смотрит в глаза смерти, могут произойти кардинальные изменения. Я вспомнила, что мать Сталина была доброй и набожной женщиной. Как она, должно быть, молилась за него! К тому же теперь у нас есть свидетельство его дочери, которая, вопреки идеологии своего отца, стала христианкой и бежала на Запад. Кто знает, что это за «непонятный и удивительный жест» умирающего Сталина, о котором писала Светлана, когда «он вдруг поднял левую руку, словно указывая на что-то... в следующий миг дух вырвался и освободился от плоти»

Другой стороной медали была радость от начала того, что, как мы надеялись, будет новой эрой, концом рабских трудовых лагерей и таких проектов, как канал. Все слухи пока сбывались: строительство канала было действительно прекращено. Через четыре года проект был заморожен, несмотря на то, что завершена была лишь седьмая часть работ. На нем от непосильного труда страдали свыше 200 тысяч мужчин и женщин. Никто не знает, сколько тысяч людей погибло и сколько миллиардов денежных средств было выброшено на ветер. Экономика страны была полностью разрушена. Ни за что ни про что.

В «Скинтее» мы прочитали, что в настоящее время государство переключает своё внимание от строительства крупных общественных объектов на производство товаров народного потребления, поскольку существует необходимость поднять уровень жизни населения. Однако факт состоял в том, что строительство канала прекращено. Его всё равно невозможно было бы ввести в эксплуатацию. Таковыми были окончательные выводы, сделанные инженерами. Они определили, что, в случае введения канала в эксплуатацию, равнина Бэрэган подверглась бы затоплению, а для канала и ирригационных проектов всё равно не было бы достаточно воды.

Ни для кого не было тайной, что главные инженеры и планировщики этого проекта были арестованы и им вынесены смертные приговоры за «экономический саботаж». По крайней мере два человека были расстреляны на месте. Ещё тридцать получили сроки до двадцати пяти лет каждый.

Я вспомнила пасхальную молитву: «Мы были рабами фараона в Египте, и Господь рукою всемогущею освободил нас». Опять же, всё так и произошло. Трудовые колонии и казармы были закрыты. Бараки снесены. Сквозь бетон пробивались трава и сорняки. Огромная, опустевшая равнина возвращена пустыне.

Сегодня это дикое и пустынное место. В подлеске водятся змеи, на них больше никто не охотится, желая съесть. Никто не выкладывает крошек для мигрирующих птиц. Поржавевшее оборудование валяется на покинутых людьми сельскохозяйственных полях, а холодный соленый ветер с Черного моря уничтожает последние остатки того, что должно было стать чудом света.

* * *

Понемногу моё здоровье восстанавливалось, ко мне возвращались былые силы. Рёбра, которые были переломаны, когда меня бросили в Дунай, безжалостно болели, но врач объяснил, что это только потому, что они ещё не полностью зажили. Он назвал чудом то, что я выжила, и посоветовал несколько недель провести в постели. Однако у меня было слишком много дел, чтобы лежать.

Однажды утром, проходя по улице Олтени, я заметила потрепанного, маленького роста человека с жидкими волосами. Он смотрел на меня в упор. Пройдя мимо него и засунув руку в карман пальто, я почувствовала в нем маленький, аккуратно сложенный листок. Оказывается, мужчина незаметно сунул мне его, а затем исчез.

«И будет в тот день: Господь даёт вам отдохнуть от вашей печали, и от вашего страха и тяжкого рабства, в котором вы были вынуждены служить...» — было написано в нем.

Прочитав текст, я поняла, что борьба продолжается. Возможно, её не видно, но везде, где бы я ни была, меня окружала Божья любовь. В проходивших милых людях, чьи лица не выдавали их веры. В сердцах, которые Сталин не мог изменить. Меня переполнило ощущение какого-то нового счастья.

Я была членом подпольной церкви. Названия этой церкви вы не найдете ни в одном справочнике, а адреса её храма — ни в одном из городов Восточной Европы. У неё не было ни официального названия, ни храмов. Её пасторы носили потертую рабочую одежду. У них не было ни священнических одежд, ни какого-либо богословского образования. Они мало знали о сектантских склоках. Подпольная церковь не имела названия также и по другую сторону железного занавеса. Только после того, как мы попали на Запад, я узнала, что «подпольной церковью» нас называла между собой небольшая горстка людей, которым было известно о нас. Если бы раньше меня спросили: «Есть ли у вас в Румынии подпольная церковь?» Я сама не поняла бы этот вопрос. Мы просто исполняли свой христианский долг. Мы не обращали внимания на коммунистические законы. И у нас совсем не было необходимости в том, чтобы давать своему убеждению название. В течение последующих двенадцати лет это убеждение было моей жизнью.

* * *

Сначала, вернувшись из тюрьмы, я была очень удручена бедственным положением наших прихожан. Они подвергались преследованиям со стороны полиции, затравливанию доносчиками, соседями, коллегами и просто окружающими. Через радиовещание, систему образования, киноиндустрию, театр и прессу неустанно велась кампания по искоренению веры. Пожилым людям ещё хоть как-то можно было поклоняться Богу, с трудом, под наблюдением, под осуждением. Однако молодежи верить было категорически запрещено.

Я видела, как многие наши бывшие друзья, боясь потерять свои рабочие места, не смели даже подойти к нашему дому. Другие даже не признавались, что знали нас, что когда-то мы вместе поклонялись Богу.

Проходя мимо университета, я увидела учителя, которого мы очень хорошо знали, и пошла, чтобы поздороваться с ним. Он был с коллегой. «Вы ошиблись. Я не знаю вас», — и отвернулся, не в силах смотреть мне в глаза.

Несмотря на заверение людей в том, что они «свободны», все были жутко напуганы. В тюрьме, даже в худшие времена, мы видели вокруг себя Божью заботу и Его действие. Мы знали, что, несмотря на то, что мы страдаем, Бог не оставил нас. Мы могли доверять Ему. Таким образом, жизненно важная часть работы нашей подпольной церкви состояла в том, чтобы рассказать об этом людям. А имея за плечами тюремное заключение, было легче завоевать их доверие.

Мне также приходилось держать себя «в руках». Теперь нашу церковь возглавляли два молодых лютеранских пастора. Мне было крайне неудобно наблюдать за тем, как много наших прихожан стучаться в мою дверь, чтобы попросить совета или рассказать о своих проблемах. К верующим, которые пострадали за веру, остальные христиане относились с каким-то идолопоклонством. Всё, что мы говорили, воспринималось ими как «Евангелие». Это чрезвычайно опасно. Мученики не делают истину. Истина делает человека мучеником. Мне приходилось быть очень твердой и запрещать людям относиться ко мне с преувеличенным почтением.

Сохранить своё мнение было также нелегко. Молодые пасторы очень старались, но часто они учили тому, что узнали из книг лютеран-

ских богословов, часто основанных на других книгах, написанных много веков назад в мире, который совершенно не похож на наш. Теперь я не имела столько же уважения к этим идеям, как раньше. Учение не всех книг соответствует урокам, полученным мною в тюрьме.

Мученики не делают истину. Истина делает человека мучеником.

Коммунистические методы промывания мозгов и идеологической обработки были новыми для нас. Им нужно было найти новое противодействие. И со временем оно было выработано подпольной церковью.

* * *

— Мама, хватит с меня школы!

В тот день Михай пришёл домой рано с блестящими глазами и твердым решением никогда больше не возвращаться в школу.

— Что значит: «хватит с меня школы»?

— Я больше туда не пойду!

— Но ты же должен продолжать получение образования!

— Только не там!

Постепенно мне удалось выяснить, в чём дело. Движение коммунистической пионерской организации распространялось, и лучшие ученики получили привилегию носить красный галстук. Детям предложили выдвинуть для вступления в пионеры достойного кандидата, и они предложили Михая, который категорически отказался. Он отрезал: «Я не буду носить красный галстук! Это символ партии, которая держит моего отца в тюрьме».

Какой переполох вызвал его отказ в школе! Учительница, молодая девушка-еврейка, не знала, что сказать. Но она должна была подыгрывать коммунистам. Она выругала Михая и отправила его домой.

Однако дело в том, что преподаватели, почти все, ненавидели то, что им приходилось делать, а также людей, которые заставляли их делать это. На следующий день учительница Михая, без разрешения руководства школы, обняв его, позволила вернуться в класс.

С того дня она защищала Михая в школе. Во всех классах набирала размаха атеистическая пропаганда, и время от времени Михай отваживался спорить со своими учителями. Иногда он проигрывал эти споры, но только лишь потому, что не мог ещё, как взрослый, следовать за поворотами мыслей и доводов учителей. Несмотря на это, он снова и снова вставал на защиту Бога и своей веры. И учителя, зная, что он — сын политического заключённого, любили его за эту смелость. Румыния никогда не была коммунистической страной, она была страной, угнетённой коммунистами.

В то время как я находилась в тюрьме, Михай оставался на попечении нашей давней подруги Алисы, учительницы воскресной школы. Когда-то она была руководителем отдела в одном из министерств, однако после своего отказа вступить в партию была мгновенно уволена. Алиса перебивалась репетиторством по французскому и подготовкой учащихся к экзаменам. После моего ареста Михай просто пошёл к «тете Алисе» и сказал: «Пока ты будешь моей мамочкой».

Алиса жила очень бедно, к тому же ей приходилось ухаживать за пожилым отцом. Все трое жили в одной комнате, где просто не оставалось места для других детей, которых женщина хотела приютить. Поэтому она помогала им чем могла и с любовью отдавала те немногие гроши, которые ей удавалось заработать. Все эти дети заключённых христиан ходили бы голодными, если бы не такие христиане, как Алиса.

Благодаря Алисе, Михай смог выдержать все удары, посыпавшиеся на него в возрасте от девяти до тринадцати лет, и, когда я вернулась, сказать мне: «Мама, я на вашей с отцом стороне. Я люблю Господа».

Пропаганда в школах была тщательно спланированной. Многочисленные фильмы и лекции демонстрировались с целью убедить детей в том, что Бога не существует. На противовес им, Михай часто спрашивал у меня доказательств, что Он существует.

Я вспомнила, как Ричард говорил, что никто не просит доказательства того, что природа существует. Она вокруг нас и мы — её часть. Духовное — это так же само собой разумеющееся, как и материальное. Гений говорит, что он получил вдохновение? Но от кого же? Конечно же, от Кого-то высшего, чем он сам. Доказательства существования Бога для каждого из нас — в нашем личном духовном опыте, в близости с Богом.

В каждой школе существовал «уголок безбожника» с фотографиями и книгами, высмеивающими духовенство и верующих. Михай знал, что некоторые из историй были правдой. Ему были известны пасторы, поступающие неблагочестиво и предающие своих братьев. Я пыталась объяснить ему, что Церковь имеет как плотскую, человеческую сторону, так и святую, божественную. И что такую же двойственную природу имеет каждый христианин. День за днём он приходил домой с предоставленными ему в школе примерами ошибок церкви и неверных или неблагочестивых поступков пасторов и священников.

Духовное — это так же само собой разумеющееся, как и материальное.

Я всегда отвечала: «Но они не рассказывают вам о раскаянии этих священнослужителей в содеянном. Они только показывают вам их греховную сторону, но скрывают позитивную. Любой человек может допустить ошибку. Но, только сожалея о содеянном, мы демонстрируем то божественное, что есть у нас». Мои слова обычно развеивали сомнения сына... до следующего натиска.

С такой проблемой сталкивалась каждая мать-христианка. Жизнь была для нас полем боя. Каждый вечер нам приходилось отвоёвывать в сердцах своих детей позиции, занятые коммунистами в течение дня.

— Наш учитель говорит, что Иосиф был спекулянтом: он спекулировал зерном! А почему царь Давид захотел жениться на жене Урии?

Я ответила:

— Библия не скрывает правду. Она рассказывает о том, что люди могут грешить и делать ошибки. Но когда ты хорошо задумаешься, то поймешь, что именно коммунисты лгут и искажают факты.

В своей борьбе за молодое поколение коммунисты, казалось, были во всеоружии. Они пропагандировали атеизм в школах, в прессе, по радио. Однако Михай всегда имел перед собой пример христианства в действии.

Когда в 1951 году я работала на канале, люди из нашей церкви рисковали своей свободой, чтобы помочь моему сыну. Пожилая пара провела два дня, путешествуя окольными путями и пытаясь избежать

обнаружения, чтобы отдать большую часть своих сбережений в руки человека, который мог бы передать их Алисе.

Пожилая госпожа Михайловичи, которая также была для Михая как родная тётя, после моего ареста прошла десятки километров от своей деревни до Бухареста с мешком картошки. Это было всё, что она имела. О её визите осведомители, которые всегда следят за родственниками политических заключённых, сообщили в милицию. И когда госпожа Михайловичи вернулась домой, её тут же задержали и так сильно избили, что после она так больше и не смогла оправиться.

Несмотря на такое отношение, члены подпольной церкви никогда не забывали о своём долге перед детьми своих заключённых братьев и сестер. Иногда мы проигрывали битву. Я помню женщину, пришедшую ко мне в слезах.

— Мой сын работает на секуритате, — вздыхала она. — Он регулярно встречается с человеком, который расспрашивает его обо всех, кто приходит в наш дом. Я не знаю, что делать.

Она не могла изменить своего сына, однако не могла и позволить ему выдавать христиан, которые приходили к ним. Я посоветовала ей на некоторое время прекратить все контакты с верующими.

Иногда поздно ночью на мой чердак приходили мужчины или, чаще, их жены и признавались в том, что они сообщали на нас.

— Мы находимся в ловушке, — плакала одна женщина. — Мы любим Господа. Мы любим тебя и Михая, но мы не в состоянии противостоять всем этим угрозам и шантажу. Мой муж потеряет работу или, ещё хуже, будет арестован. Нас заставляют сообщать обо всех, кто посещает церковь, а также о том, что они говорят. Мы стараемся рассказывать только то, что не причинит вам вреда, но вы должны остерегаться!

Некоторые христиане, в попытках избежать еженедельных повесток на допрос секуритате, покидали Бухарест и переезжали из города в город.

При коммунизме дома христиан всегда находятся под наблюдением. И если им не удаётся заставить стучать на свою семью ребёнка или родственника, чтобы знать, сколько хлеба вы покупаете и что готовите, кто посещает вас и о чём вы с ними разговариваете, всегда найдется сосед или коллега, который сделает это. Девушек допраши-

вали о юношах, с которыми они встречаются. И всё это тщательно заносилось в файлы, которые потом могли быть использованы против человека в той или иной форме. Поэтому при такой системе и возникло такое явление, как многие тысячи тайных христиан, носящие красный галстук или значок партии.

Некоторые из них даже занимали высокие государственные посты, в то время как сами принадлежали к подпольной церкви. Они сами принимали крещение и крестили своих детей ночью. Они путешествовали в отдаленный город, где их никто не знает, чтобы тайно совершить христианский обряд бракосочетания. Ко мне приходили многие информаторы, рассказывали обо всём том, что они должны были сделать, и просили прощения за своё предательство.

Я всегда говорила им:

— Докажите искренность своего покаяния и расскажите о том, как за нами ведется наблюдение. Назовите имена офицеров, которым вы предоставляли информацию. Расскажите, где и когда вы встречаетесь с ними.

Если они обычно передавали информацию на углу определенной улицы, один из нас поджидал в кафе поблизости, чтобы сфотографировать сотрудника секуритате. После этого мы следовали за ним, чтобы узнать, с кем следующим он встретится. Если встречи проходили, как это часто бывало, в самом помещении Департамента безопасности, мы наблюдали и пытались сфотографировать тех, кто входил и выходил из него.

Это была крайне рискованная работа, однако благодаря этим методам нам удалось определить большинство информаторов, а также сотрудников Департамента безопасности, в том числе и полковника Ширкану, возглавлявшего отдел секуритате по борьбе с церковью. Мы наблюдали за ним так же внимательно, как он наблюдал за нами, и нам удалось установить личности всех его основных осведомителей. Некоторых из них, по милости Божьей, нам даже удалось привести к покаянию. По отношению к другим приходилось предпринимать более строгие меры. Таким образом мы защищали подпольную церковь, чтобы позволить ей продолжить свой труд.

Я была чрезмерно счастлива от того, что у меня есть Михай. Мой сын оказался непоколебимо верным Господу. Когда он находился в

очень сложном для мальчика возрасте, мы ставили перед ним самые трудные задачи. Помимо того, чтобы выстоять в условиях сильнейшего давления и бороться со своими собственными проблемами, ему постоянно приходилось стоять на карауле и принимать решения, последствия которых могли привести всех нас в тюрьму. Тем не менее мы часто вместе смеялись над абсурдом, который были вынуждены говорить ученикам их учителя, а также над странными ситуациями, которые также нередко происходили.

Однажды вечером через несколько месяцев после того, как к нам переехала жить Мариетта, она возвратилась домой гораздо позже, чем обычно, и за весь вечер не проронила ни слова. Я заметила, что за последние несколько недель она начала всё чаще возвращаться поздно и, казалось, стала — не счастливее, поскольку раньше она была счастливой девушкой, — а какой-то более спокойной, уверенной в себе.

Неожиданно она выпалила:

— Я хочу вам что-то сказать. Только не знаю, с чего начать... Ну, в общем, я познакомилась с молодым человеком, который мне очень нравится.

Она познакомилась с ним во время посещения в больнице своей двоюродной сестры. Он был калекой. Вся левая сторона его тела была парализована после заводской аварии, и это повлияло на его речь. В течение нескольких месяцев он был полностью немым и не в состоянии передвигаться без инвалидной коляски.

— Но теперь ему намного лучше, и он может передвигаться с палками, хотя очень медленно. Вот только он не может хорошо говорить. Я его понимаю, но другие люди на первых порах не могут понять, что он говорит.

На следующий вечер молодой человек пришёл к нам, старательно преодолев три лестничных пролета. Как и предупреждала Мариетта, его было трудно понять. В тот вечер у нас остановились несколько друзей из другого города, все собирались спать на полу. Выяснилось, что Петру тоже некуда было идти. Раньше он жил в чьём-то подвале, а после того, как вышел из больницы, потерял даже его.

Таким образом, страдающая от приступов эпилепсии Мариетта вышла замуж за немого калеку Петра, который также пришёл жить к нам. Теперь нас было четверо, не считая гостей, почти каждую

ночь ютившихся в нашей крохотной конуре: жён арестованных пасторов и христиан, не смевших вступать в контакт с бывшей узницей в дневное время.

Одним из таких гостей часто бывал юноша, который работал поваром в милицейской столовой. Там никогда не было недостатка пищи, и он часто приносил нам свой хлеб.

Глава 18
Подпольная церковь

Михай принес из школы прибаутку, которую он, конечно же, услышал не на уроке истории. Гитлер, Наполеон и Александр Македонский в аду взяли выходной, чтобы посмотреть парад, проходящий на Красной площади в Москве. Когда мимо Гитлера проходили колонны танков, он сказал: «Если бы я знал, что Советская Армия настолько сильна, я никогда не напал бы на Россию». Александр Македонский заметил: «Если бы у меня была такая армия, как эта, я бы завоевал весь мир». Наполеон, оторвавшись от изучения советской газеты, поднял голову и сказал: «Если бы только все газеты были так послушны, как *«Правда»,* мир никогда бы не узнал о том, что произошло под Ватерлоо».

Михай любил собирать анекдоты про коммунизм. Закончив обучение в начальной школе, он не мог продолжать обучение. Дети политических заключённых не имели права на высшее образование. Поэтому у него было достаточно времени, чтобы искать работу. Однажды давний друг Ричарда услышал, как тот играет на фортепиано, и предложил ему работу.

— Я ухаживаю за инструментами в Государственном оперном театре, — сказал он. — Мне нужен помощник с тонкими пальцами и хорошим слухом.

Чтобы получить эту работу, Михаю пришлось заполнить анкету, состоящую из шестнадцати страниц. Среди многого прочего, он должен был указать адреса двух соседей на каждой улице в каждом городе, где он жил за последние двадцать лет. Ему было всего пятнадцать...

— И убедись, что соседи знают, что сказать, когда к ним придут из Департамента безопасности, — предупредил друг отца Михая.

Получив анкету, Михай пошёл в отдел кадров и попросил ещё один экземпляр, сказав, что предыдущий он испортил чернилами. Затем он заполнил оба экземпляра, один из них оставив себе, чтобы сверяться с ним при заполнении анкет в последующие годы. Эти

вопросы следовали за ним при получении каждой новой работы в течение многих лет, и если бы ответы на вопросы не совпадали, ему было бы не избежать неприятностей.

Одним из вопросов анкеты был: Имел ли ваш отец аресты? Михай написал: «Нет», про себя подумав: «Он был похищен на улице. Это не арест». Был ли он прав?

Он был принят на работу с зарплатой, составляющей для нас очень большую сумму денег, а также получил продовольственную карточку, позволяющую ему покупать хлеб. Друг отца обнаружил, что у Михая отличный слух и он может легко определить ноту и тональность: «Он делает свою работу лучше, чем я, несмотря на то, что я работаю здесь уже в течение сорока лет».

Михай стал специалистом по ремонту разного рода музыкальных инструментов. Поэтому, когда через 18 месяцев, в конце концов обнаружилось, что он — сын политического заключённого, у него уже был широкий круг собственной клиентуры среди музыкантов Бухареста. Таким образом, несмотря на потерю работы, он мог заработать на своё обучение, а также самостоятельно покупал книги для получения домашнего образования. Я же взяла на себя всякого рода случайные заработки, чтобы содержать семью.

Сначала это был кооператив по разведению шелкопряда, о котором Мариетта прочитала в журнале: «Выращивание шелкопряда в домашних условиях станет дополнением к вашему доходу и поспешествует в строительстве социализма».

Михай ухмыльнулся.

— Ты, Мариетта, наверное, спишь и видишь себя в шикарном вечернем платье из доморощенного шелка!

— Нет, серьезно, — настаивала Мариетта. — Шелк стоит много денег.

Михай потянулся к журналу.

— Да, но всё, что вы будете производить, придётся сдавать в государственный кооператив. Как вы думаете, сколько вам будут платить за это? А где мы будем их держать? Если вы думаете, что я соглашусь есть за столом, на котором будет стоять коробка грязных старых шелкопрядов, то вы глубоко заблуждаетесь.

— Мы могли бы держать их под твоей кроватью.

— Разве что под *вашими* кроватями.

— А что шелкопряды едят?

— Листья тутовника, глупыш, это же всем известно!

— Михай, помнишь, когда ты жил у тети Алисы, за углом от её дома был госпиталь, а через дорогу, напротив дома, кладбище?

— Да. Это всегда очень ободряло меня.

— На этом кладбище полно тутовых деревьев. По крайней мере, мы всегда могли бы кормить этих шелкопрядов.

Таким образом, мы обзавелись коробкой, содержащей сто маленьких личинок, и листом инструкции по выращиванию шелкопряда.

Михай начал зачитывать отрывки:

— «Когда шелкопряд готов превратиться в мотылька, он вращается вокруг себя и оплетает своё собственное тело коконом». Я и не подозревал, что шелкопряды превращаются в мотыльков. Будьте осторожны с ними, мама. А то однажды вы снимите крышку, и они улетят.

Он продолжал изучать инструкцию:

— «При разматывании кокона образуется шелковая нить, длиной во много сотен метров». Это будет немного неудобно сделать здесь, не так ли?

Мы заглянули в картонную коробку, в крышке которой Михай прорезал дыры. Гусеницы были некрасивые, пепельно-серого цвета и около семи сантиметров в длину. Они также были очень прожорливы. Жизнь тутового шелкопряда, казалось, состоит из одного непрерывного группового приема пищи, в конце которого он заворачивается в кокон из собственной шелковой нити, которую можно наматывать на катушку.

На протяжении первого времени Михай мог свободно собирать листья шелковицы на кладбище. Однако вскоре сторож заметил его и начал выгонять.

— Нужно собирать их под покровом темноты! — предложил Михай.

На следующий день, поздно вечером, вооружившись бумажными пакетами, он перелез через кладбищенский забор и вернулся с триумфом и запасом листьев на несколько последующих дней.

— Мёртвым они не нужны, — рассуждал Михай.

Я вспомнила, что в Книге Откровения написано, что в небесном Иерусалиме листья дерева жизни используются для исцеления.

— Я рада этому, — сказала Мариетта. — Потому что это доказывает, что там найдется место и очень больным душам.

Личинки шелкопряда — суетливые существа, искусственно культивирующиеся уже в течение 4 тысяч лет. Они не любят температуры выше 25°C и ниже 16°C. Они любят свет, но не слишком яркий. Во время линьки, которая происходит каждые несколько дней, их нельзя беспокоить.

— Тсс, — прошептал Михай, цитируя листовку: «В течение каждого периода изменений личинки необходимо ограждать от шума».

Примерно через месяц повторных налетов на кладбище у нас было уже 100 маленьких коконов. Мы отнесли их в кооператив, и нам заплатили достаточно, чтобы купить еду на два дня. Еда, даже если её было всего лишь на два дня, в нашем доме всегда приветствовалась.

Я взяла домой ещё сто только что вылупившихся личинок.

— О, нет! Только не это! — застонал Михай, увидев их.

В течение нескольких месяцев наша «ферма» по разведению шелкопряда процветала, пока в один прекрасный день я не нашла наших личинок бледными и опухшими, как если бы они вот-вот собирались лопнуть. Михай просвистел «Похоронный марш» Шопена и отправился в библиотеку, чтобы узнать, что с ними произошло, из книги по разведению шелкопряда, которую он там нашел незадолго до этого.

— Да, — сообщил он, вернувшись, — это состояние наблюдается довольно часто и называется «grasserie». Его причиной являются сквозняки.

Я ответила:

— Но «grasserie» означает всего лишь ожирение.

— Точно так, — согласился он. — Это — форма водянки.

В Библии написано, что Иисус исцелил от водянки больную женщину, однако нигде не написано, что Он повторит это чудо для моих шелкопрядов. Поэтому нам пришлось выбросить их.

* * *

Я занялась другой работой, на этот раз изготовлением швейных и вязаных изделий. И таким образом, благодаря небольшим суммам,

которые мне удавалось заработать, и деньгам, получаемым Михаем, мы выживали.

Шёл год проведения Международного фестиваля молодежи. Комсомольцы и сочувствующие им из многих частей мира съехались в Бухарест. В течение трёх месяцев до начала фестиваля в магазинах не было ничего, совершенно ничего. Очереди за хлебом и чём-либо съедобным стали бесконечными. Только иногда, после длительных поисков и ожидания, мы находили кусочек сливочного масла или небольшой пакет муки.

Начался фестиваль. Внезапно магазины стали переполнены товарами. В течение этих трёх прекрасных недель мы увидели многое из того, что не было замечено в Румынии ещё с довоенных времен. Михай приходил домой, восторженно восклицая: «Я гастрономе я видел коробки с фигами и конфеты, завёрнутые в золотые бумажки!»

После окончания фестиваля, в течение нескольких месяцев, нехватка была ещё хуже, чем до него. Чтобы впечатлить иностранных гостей, государство растратило все запасы продовольствия.

Михай рассказывал, что комсомольцы из-за рубежа столь же индоктринированы коммунистами, как и наша собственная молодёжь. Многие румыны, сделавшие необдуманные замечания в адрес молодых людей из Франции или Италии, были тут же арестованы секуритате. Среди прочих был арестован и знакомый Михая.

Всё это было так неправильно, и лживо, и некрасиво! Слыша подобное, я ненавидела эту злую систему, уничтожившую достойную мысль и жизнь на более одной трети территории мира. Крестьяне вынуждены воровать с земель, которые когда-то принадлежали им. Рабочие фабрик подвергались террору и были лишены каких-либо прав. Всё, сверху донизу, было пронзено коррупцией. Директора крупных государственных магазинов на черном рынке продавали товары на миллионы, предназначенные для продажи в магазинах. Ложь и доносительство заполнили нашу жизнь. А учить людей тому, что ненавидеть коммунистов — это плохо и неправильно и что победить коммунизм способны только сочувствие и любовь, часто выпадало на долю именно бывших заключённых, тех, кто больше всего пострадали от коммунистов.

Однажды Михай рассказал историю, которая показывает, как внимательно людям приходилось следить за тем, что они говорят.

Двое друзей встречаются в автобусе. шёпотом один спрашивает другого:

— Что ты думаешь о премьер-министре Георгиу-Деже?

Сосед прикладывает к губам палец:

— Ты с ума сошел? — бормочет он. — Нас могут услышать!

Они выходят из автобуса и идут через парк.

— Так что же, — настаивает первый, — каково твое мнение?

На расстоянии нескольких сотен метров от них сидят незнакомые люди.

— Тише, — отвечает другой. — Нас могут услышать!

В конце концов они оказываются в совершенно пустынном месте. Вокруг ни души.

— Ну а теперь уже скажешь, что ты думаешь о Георгиу-Деже? — допытывается первый человек.

— У меня о нём самое высокое мнение! — отвечает собеседник.

На самом деле, по-настоящему важным было не то, как нам удавалось наскрести на жизнь и не умереть с голоду, а то, как приходилось тайно собираться под надзором милиции, бодрствовать в молитве и не терять веры, самим ничего не имея, заботиться о женах и детях заключённых, что само по себе влекло наказание, и стараться не потерять доверия к своим братьям и сестрам. Именно это и было нашей с Жанеттой работой на протяжении многих лет, в то время как Ричард находился в тюрьме.

Поскольку всё больше и больше арестовывали честных и хороших пасторов, на плечи их жён падало много работы по созиданию подпольной церкви. Сотни из нас стали служителями-самоучками, которые учились проповедовать прямо во время проповеди. К нам в Бухарест приезжали женщины изо всех уголков страны, чтобы попросить совета или рассказать о том, что, несмотря на арест пасторов, церковь продолжает действовать под их началом. Вскоре мы обнаружили, что такие встречи занимают почти всё наше время.

На Западе до сих пор спорят о том, позволительно ли женщинам руководить церковью. На Востоке эта проблема давно уже решилась сама собой. При коммунизме, когда пасторов арестовывают и отправляют в заключение, их места часто занимают их жены, рукоположенные Самим распятым Христом.

У подпольной церкви в городе было бесчисленное множество тайных мест встречи, часто в подвалах и на чердаках, как наш. В тёмные ночи в окне мерцал огонек, а вверх по лестнице взлетали, под прикрытием темноты, люди, которые, оказавшись у нужной двери, издавали особый, еле слышный и известный им одним и хозяевам, стук. Мы ютились в помещениях таких жарких и душных, что в них не было достаточного количества воздуха даже для пламени лампы. Она едва мерцала, оставляя комнату в полутьме.

Идея использования тактики коммунистической ячейки против коммунистической партии возникла однажды в разговоре с пастором Греку, который часто приходил к нам поздно ночью. Он был служителем зарегистрированной церкви, лицензию на проведение богослужений которому дали только потому, что всем было известно, что он пил. Пьяные священники очень нужны были коммунистической пропаганде. Дело только в том, что властям не было известно, что он пил, чтобы иметь возможность сохранить церковь, и ровно столько, сколько было необходимо, чтобы пустить им пыль в глаза.

Сердце пастора Греку принадлежало Богу. Он оказывал огромнейшую помощь подпольной церкви. Он нёс подпольное служение, которое выходило далеко за пределы, установленные государством. Так поступали многие пасторы: между зарегистрированной церковью, санкционированной правительством, и подпольной церковью не было границы. Они были переплетены между собой.

Преследования всё больше и больше стирали межконфессиональные границы: католики, православные, лютеране, баптисты, пятидесятники — все мы опустились к истокам чистой веры. Все вместе мы были похожи на раннюю церковь.

Между пастором Греку и мной велось множество дискуссий относительно тактики развития церкви. Жанетта теперь стала опорой нашей общины. Мы оба читали труд Ленина *«Что делать?»,* в котором он изложил свой план по завоеванию мира. Он был написан в 1903 году, когда все существующие в то время большевики могли поместиться на один диван. В книге даже была иллюстрация — они все сидят на диване. Один из первых ленинских принципов — внедрение в конкурирующие организации. Это один из немногих действенных его принципов. Когда коммунисты пришли к власти в Румынии, мы

обнаружили, что они уже давно пытаются втереться как в антикоммунистические объединения, так и в религиозные (церкви, семинарии). Лишним будет даже упоминать об инфильтрации самого священства.

Теперь мы поменялись ролями. Сейчас у власти находились они. И мы видели, что подпольная церковь не может активно работать, если мы не проникнем в коммунистические организации, которые пытаются уничтожить нас.

На первый взгляд казалось, что такие шаги противоречили нашим принципам. Однако пастор Греку часто повторял:

— Христос назвал храм вертепом разбойников, но после Его смерти и воскресения апостолы намеренно продолжали нести там служение. Нестандартные обстоятельства требуют нетипичных действий.

Тем не менее я никак не могла решиться на это.

— Многие из наших братьев и сестёр предстанут перед моральной дилеммой. Став членами коммунистической партии, они будут вынуждены делать так много неприемлемого христианину. Верующие люди обязательно выдадут себя и в течение месяца будут отсеяны.

— Некоторые из них могут оказаться хорошими актерами. Молодым это будет намного легче. Для них не будет проблемы поступить в комсомол. Потом в партию. А оттуда — в милицию и потом в Департамент безопасности, — убеждал меня пастор Греку.

Я решила, что мы должны-таки взять урок у русских и применять его с помощью тех, кто приходит на наши тайные встречи.

Люди, посещающие подпольные богослужения, полны энтузиазма и готовы служить. Перебрав всех их в памяти, я мысленно разделила их на две группы.

Большинство из них не согласилось бы сыграть ложную роль. Я знала, что они отказались бы, предложи я им внедриться в логово коммунистов, аргументируя свой отказ тем, что им придётся неоправданно лгать.

Умереть, по крайней мере, это быстрый процесс. Есть и другие формы мученичества, намного более тяжелые.

Вторая, гораздо меньшая группа, имела мышление апостола Павла, великого завоевателя душ для Христа. С евреями он был евреем, а с греками — греком, таким образом, приводя и тех, и других к вере. Но даже в этой группе лишь немногие избранные владели нашим всецелым доверием. Они сразу же согласились с тем, что не имеют права оставить подпольную церковь незащищенной только ради того, чтобы сохранить свою собственную целостность. Эгоистичное желание избежать испытаний и не потерять репутацию в глазах других верующих не оправдывает того, чтобы позволить бесчисленному количеству христиан оказаться в тюрьмах. Лишь один из ста наших членов знал об этом предприятии. Это делалось с целью безопасности.

Пастор Греку задавался вопросом, не будут ли родители возражать, что их дети возьмут на себя столь опасные задания. Я ответила: «Когда я училась в школе, нам рассказывали о короле Стефане Великом. После того, как он был ранен на поле боя, ему удалось добраться до ворот своего замка. Его мать спросила:

— Кто там?

— Это ваш сын, Стефан! — ответил король.

— Ты не можешь быть моим сыном. Мой сын не оставил бы поле битвы в то время, когда его армия всё ещё сражается. Он бы остался и боролся до конца. Я не знаю другого сына!

Многие матери, которых я знаю, воспитаны в таком же духе.

— Они, должно быть, очень посвящённые женщины, — ответил Греку.

— Я знаю, что чувствуют матери, которые приходят сюда. Если бы коммунисты доказали мне, что Ричард умер в тюрьме, меня переполнила бы не только скорбь, но и гордость. И этот дух с каждым днем распространяется всё больше. Если можно гордиться сыном, павшим за свою страну, насколько больше можно гордиться сыном, который принял мученическую смерть за Господа Иисуса Христа!

Пастор Греку горько улыбнулся:

— Умереть, по крайней мере, это быстрый процесс. Есть и другие формы мученичества, намного более тяжёлые.

— Да, их множество, — вступила в разговор Жанетта. — И, на мой взгляд, гораздо более сложно пожертвовать своей внутренней

целостностью и христианской репутацией, чем пожертвовать свободой или даже, возможно, жизнью.

Пастор Греку встал, собираясь уходить, и отряс крошки со своего потертого костюма.

— Как странно, должно быть, жить в мире, где от человека не требуется ничего этого!

* * *

У Мариетты была подруга, красивая девушка из провинциального городка, которую я буду называть Труди. Ей было восемнадцать. Она имела темные, пушистые волосы и сверкающие глаза. Во время одного из нескольких её визитов к нам я сказала ей:

— В тюрьме надзиратель говорил нам, прежде чем начать избивать: «Вы хотели стать мучениками, так что теперь страдайте!» И мы страдали. Но даже в худшие времена наши сердца были переполнены радостью, поскольку мы знали, что страдаем за Иисуса, как это делали и первые христиане. Однако теперь в наших силах сделать нечто большее для Христа, чем страдать за Него. И ты, Труди, можешь помочь церкви в этом.

Она посмотрела на меня своими огромными карими глазами. Труди была тихая, умная девушка. Она не боялась никакой работы. Наблюдая за ней, можно было безошибочно сделать вывод, что она — не тот человек, которого можно легко сломать. Она была старшей дочерью в большой семье. На протяжении многих лет она была и няней, и ангелом-хранителем для всех своих братьев и сестёр.

Я объяснила ей, что наблюдаю за ней уже на протяжении длительного времени и что мы ищем девочек, которые должны будут вступить в комсомол.

— Появилась чудесная возможность. Полковник Ширкану, который работает в Департаменте безопасности, попросил своего сержанта найти девушку, которая помогала бы с работой по дому. У них большой дом в одном из лучших кварталов города. Его жена довольно экстравагантна и крайне глупа, однако достаточно снисходительна. Если бы ты подала заявку на это место через службу занятости, то могла бы узнавать много полезной для церкви информации.

Она ничего не ответила. Ничего в её лице не изменилось, только заблестели карие глаза. Я продолжала:

— Они бы ничего не заподозрили. Сержант попросил свою жену поспрашивать среди своих друзей. И вот они нашли бы тебя. Никто не знает, что ты христианка.

— Но что я должна буду делать?

— Сначала ничего. Устроишься, привыкнешь. Получше познакомишся со всеми в доме. Я заметила, что люди любят рассказывать о своих проблемах. Помнишь, как пожилая госпожа Томазиу вчера показывала нам варикозное расширение своих вен?

Труди рассмеялась.

— Как будто вы медсестра!

На некоторое время она задумалась. Затем согласилась.

* * *

Однажды вечером пастор Греку сказал мне, что в Евангелии от Иоанна он нашел любопытный отрывок, который, по его мнению, намекал на попытку учеников внедриться во двор первосвященника:

— В нём сказано, что один из учеников был известен первосвященнику Каиафе, притом так хорошо, что в ту самую ночь, когда Христос стоял перед судом, этот ученик смог войти во двор храма и даже провести туда Петра.

Он предположил, что именно на этот отрывок мы должны делать акцент в разговорах об этом тайном служении с молодыми людьми, если они будут возражать. Однако мало кто из молодёжи возражал.

Я попросила нескольких девушек вступить в комсомол, однако держала их имена втайне даже от пастора Греку. Духовенство официальной церкви находилось под постоянным давлением, от них требовали информацию о членах их общин и прихожанах. Поэтому я решила, что лучше всего будет, если ему ничего о них не будет известно.

К этому времени мы стали свидетелями не одной подобной трагедии, порожденной бесконечным шпионажем. После того, как мы остались одни в комнате Михая, Алиса вздохнула:

— В Библии написано, что «любящим Господа, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу», но какое для нас благо,

хотела бы я знать, в доносах стукачей? Теперь мне страшно даже рот открыть.

Сначала я не знала, что ответить. Мне в голову приходили мысли исключительно о том страшном вреде, который они причиняли детям Божьим. Однако этот вопрос продолжал беспокоить меня. Той ночью, лежа в постели, я увидела духовный смысл даже в этом. Информаторы помогают нам понять, что, живя, мы постоянно находимся под наблюдением, подвергаемся исследованию. За всем, что мы говорим и делаем, следят ангелы; но они невидимы, поэтому нас это не так заботит. А информаторы — это такие же люди, как и мы, они живут рядом с нами и являются напоминанием нам о том, что каждое наше действие имеет значение.

У меня был свой способ обнаружения шпионов и информаторов. К нам домой под видом верующих не раз приходили агенты Департамента безопасности, чтобы выведать нужную им информацию. В первый раз, когда это произошло, я сразу же заподозрила, что они не те, за кого себя выдают.

На улице Олтени меня остановил мужчина.

— Простите, вы сестра Вурмбранд?

— Да, но боюсь, что я не помню, где мы встречались...

Ему было едва за тридцать. Его плащ был слишком новым, а в голосе чувствовалась тревога. Его взгляд был крадущимся.

— В Чернаводэ. Я был в четвертой бригаде. Я видел вас несколько раз в течение месяца, прежде чем меня перевели на мыс Мидию. Вы были большой поддержкой для нас, людей, с которыми вы не были знакомы лично, но которые до сих пор вспоминают о том, как вы отстаивали Христа!

Это был несколько неискренний комплимент. Пока мы шли, я задала несколько вопросов о канале. Его ответы были туманны. Я была уверена, что он никогда там не был, однако и не могла уличить его во лжи.

Он расспрашивал, где я жила, чем занималась, как зарабатывала на жизнь и прочее.

Он сказал:

— Я ведь тоже верующий. Я обратился к Богу в тюрьме. — И рассказал довольно смутную историю о христианине, который уговорил его на канале вернуться к вере своего детства.

Всё кончилось тем, что он сам пригласил себя в наши комнаты. Я позволила ему подняться по неярко освещенной лестнице и сказала:

— Добро пожаловать в наш дом.

Он начал задавать вопросы о моих политических убеждениях, а также политических взглядах моих друзей. Такие вопросы мог задавать только шпион. Поэтому я задала ему свой вопрос:

— Вы часто читаете Библию?

— Да, очень часто.

— Может быть, вы хотели бы что-нибудь прочесть нам?

И я протянула ему свою Библию. Михай, Жанетта, Мариетта, Пётр и ещё одна наша гостья замерли в ожидании.

Он читал что-то из псалмов и даже умудрился добавить несколько своих собственных ханжеских слов.

— Теперь давайте помолимся, — предложила я. — Будьте добры, ведите нас в молитве!

И мы преклонили колени вокруг него, в ожидании, пока он начнёт.

Он пробормотал несколько слов и остановился. Его щёки пылали. Он не мог подобрать слова для молитвы. Он знал, что теперь мы все знали, кто он на самом деле.

Наконец заговорила Жанетта:

— То, что вы делаете, очень неправильно! — сердито произнесла она. — Вы бы принесли себе огромную пользу, если бы перестали заниматься этим.

* * *

В 1938 году, в год моего обращения, Ричард подарил мне Библию. Каждая вторая страница в ней была оставлена пустой для заметок. И, поскольку в первые годы мы часто собирались, чтобы читать и изучать её, я записывала на них свои мысли, комментарии друзей и духовные откровения. Через некоторое время у меня была целая книга драгоценных слов и воспоминаний о духовных открытиях и о друзьях, живущих и уже умерших, из каждого региона страны.

Многие из моих заметок были зашифрованы, что сделало мою Библию подозрительной вдвойне. Однако даже после моего ареста Михаю удалось спасти её и спрятать в безопасном месте.

Когда я открыла и начала перечитывать мысли Ричарда, законспектированные мною в прошлом, мне начало казаться, что он стоит у меня за спиной. На меня нахлынуло сильнейшее чувство его присутствия, поддержки и ободрения. Я описала это ощущение в своих зашифрованных записках на страницах Библии, и когда я открываю свою Библию сейчас, я снова заново переживаю эти годы. За тридцать с лишним лет она стала изношенной и порвалась в нескольких местах, но она всегда была со мной, ибо представляла собой всё моё богатство, собранное на протяжении жизни. Курьер нашей миссии контрабандой вывез её для меня из Румынии.

В то время Библии были редкостью в Румынии, и многие христиане приходили к нам домой только для того, чтобы послушать чтение Слова Божьего. Я не имела возможности свободно присутствовать на встречах подпольной церкви в других местах, поскольку находилась под наблюдением и не имела права покидать город.

Однако Михай мог присутствовать как на тайных, так и на открытых встречах, которые проводились под видом праздников. В этих случаях до тридцати молодых людей могли собраться в доме или в большой квартире. Входя, ещё в коридоре они шумно поздравляли хозяина с каким-либо праздником. Включался проигрыватель, гремела танцевальная музыка, и в окна прохожие могли видеть, как молодёжь танцует. Через некоторое время музыку приглушали, и на её фоне звучала проповедь Евангелия. Потом молитвы. После этого проигрывали ещё несколько записей и начинали, на виду у соседей, шумно прощаться.

— У Эмиля в этом году было уже три дня рождения! — смеялся Михай. — А у его сестры — два юбилея. В следующий раз мы собираемся на пикник.

На воскресную экскурсию по сельской местности они ехали с магнитофоном. Вскоре экскурсия также превращалась в молитвенное собрание. На всех путях, ведущих к месту сбора, разместили дозорных. Если кто-то появлялся в их поле зрения, они давали предупреждающий знак.

Всё это придавало богослужениям большую напряжённость. Каждую деталь планировали заранее: место, время, пароль. Те, кто шли на них, знали, что могут не вернуться. Такие богослужения

очень отличались от тех, которые проходят в свободном мире. Каждый проповедник говорил свою проповедь так, как будто это была его последняя проповедь; ведь слова веры могли означать и тюрьму, и смерть, поэтому они имели особенное значение.

Большинство наших пасторов были членами официальной, зарегистрированной церкви. Столкнувшись с проблемой контроля правительством, что само собой является насмешкой над религиозной свободой, они решили продолжать нести тайное, подпольное служение. Это был единственный способ достичь молодёжи, единственный способ проповедовать истину о Христе. Каждое слово, сказанное ими в церкви, было предметом доносов.

Как-то Михай рассказал нам новейшую шутку:

— Министерство жилищного строительства получило распоряжение строить все новые жилые дома со специальными тонкими стенками, чтобы соседи могли шпионить друг за другом.

Но было ли это на самом деле шуткой?

* * *

Во время разнообразных христианских встреч меня часто спрашивали о моём пребывании в тюрьме и на канале. Сначала я не могла много говорить об этом. Мне не под силу было отыскать нужные слова.

Мало-помалу Михай помог мне говорить. Когда он узнал о том, как нас избивали и как мы вынуждены были есть траву, чтобы остаться в живых, он спросил: «Как ты могла вынести всё это и не сдаться, не отречься от Христа?»

Я ответила ему рассказом о своеобразии еврейского языка. На иврите, как не удивительно, некоторые события из будущего описаны в перфектном времени. Перфектным оно называется потому, что к нему относятся действия состоявшиеся, завершённые во время повествования. В 53-й главе Книги Исаии, где предсказывается приход Мессии и Его страдания, автор говорит об этих событиях, как будто об относящихся к прошлому, а не к будущему. Тем не менее эти слова были написаны за восемьсот лет до пришествия Христа.

Когда Иисус прочитал предсказания Своих тяжёлых страданий, они уже начались. Он был отвергнут и презираем людьми. Это было

Его настоящее и Его будущее. Однако Он читал об этих событиях на иврите, как если бы они уже произошли.

Именно так я и чувствовала себя во время страданий. Я пыталась объяснить радость от вечного присутствия христианского духа. Я находилась в райском месте, из которого никто не мог похитить меня. Где были страдания, через которые мне суждено было пройти? Наиболее неприкосновенная часть моего ума утверждала, что они принадлежали к прошлому. Я пережила страдания давно, в то время как настоящей реальностью была радость от близости к Господу.

Уверенность в том, что это уже произошло, спасла меня. Катастрофы постигают каждого из нас, но как только они проходят, с ними покончено. Так учит причудливый иврит. Сейчас мы переживаем уже состоявшиеся драмы.

Несколько лет спустя я обсуждала это с Ричардом. В одиночном заключении он, по его словам, чувствовал то же самое точно таким же образом. Это заставило меня задаться вопросом, не является ли это примером нашего общения в духе.

* * *

Через месяц после того, как Труди удалось получить работу в доме полковника Ширкану, пройдя множество собеседований с сотрудниками Департамента безопасности и заполнив множество анкет, она передала мне срочное сообщение. Она больше не приходила к нам, а оставляла информацию в доме учительницы, госпожи Ландауэр, которая передавала её нам.

Новость была плохая. Труди слышала, как Ширкану по телефону упоминал имя пастора Н., который часто приходил на наши встречи.

— Я уверен, что пастор Н. поможет нам, — говорил он.

Когда мы потребовали у пастора Н. объяснений, он сказал, что находился под угрозой длительного тюремного заключения. Его здоровье ухудшалось, и он не мог представить, как будет отбывать заключение в таком состоянии. Поэтому за несколько дней до нашего разговора он согласился «сотрудничать» с Ширкану, хотя пока ещё ничего не сделал для него.

Глубоко пристыженный, пастор Н. покинул Бухарест и уехал в провинциальный городок. После этого Труди передала нам имя студентки, которое Ширкану упомянул при аналогичных обстоятельствах.

Сначала девушка всё отрицала. Я положила руку ей на плечо.

— Пожалуйста, будь честна. Мы хорошо знаем, к какому давлению они прибегают. Многие люди по собственной воле рассказывали нам о том, что их принуждают писать доносы. Ты можешь сказать своим настоящим друзьям всё, что с тобой произошло.

Она не выдержала и встала на колени рядом со мной.

— Я просто шла по улице, — рыдала она, — когда рядом со мной остановился автомобиль и двое мужчин сказали: «Мы из милиции. Садись». Они никуда не отвезли меня, просто возили по городу в течение нескольких часов. Они говорили, что я должна еженедельно сообщать им обо всем, что говорится и происходит в вашем доме и в церкви. И если я откажусь, сказали они, с моей семьей произойдет непоправимое.

Таким образом, она согласилась. Но она поклялась мне, что не сообщила о нас ничего опасного. Я могла только надеяться на это.

Снова и снова Труди предоставляла нам ценнейшую информацию. Однако её самым эффектным «заговором» была способность превратить дом полковника в тайное убежище для тех самых людей, которых он пытался выследить. Теперь, когда Ширкану достиг коммунистической иерархии, его семья стала пользоваться огромными привилегиями. Он возил свою семью на длительный отдых в горы и на море. А дома, в качестве сторожа, оставлял доверенную Труди. Госпожа Ширкану называла девушку «своим маленьким сокровищем».

Однажды через госпожу Ландауэром пришло сообщение: «Почему бы не провести встречу здесь, в доме Ширкану? Они далеко, в течение нескольких дней их не будет, а дом большой и с несколькими выходами. Никто ничего не заподозрит».

И в самом деле, кому в голову могло прийти, что христиане вздумают проводить свои тайные встречи в доме человека, возглавляющего борьбу с ними? Я подумала, что стоит попробовать. В назначенный вечер, явно нервничая, один за другим, через определенные промежутки времени в дом прибыли полдесятка руководителей подпольной церкви. Нас встречала улыбающаяся Труди. Всё прошло отлично.

С тех пор мы встречались в доме Ширкану довольно регулярно — всякий раз, когда они были в отъезде.

Труди хорошо играла свою двойную роль. С течением времени всё больше и больше наших людей научились делать то же самое. Им приходилось петь коммунистические песни и восхвалять партию, и большинству это удавалось. Несколько христиан даже поднялись высоко в их рядах.

Я находилась в райском месте, из которого никто не мог похитить меня.

Мы учились из опыта подпольной церкви в России, которая пережила тридцать лет гонений. Братья из Бессарабии, провинции, украденной у нас Советами во время войны, рассказали, как там сопротивлялись местные христиане. Таким образом, мы учились действовать в подобных условиях.

Неизбежно нас подстерегали и неудачи. Для некоторых работников бремя двойной жизни оказалось слишком тяжёлым. Другие проявили сверхмерную смелость и поплатились за это.

Один христианин был директором Государственного книжного магазина, огромного здания в несколько этажей. У него в продажи, конечно же, не было Библий, но были огромные запасы учебников по атеизму, содержавших огромную сокровищницу текстов и стихов из Библии. Они сопровождались комментариями, целью которых являлось их порочить, но большинство из нас, читателей-христиан, просто смеялись над этими критическими заметками. Он продал много таких книг. Именно этот успех, возможно, и поспособствовал тому, что этот христианин утратил осторожность.

23 августа, в День освобождения, витрина его магазина привлекла толпы народа. Когда люди продолжали собираться вокруг неё, улыбаясь и даже аплодируя, среди любопытных появились сотрудники Департамента безопасности. Как позже рассказала нам Труди, именно полковник Ширкану разгадал эту загадку. Пробравшись сквозь толпу к витрине на улице Победы, он осмотрел портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, занимавшие большую часть пространства витрины. Но им никто не улыбался. Потом он заметил под портретами ре-

кламный плакат дешевого издания шедевра Виктора Гюго. Большими черными буквами на нём было выделено слово: «Отверженные».

Директор был арестован и отправлен в трудовой лагерь, где назначен на срезку камыша — другой государственный проект того времени в устье Дуная.

Глава 19
Отражая нападения

Через несколько месяцев после моего освобождения по темной лестнице к нашему жилью поднялся чиновник из Министерства внутренних дел — толстяк с громогласным голосом и прямым пробором посредине черных волос. Он нёс чемоданчик, полный бумаг.

Была ли я матерью? — хотел бы знать он. — Была. Была ли я хорошей матерью? Неужели я совсем не забочусь о своём ребенке? Разве я не хочу, чтобы он получил наилучшее образование? Разве не хочу, чтобы он трудоустроился и получал хорошую зарплату и продовольственные карточки? Конечно же, я хотела. *Так почему же мне не изменить свою фамилию? Как я осмеливаюсь назвать себя матерью!*

Он переменно то кричал, то разглагольствовал в таком духе в течение нескольких минут. Я сидела и молча смотрела на него. Чем меньше я буду говорить, тем быстрее он сможет высказаться и объявить мне, зачем пришел. А я знала, что пришёл он не просто так.

Развод. Что толку, сказал он наконец, оставаться привязанным к моему мужу-контрреволюционеру, которого я всё равно больше никогда не увижу? Развод с врагом государства — это вопрос здравого смысла для такой умной молодой женщины, как я. И если я не сделаю этого сейчас, то, конечно же, неизбежно сделаю это в будущем. Как долго, по моему мнению, я смогу противостоять государству в своём слепом, глупом упрямстве?

Таким образом, он запугивал и уговаривал, красочно описывая душераздирающие картины нашей будущей жизни. «Любовь, — издевался он, — *любовь!*» Любовь — это ненужный мусор, и, вообще, её не существует. А мне нужен новый муж и отец для моего сына, поскольку любить контрреволюционера невозможно.

Я думала: «*Как ты смеешь говорить мне такое в моем собственном доме?!*» Однако моя лучшая защита состояла в молчании.

— Я вышла замуж за своего мужа не только для счастливых времен. Мы соединены навсегда, и, что бы ни произошло, я не разведусь с ним!

Он спорил и убеждал ещё с полчаса, в то время как я ничего не отвечала. Даже Бог не может противоречить кому-то, кто молчит. Наконец, мужчина отступил, неодобрительно покачав своей большой круглой головой.

— Рано или поздно вы придёте к нам, — сказал он. — Все приходят, так и знайте.

Я слышала, как он с шумом спускается вниз по лестнице. К своей следующей жертве. С кем, скорее всего, ему повезёт больше.

Правительство предпринимало огромные усилия, чтобы заставить жён заключённых пойти на развод со своими мужьями. Во-первых, это делалось для того, чтобы сломить волю заключённого и заставить его прекратить сопротивляться или, ещё лучше, прекратить жить. Ведь весть о разводе ломает узника. Во-вторых, это помогало приобщить жён к коммунистическому образу жизни. Получив развод, женщины стремятся забыть своих мужей, а самый простой способ сделать это — оставить позади религиозную жизнь, церковь и христианское окружёние и принять линию партии. Я знала множество разведённых женщин, выкрикивающих насмешливые лозунги против политических заключённых — людей, которых они любили и от кого рожали детей. В-третьих, дети-сироты, а также полусироты находились под опекой, то есть во власти государства, и их легко было индоктринировать с самого раннего возраста. Чтобы получить развод, от вас требовалось только одно слово. Всё остальное было делом чиновников. Они позаботились бы обо всём остальном.

А несколько дней спустя мужу, в присутствии всех его сокамерников, объявляли: «Ваша жена бросила вас». заключённый думал: «*Кто же теперь будет обо мне заботиться? Какой же я дурак, что не плюну на всё и не подпишу то, что от меня хотят, чтобы выйти на свободу*». Даже если муж не подписывал документы на развод, его, вероятнее всего, не выпускали в течение ещё нескольких лет, а тем временем у его жены уже были дети от другого мужчины. Так разрушали семьи. Ни одна книга не могла бы вместить всех трагедий такого рода, свидетелем которых я стала после своего освобождения.

В тюрьме женщины обычно говорили: «Как глупа я была, когда ссорилась с мужем по пустякам. Если когда-нибудь я выйду отсюда, то буду самой хорошей и любящей женой!»

Однако, оказавшись на свободе, они часто меняли свою песню. «А почему бы и не развестись, если говорят, что так мне будет лучше? Он может провести в тюрьме всю свою оставшуюся жизнь. Как мне кормить детей без продовольственной карточки, как получить работу? Он не заботился о нас...» Таким образом они уговаривали себя согласиться с властью.

Я говорила таким женщинам, что мы должны любить своих мужей такими, какие они есть, и не упрекать за то, что они не стали такими, какими бы мы хотели их видеть. Я советовала им вспоминать счастливые моменты их семейной жизни и использовать их, чтобы преодолеть искушения.

Слишком часто я терпела неудачу. Давление было чересчур суровым. Однако иногда мне все-таки удавалось помочь людям увидеть свои супружеские проблемы в новом свете. Я часто вспоминала старую еврейскую историю. Озадаченный муж пришёл к раввину, жалуясь, что его жена родила ребёнка через три месяца после их брака. «Она, должно быть, изменяла мне!» — сказал он. Раввин ответил: «Вовсе нет. Вы прожили вместе с женой три месяца. Она прожила с тобой три месяца. Ты прожил с ней три месяца. В общей сложности это составляет девять месяцев. Всё в полном порядке!».

Часто, в попытке залатать брак, мне приходилось прибегать к компромиссу, как в случае с этим евреем. Когда женщины приходили ко мне с намерением развестись с находящимся в тюрьме мужем, я рассказывала им красивую историю о малагасийцах, народе Мадагаскара. Там, если семейная пара желает развода, они по-отдельности приходят к судье, который расспрашивает каждого о мельчайших подробностях их совместной жизни. Он составляет по их рассказам два письма и в день суда объявляет, что развод возможен, однако сначала пара должна прочитать всё, что он написал.

Жена читает: «Моя возлюбленная! В этот день, когда мы должны развестись, я вспоминаю, как прекрасна ты была в тот день, когда мы впервые встретились. Как мне хотелось быть в твоих объятиях, как мне хотелось стать твоим мужем! Я не мог дождаться конца рабочего

дня, чтобы быть рядом с тобой. Помнишь наш первый поцелуй...» Он описывает все самые счастливые моменты и воспоминания их совместной жизни. В то же время муж читает подобное письмо, составленное из воспоминаний его жены, заканчивающееся огромной благодарностью за все хорошие времена, несмотря на нынешний конфликт. Чаще всего в слезах пары мирно возвращаются домой.

Вы никогда не поставите вопрос о расторжении брака или разрыве дружбы, если постоянно вспоминаете о том прекрасном, что произошло между вами. Слишком часто, однако, мы забываем об этом.

Мы с Жанеттой были знакомы с красивой молодой женщиной по имени Майра Далея, воспитывавшей двух маленьких детей, муж которой находился в тюрьме в качестве политического заключённого. В течение семи лет женщина ничего не слышала о муже. Майра начала строить отношения с другим мужчиной. Дети росли, наполненные коммунистической пропагандой. Наконец из тюрьмы ей пришла открытка. Она отправила мужу посылку, но ничего не рассказала о своей жизни. Через одиннадцать лет её муж вышел на свободу и вернулся к своей семье. Их детям, мальчику и девочке, теперь было двенадцать и тринадцать лет. «Мы не знаем тебя, — грубо заявили они. — Кто ты, отец? У нас уже есть отец!»

Он попытался снова завоевать расположение Майры. Однако было уже слишком поздно. Она развелась с ним и вышла замуж за другого человека.

Это сломило её мужа. Я видела его иногда на улице со страшным, исстрадавшимся лицом раненого зверя. Он избегал меня. Несколько лет спустя, подавленный годами заключения и болью, причинённой изменой жены, он умер.

Жанетта заметила: «То, что происходит в тюрьмах, — это меньшая часть трагедии. Сотни тысяч людей, это целое поколение, а также их дети, на себе испытают последствия того, что с ними сделал коммунизм».

Иногда я была в состоянии помочь людям преодолеть искушения только потому, что сама не раз подвергалась им. В течение четырнадцати лет, проведенных Ричардом в тюрьме, я не раз была искушаема.

Наиболее серьезное из искушений пришло примерно через год после моего освобождения. Меня полюбил человек, который посещал наши

встречи. Мне тогда было сорок три. Я осталась одна с сыном, которому нужно было помочь преодолеть самый сложный этап в подростковом возрасте, когда мальчик по-особенному нуждается в отце. Годы проносились с пугающей скоростью. От Ричарда не было ни слова известия.

Этот мужчина был холостяком примерно моего возраста, твердый, надежный человек, которого Михай очень любил. Христианин-еврей, он жил в одной комнате со своими пожилыми родителями. Мы обменивались визитами, а иногда он водил Михая в кино или помогал ему с учёбой. В то время Михай с огромнейшим усердием учился дома.

Он был добрым и мягким человеком, который знал, как заставить меня смеяться. Мне в голову не раз приходила мысль: *вот мужчина, с которым женщина могла бы жить в любви и доверии*. Иногда, обращаясь ко мне, он брал меня за руку и смотрел мне в глаза с такой тоской... Я не могла забрать свою руку из его. Наши отношения никогда не пришли к черте, которую церковь или закон могли бы назвать прелюбодеянием. Однако в Божьих глазах это было прелюбодеяние. И в моём сердце также.

К счастью, пастор Греку заметил, что происходит между нами, и поговорил со мной, как я желаю, чтобы поступил каждый, кто видит, что его друг подвергается искушению.

— Ты знаешь, как я люблю и ценю тебя, — сказал Греку. — И моё отношение не изменится, что бы ни произошло.

Он говорил так эмоционально и искренне:

— Я знаю вас с Ричардом на протяжении многих лет. Надеюсь, что ты знаешь о том, что, независимо от того, согрешишь ты или преодолеешь искушение, потеряешь веру или сохранишь её, я всё равно буду заботиться о тебе так же — потому, что я знаю, кто ты, а не что ты сделала. Так что прости меня за то, что спрашиваю: что происходит между тобой и Павлом?

На мгновение я замерла.

Он продолжал:

— Не думай, что в моей жизни тоже не было таких испытаний. Пожалуйста, ответь на мой вопрос.

— Он любит меня.

— И ты влюблена в него?

— Я не знаю. Возможно.

— Я помню, как Ричард имел обыкновение говорить: «Никакая страсть не способна преодолеть препятствие разума. Дай себе время подумать о том, какой вред ты можешь причинить своему супругу и ребёнку. Я прошу тебя принять жесткое решение — наиболее сложное из всех: больше не видеться с этим человеком.

Я знала, что он был прав. Неделю за неделей мне с огромным трудом удавалось избегать Павла. Потом он сам перестал пытаться встретиться со мной.

Позже я узнала, что пастор Греку говорил и с ним тоже, напомнив о том, что Ричард в тюрьме. Только тогда я осознала, насколько близко за все годы ожидания я подошла к предательству своего мужа. Я опустилась на колени в молитве раскаяния.

Были и другие соблазны. Четырнадцать лет — слишком длительное время. Иногда я находилась на грани того, чтобы сдаться. Иногда это было всего лишь мимолетной плотской слабостью. Сексуальность — это безжалостная движущая сила, и мы должны осознавать свою уязвимость. Мы должны помнить и о своей собственной слабости, а не только о слабости других.

* * *

Однажды утром я мыла полы в церкви, когда ко мне прибежала Мариетта, размахивая открыткой.

По её щекам текли слёзы:

— Я думаю, я думаю, что это из...

Она не могла закончить предложение, просто опустилась на влажный дощатый пол рядом со мной и затаила дыхание.

Я повернула в руках маленькую дешевую открытку. На обратной стороне подпись: «Василе Георгеску». Почерк Ричарда — большой, неровный и красивый. Я не могла поверить своим глазам.

Я знала, что политическим заключённым разрешалось написать только десять цензурных строк.

Что он мог сказать, по прошествии стольких лет, даже не зная, живы ли его жена и сын?

Эта драгоценная, долгожданная записка начиналась словами: «Время и расстояние убивают маленькую любовь, а большая любовь

становится только крепче», — писал он и просил меня в указанный день прийти к нему в тюремную больницу в Тиргул-Окна.

Вскоре новость распространилась по всей подпольной церкви. Записку заучивали наизусть люди по всей стране. Она стала своеобразным символом веры.

В тюрьме у Ричарда забрали даже имя. Теперь его звали Василе Георгеску. Власти не хотели, чтобы люди знали, кто он на самом деле. Если тайна просочится за стены тюрьмы, из-за рубежа поступят вопросы. Ричард Вурмбранд должен был исчезнуть без следа.

Шел 1948 год. К верховной власти в России пробирался Хрущев. Появились первые признаки больших изменений в будущем. На протяжении всего 1954 года, после смерти Сталина, мы надеялись, что нам поможет Запад. Однако в 1955 году состоялась Женевская конференция на высшем уровне, а затем вступление Румынии в Организацию Объединенных Наций. Новости приходили шокирующие. Тюрьмы страны были заполнены десятками тысяч политических заключённых, и никто даже не предполагал, что Румынию примут в члены ООН, прежде чем все они будут отпущены на свободу.

Поскольку Ричард находится в тюремной больнице, он, должно быть, очень болен.

Несмотря на то, что устав ООН, требовавший свободы религиозным и политическим заключённым, был проигнорирован, конференция на высшем уровне принесла заключённым некоторое облегчение. Мы слышали об улучшении питания и предоставлении заключённым медицинской помощи. Распространились слухи об амнистии. Было разрешено больше посещений.

Открытка Ричарда была для меня лучшей новостью. Но мне так хотелось увидеть его, а выехать из города я не имела права. Каждую неделю я должна была отмечаться в полицейском участке. Мне отказали в отмене запрета на выезд из Бухареста. Так что вместо меня должен был ехать Михай.

Тиргул-Окна — это небольшой городок далеко на севере, по другую сторону Карпат. Поезд проделывает путешествие в несколько

сотен километров, огибая горный хребет. Я договорилась с Алисой, что она будет сопровождать Михая. Мы знали, что она не сможет увидеться с Ричардом, поскольку единственными посетителями, которых допускали к заключённым, были их жёны и дети.

Я осталась ждать дома. Их не было больше двух дней, и всё это время у меня в голове роились вопросы: смогут ли они встретиться с Ричардом? (Я вспомнила, как Михай проделал было ещё более длинный путь, чтобы встретиться со мной на канале, но встречу отменили и отправили его обратно.) Позволят ли Ричарду взять несколько теплых вещей и еду, переданные мной? Поскольку Ричард находится в тюремной больнице, он, должно быть, очень болен. Будет ли он в состоянии стоять или даже поговорить с Михаем?

Они вернулись поздним декабрьским вечером. Мы услышали, как они поднимаются по лестнице.

— Мы видели его! Мы видели его! — закричала Алиса, прежде чем вошла в дверь. — Он жив. Он жив!

Я отрясла снег с их плеч.

— Михай!

— Мама! С папой всё в порядке. Он просил передать тебе, что он знает, что вернется к нам в ближайшее время. Он сказал, что если Бог мог сделать одно чудо — позволить ему увидеть меня, то Он может выполнить и второе — вновь соединить нас вместе!

Вскоре мы все обливались слезами. Мы заварили им горячий чай, а они стали рассказывать о своей поездке. С нами были и Пётр с Марие́ттой. О, как мы радовались! У немого калеки, эпилептика, жены и сына заключённого не нашлось никаких препятствий для радости. Щеки Алисы краснели, а её тонкие руки трепетали от волнения, когда она говорила.

— Нам пришлось прождать много часов на снегу. Нас впустили в главные ворота, но оставили ждать за проволочным ограждением перед тюремной больницей. заключённые пересекали открытое пространство, чтобы добраться до большой металлической будки, где они могли встретиться со своими посетителями. Все они выглядели ужасно. Просто пугающе! Толпа темных изнеможённых фигур на фоне ослепительно белого снега, как серые призраки. И среди них, в первом ряду, я увидела Ричарда. Его невозможно было не заметить:

он такой высокий. Он махал, как ненормальный, хотя и не мог видеть нас. Мы были в средине толпы, в которой также каждый махал руками. Только Михаю было позволено говорить с ним.

Когда они, наконец, вышли из ворот тюрьмы, оказалось, что поезда обратно уже нет. Они переночевали у знакомых крестьян в маленьком городке.

Михай был настолько впечатлён встречей с отцом, что поначалу я не могла почти ничего от него добиться, хотя была слишком счастлива, чтобы обижаться на него. Мне хватило того, что сын сказал, что Ричарду разрешили взять еду и одежду.

Только позже я осознала, насколько шокирующей была для сына эта встреча: он увидел отца, которого так безмерно любил и уважал, за решёткой — бритоголовым, исхудавшим и еле живым.

Как только Михай увидел отца, он на одном дыхании выплеснул слова, которые приготовил заранее:

— Мамочка говорит, что мы не должны бояться, потому что если мы не встретимся снова на земле, то обязательно встретимся на небесах!

Утешительные слова! Ричард улыбнулся и спросил:

— Вам хватает еды?

Михай ответил:

— О да, наш Отец хорошо заботится о нас!

Сотрудник тюрьмы, прослушивающий разговор, улыбнулся. Он думал, что это значит, что я бросила Ричарда и снова вышла замуж.

В таких условиях они могли сказать немногое. Последними словами Ричарда были:

— Михай, единственный подарок, который я могу тебе дать, как отец, — это сказать следующее: «Всегда стремись к наивысшей христианской добродетели, которая состоит в том, чтобы правильно соблюдать меру во всем».

Я положила открытку Ричарда между страницами своей Библии. Время от времени я перечитывала её. В тюрьме он стал мастером в написании таких мини-писем. Позже он рассказывал, что другие заключённые обращались к нему за помощью, потому что он мог вложить в такое короткое письмо много смысла. Они также расспрашивали друг друга, что написал Ричард, и его слова мгновенно облетали всю тюрьму. В результате десятки заключённых начинали свои

письма: «Время и расстояние убивают маленькую любовь, а большая любовь становится только крепче».

* * *

1956 год начался мятежными настроениями со всем коммунистическом блоке. «Пятилетки» не дали ожидаемых результатов. Продукты питания стали дефицитом, как никогда ранее. Заработная плата находилась на чрезвычайно низком уровне. Все надежды, возникшие после смерти Сталина, рухнули. Тогда, в феврале, на XX съезде КПСС Хрущев провозгласил свою знаменитую речь осуждения в адрес Сталина и его правления. Русские её не опубликовали, однако в скором времени во всех странах Восточной Европы почувствовался ветер оттепели из Москвы.

Всё более явными становились признаки десталинизации. Огромные мощности милиции и Департамента безопасности многократно были уменьшены в размерах. Чтобы спасти экономику Румынии, с западными странами были проведены переговоры и подписаны торговые соглашения на миллионы долларов. Коллективизация была ослаблена. В ряде стран коммунистического блока партийное руководство начало испытывать трудности. Однако наиболее замечательным из всего, выше перечисленного, было ежедневное освобождение сотен политических заключённых в связи с амнистией.

Я не смела даже надеяться, что среди них будет и Ричард. У нас не было ни намеков на возможное освобождение, ни новостей о его приближении. Ему оставалось сидеть ещё почти двенадцать лет.

В одно прекрасное утро в июне 1956 года я вышла навестить друзей. Когда же я вернулась, Ричард был уже дома. Он обнял меня.

Это был вечер радости и слёз и поздравлений друзей, съехавшихся со всех уголков Бухареста. Глубоко за полночь мы позаимствовали у соседа матрас и постелили постель. Ричард был так высок, что нам пришлось подложить ему под ноги подушку.

Он не спал. Я знаю, потому что ни Жанетта, ни я спать также не могли. Примерно через час Ричард встал и тихо подошел к кровати Михая. В течение длительного времени он смотрел на сына, как будто пытаясь убедиться, что он никуда не исчез.

В тюрьме Ричард очень страдал от избиений и действия наркотических препаратов. На его теле было восемнадцать глубоких шрамов от пыток. Врачи обнаружили, что его легкие покрыты шрамами от уже исцелившегося туберкулёза. Они просто не могли поверить в то, что в течение восьми с половиной лет (из них почти трёх лет в одиночной камере в подземелье) он находился практически без лечения. Теперь он получил лучшую кровать в больничной палате. Ко всем освобождённым заключённым люди относились с добротой и великодушием, где бы они ни оказались. Они стали наиболее привилегированной группой граждан Румынии, что, несомненно, приводило коммунистов в бешенство.

Ричарду приходилось непрерывно менять место нахождения. Со всей страны к нему съезжались братья. Таким образом, он переходил из одной больницы в другую, чтобы не привлекать внимания секуритате.

Вскоре после того, как он совсем поправился, мы отпраздновали двадцатую годовщину со дня нашей свадьбы. У Ричарда не было ни копейки, чтобы купить мне подарок. Однако ему удалось где-то раздобыть красивый блокнот с добротным переплётом, в который каждый вечер он писал любовные стихи, адресованные мне. Михай и другие близкие друзья также записывали в нем небольшие пожелания. И в день нашего юбилея Ричард подарил его мне. Однако, к сожалению, этот прекрасный подарок недолго оставался со мной...

На теле Ричарда было восемнадцать глубоких шрамов от пыток.

С первым веянием политической оттепели Ричард получил разрешение проповедовать. Преследования очень сблизили церкви разных конфессий, и первым он был приглашен проповедовать в православном соборе в Сибиу, священник которого был его старым другом и соратником по приближению Царствия Божьего.

— Единственная проблема заключается в том, что скажет об этом митрополит, — переживал он. — Ведь священник должен перекреститься и так далее.

Ричард ответил:

— Я готов исполнить всё, что предписано православным обрядом, лишь бы я мог говорить людям о кресте Иисуса!

Я поехала в Сибиу вместе с мужем. Ричард был ещё слаб, и для него должны были найти что-нибудь, на что он мог бы сесть во время проповеди. Ему подготовили престол митрополита. Увидев это, люди начали говорить, что сам митрополит приедет проповедовать в их церковь. Однако вместо него пришёл человек, который, в придачу ко всему остальному, был ещё и евреем.

Чтобы получить возможность проповедовать людям о кресте и его значении, Ричарду пришлось перекреститься. Его проповедь, на первый взгляд, не имела политической подоплёки. Тем не менее информаторы передали каждое его слово, и секуритате поняли её скрытый смысл гораздо лучше, чем некоторые христиане.

Когда Ричард выступал в следующий раз, во время курса лекций студентам университета города Калуж, слушать его выступления был послан один из лучших специалистов Министерства культов. В своём отчете он написал, что лекции Ричарда — «это сплошной поток крамолы». Крамола же состояла в том, что он, один за другим, ответил на все марксистские аргументы против религии и полностью разгромил их. После этого на епископа лютеранской церкви было оказано давление, и ему пришлось, хоть и нехотя, но всё же лишить Ричарда права проповедовать в Румынии, принадлежавшего ему в течение всего шести недель.

На очередном заседании лютеранских пасторов представитель Министерства культов с ненавистью в голосе сказал: «С Вурмбрандом покончено, навсегда покончено!» И вышел из здания. Через несколько минут раздался визг тормозов и страшный грохот. Чиновник был сбит и размозжён по стене неожиданно выскочившим на тротуар автомобилем.

Ричард же продолжал проповедовать втайне. Он переезжал с места на место. Он говорил кратко в небольших церквях и во время подпольных встреч, и уезжал прежде, чем кто-либо мог сообщить о нём в полицию. Он выходил из дома, не говоря даже мне, куда идет, поэтому я жила в постоянном страхе.

Михай называл его «фантом-проповедником», хотя прекрасно понимал, что всем нам в то время было не до шуток. В любой момент Ричарда снова могли арестовать.

Не успел подойти к завершению этот год, как в Польше и Венгрии вспыхнули кратковременные восстания, которые сразу же были подавлены. Оттепель была недолгой.

Однако на протяжении четырёх месяцев между освобождением Ричарда и октябрьскими восстаниями мы получили небольшую передышку. Маленькая теологическая семинария в Сибиу получила разрешение обучить нескольких новых пасторов. Михай решил стать одним из них.

Теперь ему было восемнадцать, и он имел стальной характер. Он мало походил на мальчика, которого Ричард оставил дома так много лет назад. За это время он прошел напряженную духовную борьбу, а также множество физических трудностей. И, невзирая на индоктринацию и внушения, остался христианином.

Теперь Ричард помогал сыну укреплять свою веру, хотя с самого начала Михай предупредил:

— Отец, я люблю и уважаю тебя, но ты — это ты, а я — это я. Мы не имеем на всё одинаковые взгляды. У меня есть своё мнение!

Михай смог сдать все экзамены за среднюю школу, ни дня не посещая её с тех пор, когда ему исполнилось пятнадцать лет. Теперь он был твердо настроен на то, чтобы начать служение.

Ричард спросил:

— Ты уверен, что хочешь поступить в эту семинарию? Я настойчиво рекомендую тебе, как и любому другому молодому человеку, не делать этого.

— Почему же?

— Потому что то, чему в наше время учат в семинариях, — разрушительное учение. Вас не будут учить любви к Богу и к Библии или тому, как следовать примеру святых Божьих людей. Вы будете расчленять Библию, выбирать части из Слова Божьего. И это может стать ядом для ваших душ. Некоторые из преподавателей — благочестивые христиане, другие же — христиане ли вообще?

Однако Михай принял своё собственное решение.

Когда он приехал домой на рождественские каникулы, у всех нас был ужасный шок. Во время семейной молитвы Ричард читал из Евангелия, в котором Иисус цитировал Ветхий Завет.

— Я не думаю, — позже сказал Михай, — что Иисус имел знания, необходимые для правильной интерпретации Ветхого Завета в соответствии с научными стандартами.

— Иисус не имел знаний? — возразила я, чуть не плача.

Многие разговоры помогли Михаю преодолеть эту юношескую дерзость; он начал выступать против своих преподавателей, вдохновлённых коммунистическим учением, за что, в конце концов, на его голову свалилось множество неприятностей.

В то время он стремился стать миссионером в Индии. Он изучал индийские религии и индуистские практики. Я очень волновалась, наблюдая за тем, как в течение нескольких минут он стоит на голове, в соответствии с инструкциями хатха-йоги. Я спрашивала:

— Неужели ты не думаешь, что, для того, чтобы стоять, Бог дал тебе ноги?

Работая над своей дипломной работой, Михай начал изучать британских проповедников-нонконформистов, Бута и Сперджена, христиан, которые мало заботились о политкорректности теологии.

Коммунисты хотели, чтобы семинария продолжала свою работу (их целью было произвести впечатление на Запад, ведь Румыния только что вступила во Всемирный Совет Церквей), однако с наименьшим возможным количеством семинаристов. Когда заявку на вступление подали свыше 400 абитуриентов, власти были чрезвычайно встревожены. Они объявили желающим о том, что если те будут настаивать на поступлении в учебное заведение, их родители могут потерять рабочие места, поэтому многие «передумали» добровольно. К 1965 году в лютеранской семинарии в Клуже осталось всего пять студентов, а в баптистской семинарии в Бухаресте — шесть.

Михаю же удалось продержаться в семинарии города Сибиу целых три года. Там была хорошая библиотека, и некоторые из преподавателей были отличными людьми. Именно поэтому, когда Ричарда пришли арестовывать во второй раз, сына не было дома.

* * *

Мы знали, что рано или поздно это произойдет. Новая волна террора началась в 1958 году, и теперь мы поняли, как жестоко нас обманули. Многие действительно думали, что коммунисты заинтересованы в сближении с Западом и что это сближение когда-либо состоится. В прошлом люди пережили множество обманов, однако даже теперь они не научились понимать глубину изливаемой на них лжи.

В июле 1958 года был принят ряд законов, гораздо более жёстких, чем в любой другой из стран коммунистического лагеря. Множество мелких правонарушений влекли за собой смертную казнь, которая начала широко применяться уже к осени. Вернулись массовые аресты. Тысячи людей были отправлены в новые лагеря рабского труда, такие как расчистка болот дельты Дуная. Все несовершеннолетние правонарушители (молодые люди, которые критиковали правительство) были отправлены «на камыш».

Начался новый этап чисток в рядах официальных лиц. Все те, кто имели сомнительное социальное происхождение и заняли руководящие должности во времена «оттепели», теперь были уволены. Новый закон запрещал им, а также их детям занимать любые должности во всех отраслях общественного обслуживания.

«Скажи Михаю, что я его люблю... А также пастору, который предал меня!»

Была возобновлена борьба с религией. По приказу Хрущева по всей Восточной Европе церкви закрывали, а священников арестовывали в рамках семилетнего плана по «искоренению остатков суеверия».

Теперь наш чердак, более чем когда-либо ранее, стал штабом подпольной церкви. Избегать внимания властей становилось всё сложнеее. Каждый вечер Ричард молился: «Боже, если есть какой-нибудь заключённый, которому я смогу быть полезным, отправь меня обратно в тюрьму».

К этой молитве я нерешительно добавляла: «Аминь».

Однажды во вторник вечером в январе 1959 года к нам в слезах прибежала женщина из нашей церкви. За неделю до этого она одол-

жила у Ричарда некоторые копии его проповедей. По всей Румынии циркулировали сотни экземпляров таких копий, что было совершенно противозаконно. Теперь полиция совершила обыск в квартире этой женщины и конфисковала найденные там проповеди.

Через нашего информатора в партии нам стало известно, что Ричард был предан молодым пастором, который утверждал, что является его другом. Его, возможно, шантажировали и заставили подписать донос под угрозой заключения. Несмотря на это, я не вправе судить его. Мы любили его до этого, и лучше будет, если мы просто будем продолжать делать это.

В среду, 15 января, в час ночи, милиция, выбив дверь, ворвалась на наш чердак — раньше, чем мы успели соскочить с кроватей. Зажегся свет.

— Ричард Вурмбранд? Идите в другую комнату. И ждите там.

Наша крошечная квартира была переполнена людьми, которые открывали шкафы, выдвигали ящики, разбрасывали по полу бумаги. На письменном столе Ричарда нашли листы с заметками, машинописные проповеди, Библии. Всё это было изъято.

Затем они открыли мой подарок к нашему с Ричардом юбилею, блокнот, в котором он и Михай записывали мне свои стихи.

— Пожалуйста, не отнимайте у меня этот блокнот. Это личная вещь, подарок. Он не имеет для вас ни малейшей ценности.

Однако блокнот конфисковали.

Капитан приказал привести из соседней комнаты Ричарда. Тот был уже в наручниках.

Я укорила:

— Как вам не стыдно? Так обращаться с невинными людьми!

Ричард протянул ко мне руки, однако милиционеры перехватили их.

— Я не выйду из этого дома без сопротивления, если вы не позволите мне обнять мою жену! — пригрозил Ричард.

— Пусти его, — приказал капитан.

Мы вместе склонили колени в молитве, окружённые милицией и сотрудниками Департамента безопасности, а потом запели гимн «Иисус Христос — основа Церкви, её Господь».

На плечо Ричарда опустилась тяжёлая рука.

— Нужно идти. Уже почти пять утра, — сказал капитан. Он говорил тихо, его глаза блестели. Я пошла за ними вниз по лестнице. Ричард повернул голову и сказал:

— Скажи Михаю, что я его люблю... А также пастору, который предал меня!

Его затолкали в фургон.

Когда загудел мотор, я начала кричать:

— Ричард! Ричард!

Я побежала за фургоном по обледенелой улице, крича и рыдая ему вслед. Потом он исчез за углом, а я остановилась, запыхавшаяся, растрёпанная, растерянная...

Когда я вернулась на чердак, дверь была открыта. Рыдая, я рухнула на пол.

Я взывала: «Господи, я отдаю своего мужа в Твои руки. Я ничего не могу сделать, но Ты можешь пройти через запертые двери. Ты можешь поставить вокруг него ангелов. Ты можешь вернуть его!»

Я сидела в темноте и молилась, пока не наступил новый день. Тогда я начала вспоминать, что мне предстояло сделать сегодня. Пришла Алиса.

— У меня опять отняли моего Ричарда, — простонала я.

Глава 20
Новый террор

Сперва нужно было сообщить об аресте отца Михаю. Это было нелегко. Он и так пережил уже столько трагедий. К тому же новость необходимо было скрыть от семинарских информаторов, иначе он сразу же будет исключен. Сама поехать в Сибиу я не могла — там все меня знали.

Рано утром следующего дня Алиса зашла в поезд, следующий в Сибиу. Приехав туда, она села на скамейку в небольшом парке рядом с семинарией и начала ждать, когда Михай пройдет мимо. Она не осмеливалась спросить о нём других студентов. Если они сообщат о её визите (а не сделать этого было преступлением), то новость раскроется.

Она могла только надеяться, что Михай будет проходить мимо. В парке было очень холодно. Снег цеплялся за ветви деревьев и лежал толстыми перинами на скамейках. Ближе к вечеру появился Михай.

— Да, — тихо произнёс он, выслушав Алису. — Я ожидал этого. Передайте маме, что я сразу же приеду домой. Её также могут арестовать.

— Но как же твоя учеба? — спросила Алиса. — Ты трудился почти три года...

— Какое это имеет значение? Очень часто именно пасторы со степенями предают и уничтожают то, что построили настоящие «ловцы человеков». Лучше без степени. Всё равно, скоро все узнают об отце, и меня всё равно исключат.

Было очень поздно, когда Алиса вернулась на чердак и пересказала мне разговор с Михаем.

* * *

Мне посчастливилось увидеть Ричарда ещё раз, прежде чем он исчез на последующие шесть лет. Родственникам было разрешено

присутствовать на суде. Судебные заседания стали носить чуть более формальный характер, чем в бурные дни 1948 года. «Мы не заключаем людей в тюрьмы просто так, — говорили они миру, — у нас есть трибуналы, судьи...»

И вот они сидели передо мной на возвышении под красным знаменем с надписью: «Правосудие для народа, на службе у народа». Их было пятеро. Над ними висели портреты Георгиу-Дежа и других хорошо откормленных государственных партийных деятелей.

Врагов народа ввели через одну дверь и вывели через другую. Дело рассмотрели, защиту предоставили, приговор вынесли. И всё в течение нескольких минут. Лица священников, крестьян, цыган, журналистов мелькали, как на конвейерной ленте.

Ввели дворника, который, напившись, кричал: «Георгиу-Деж — старый идиот. Его нужно вернуть за пульт управления паровозом!» (Раньше Деж был железнодорожником.)

— Два года, — вынес приговор глава судебной комиссии. Дворника увели.

Ввели Ричарда. Ни я, ни он не слышали ни единого слова из того, что происходило дальше. Мы просто смотрели друг на друга. Возможно, в последний раз.

Позже Михай сказал мне, что это было повторное слушание его старого, засекреченного дела 1951 года. Прошение о помиловании тогда было отклонено, и подтвержден предыдущий приговор. Выходя, он в последний раз повернул голову и, взглянув на нас, улыбнулся. На его дело также потребовалось несколько минут.

Ко мне подошел секретарь суда, маленький, измученный человек, и вручил лист бумаги, на котором было написано, что Вурмбранд, Р., 1909 г. р., приговорен к двадцати пяти годам лишения свободы. Это на пять лет больше, чем в предыдущий раз.

Позже мы обнаружили, что одним из пунктов приговора является также огромный штраф на «судебные издержки» и конфискация имущества. Подобное происходило с семьёй каждого политзаключенного. У нас не было денег, поэтому два сотрудника налоговой инспекции пришли ругаться со мной. Уходя, они прихватили несколько дорогих для нас вещей, приобретённых нами с момента моего освобождения в 1953 году.

Нам оставили только кровати, стол и два стула. Мы считали, что нам очень повезло. Однако в течение следующих шести лет они приходили снова и снова, требуя денег, конфискуя всё, что только у нас появлялось. Зимой, весной, летом и осенью мне приходилось бороться с бюрократами за наши нищенские пожитки.

Это было время безумного страха. Каждый день арестовывали всё новых и новых наших друзей. Почти все наши близкие вернулись в тюрьмы. День и ночь перестали для нас существовать. Люди приезжали со всех уголков страны, рассказывая о терроре, закрытии церквей и исчезновении христиан.

В то время, пока с нами происходило всё это, Хрущев нанес в США визит, призванный «снять возникшее напряжение». Ходили разговоры о крупной встрече на высшем уровне в Париже в мае 1960 года. Всё это мы обсуждали в квартире госпожи Ландауэр.

— Вот увидите, Сабина, — говорила она. — После этой встречи ваш муж будет освобождён. Они смогут достичь согласия, и двери тюрем распахнутся!

Затем раздался телефонный звонок. Звонил сосед, чтобы сообщить, что на нашем чердаке полицейские проводят обыск.

— Не возвращайтесь сегодня! Тебя обязательно арестуют. Они уже арестовали Алису.

Алиса была, пожалуй, самой бескорыстной и щедрой женщиной, которую я знаю. Всё, что у неё было, она отдала другим. Она заботилась о детях политических заключённых, которые в буквальном смысле этого слова оказались на улице. Именно в этом и состояло её преступление.

Поскольку во время допроса Алиса отказывалась доносить на друзей, её ужасно избили. Ей выбили зубы, переломали кости и приговорили к восьми годам лишения свободы.

Той ночью полиция обыскивала наш чердак в течение двух часов. Кроме Алисы, они арестовали девушку, случайно оказавшуюся нашей гостьей. Всё это было обычной практикой.

Позже мы вернулись в перевернутую вверх дном квартиру. Кругом валялись одежда и бумаги. Кровати лежали на боку, а матрасы были изрезаны.

Михай сказал:

— Знаете, что они забрали? «Лечение ревматизма»!

Пожилая госпожа Томазиу переписала от руки множество страниц из книги немецкого врача, в которой он описывал весьма сомнительный курс лечения ревматизма. Она настаивала на том, чтобы я прочла её рукопись:

— Это очень редкая книга, дорогая. Я могу одолжить её тебе только на один день. Смотри, что бы ни случилось, не потеряй мои записи.

Мне было крайне трудно убедить госпожу Томазиу, что её рукопись была изъята Департаментом безопасности. Я и по сей день не думаю, что она поверила мне.

В попытках получить какие-либо новости из милиции об Алисе и других друзьях, которых каждый день арестовывали, проходили часы и дни. Успех был редкостью. Они исчезали в бездонном колодце тюрьмы. Может быть, в один прекрасный день мы снова услышим о них. (Только через длительное время после ареста Алисы мы узнали о том, что с ней произошло.)

Казалось, в тюремных застенках оказались все наши самые близкие друзья.

Пожилой господин Трифу, заменявший Михаю деда, был поэтом вроде У. Х. Дэвиса — без формального образования, крестьянин, который писал тексты небесной простоты и глубины. Михай, так сказать, воспитывался у него на коленях.

И господин Найлеску, возможно, величайший композитор духовной музыки в стране, после ареста которого его жена и четверо детей были изгнаны из их дома на улицу.

И пастор Армеану. Я неоднократно рассказывала его историю христианам на Западе. Все они думали, что я шучу. Он был приговорен к двадцати годам лишения свободы за то, что во время проповеди сказал: «Отложите свои сети вправо...» «Ага! — сказали они. — А почему не влево? Империалистическая пропаганда!» Об этом властям сообщил информатор, шпионящий в церкви, и это, как ни странно, стало предлогом к его аресту.

У пастора Армеану осталась жена и пятеро малолетних детей. Все они были депортированы в пустыню Бэрэган. Однажды госпожа Армеану постучала к нам в дверь, измученная и больная. Мы приняли её. Она не причиняла никаких неудобств, напротив, её кроткий характер

и готовность, не жалуясь, переносить все испытания помогали всем нам. Однако теперь нас на чердаке было уже пятеро...

Человек, которого мы все подозревали в доносе на пастора Армеану, пришёл на собрание подпольной церкви.

— Оставьте его в покое. Он был вынужден сделать это, — прошептала госпожа Армеану. Она хотела простить и забыть.

Только я этого сделать не могла. Я схватила его за руку и спросила, почему он сделал это?

Он взорвался:

— Они давили на меня в течение нескольких месяцев. Во всяком случае, я не сказал ничего, что было бы неправдой. Он действительно говорил то, о чём я сообщил, и, если бы я даже был согласен с этими словами, они всё равно контрреволюционны. Я исполнил свой долг так, как считал нужным.

— Тогда вы на стороне режима, который не останавливается ни перед чем? Который убивает и арестовывает невинных мужчин и отравляет детей атеизмом? — Он беспокойно заёрзал: — О нет! Конечно же, нет.

— Тогда почему же вам не сообщить и о том, что против режима не только ваш брат, но и вы сами?!

Моё сердце было полно горечи. Я знала, что пасторы и друзья, и даже епископ были прямо или косвенно виновны в аресте Ричарда. Они любили себя больше, чем принципы, которые проповедовали. Я боролась с собой, чувствуя, как меня переполняет ненависть к тем, кто отнял у меня мужа... и так много мужей у других женщин. Я молилась, но не могла обрести покой.

Тогда Мариетта вырезала откуда-то репродукцию картины одного из итальянских мастеров, изображающую Христа на кресте. Часто мои глаза останавливались на вырезке, висевшей на мансардной стене. И каждый раз, когда я смотрела на неё, я вспоминала последние слова Христа: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают». А также: «Я жажду»... Как предатели жаждут прощения, которое я, в своей горечи, удерживаю от них!

Эта мысль что-то изменила во мне. Я знала, что даже у святых может наступить время, когда любовь к себе станет сильнее, чем любовь к Богу. Лютеранский епископ Мюллер, наш добрый друг, имел обыкновение говорить, что тех, кого другие называют предателями,

Бог может рассматривать как слабых святых. Он говорил, что не обращает внимания на то, что окружающие могут считать его слабым епископом. Я решила отдавать любовь и не ожидать ничего взамен.

* * *

Зимой 1960-го снег выпал рано. Улицы были заметены сугробами, и никто старался не выходить из дома без крайней надобности. Из нашего окна выпало стекло, и Михай прибил поверх отверстия кусок старого ковра. Однако даже он не мог помешать решительно настроенному против нас ветру, который безжалостно завывал из-под двери.

— С таким же успехом мы могли бы сидеть и на улице, — сказала Мариетта. — Здесь не намного теплее.

Ковер не пропускал свет, и, несмотря на сквозняк, на нашем негерметичном маленьком чердаке пяти человекам в ночное время было ужасно душно.

Когда я не была занята служением в подпольной церкви, то топтала землю от одного правительственного учреждения к другому, пытаясь добиться разрешения отсрочить оплату штрафа, наложенного на Ричарда. В случае неоплаты в течение определенного времени у нас могли забрать всё, что осталось. Я ждала на скамейках в коридорах со сквозняками, чтобы попасть на приём к чиновникам или заполнить десятки сложных бланков. Только ничего из этого не получалось.

Однажды двое сотрудников налоговой службы забарабанили кулаками в дверь нашего жилища. Михай открыл и позвал меня. Они хотели денег. Я не могла заплатить? Очень жаль. Они пожелали составить список предметов мебели и домашнего хозяйства для конфискации. Я смогу забрать их, когда у нас появятся наличные деньги.

— Это не займет у вас много времени, — сказала я.

Они записали стулья, столы, столовые приборы, футляр от старого фонографа (оставшийся с тех дней, когда Михай ремонтировал музыкальные инструменты). На кровати они даже не претендовали — они были слишком ветхими, чтобы чего-либо стоить.

— Ковер, коричневый, маленький, — продиктовал первый мужчина, дернув за кусок ковра, закрывавший окно. Он упал, впуская в комнату свистящий ледяной ветер.

— Нет, лучше будем считать, что это часть окна, — сказал он. — Людям здесь спать.

И они повесили его обратно.

Я поблагодарила. Однако это было моей ошибкой. Я напомнила им об их долге.

— У вас есть три дня, чтобы заплатить. В противном случае у вас ничего не останется. — И они ушли.

Я провела всё следующее утро в попытках добиться, чтобы меня принял нужный мне начальник. Наконец пришла моя очередь. Он сидел в кабинке с картонными стенами.

— Вы хотите сказать, что у вас ещё не произвели конфискацию?! — он был в ярости. — Какое мне дело, как вам быть дальше? Приговор суда очевиден. Либо вы платите сразу, либо ваше имущество конфискуется. Вы не можете оплатить? Так тому и быть. Завтра мы первым делом придём к вам.

Спускаясь по лестнице, я не могла сдержать слёзы, которые текли по щекам. Дрожа и кашляя, я на мгновение остановилась в огромном холле, чтобы перевести дыхание, прежде чем окунуться в леденящий холод. К моему плечу прикоснулась чья-то рука. Это был высокий худощавый человек в очках и темном костюме, который спускался вслед за мной. Должно быть, это ещё один чиновник с какой-то новой угрозой. Он огляделся.

— Мне известно о вашем деле, — сказал он. — Вот. Возьмите.

И он сунул мне что-то в руку и торопливо исчез туда, откуда пришёл.

Я посмотрела на сложенные купюры, которые он сунул мне в руку. Их было достаточно, чтобы отложить конфискацию на несколько недель!

По дороге домой я не замечала ни своих промокших ботинок, ни замёрзших рук, ни крайнего истощения. Моё сердце было наполнено светом и спокойствием. Кто же этот добрый, щедрый человек, явивший мне знак Божьей любви? Михай осторожно навел справки и обнаружил, что он был из отдела налогов. Один из многочисленных друзей подпольной церкви. Мы не могли встречаться, это было слишком опасно, но каждый месяц с того дня и до тех пор, пока Ричард вышел из тюрьмы, он передавал нам часть своей небольшой зарплаты.

Михай, как и ожидалось, был исключен из семинарии. Наш друг епископ Мюллер сделал всё возможное, чтобы восстановить его.

Доктор Мюллер был презираем многими в лютеранской церкви из-за своего открытого сотрудничества с коммунистами, которые даже удостоили его наград. Вот только они не знали, что он сообщал подпольной церкви обо всех обсуждениях, которые он вёл с высокопоставленными чиновниками. Он также тайно защищал семьи христианских мучеников и заботился о них. Теперь, когда он мёртв, я могу говорить об этом открыто.

Михаю удалось пробиться на инженерно-строительный факультет университета, не признаваясь, конечно же, что он — сын политического заключённого.

— Через несколько месяцев или около того они всё равно узнают, — говорил он. — Тогда меня снова исключат.

Я пыталась заработать немного денег, работая на дому. Я нашла старую вязальную машину для вязания свитеров и пуловеров. Беда была лишь в том, что, когда я хотела работать, машина не хотела. Друг, который подарил мне её, вскоре обнаружил, что вместе с ней он подарил и себя. Он был механиком, и едва ли проходил день, чтобы я не звонила ему и не просила отремонтировать машинку.

Наконец, однажды он сказал:

— Всё. Полетели запчасти.

— Что это значит? — встревожилась я.

— Это означает, что машинку можно выбросить. В мусор её. Я не смогу достать нужные запчасти к ней.

— Ах, как же так! Мои пуловеры, несмотря на то, что иногда они получаются немного необычной формы, так хорошо продаются.

— Я поищу; возможно, смогу найти другую недорогую вязальную машинку.

Через неделю он пришёл с парой простых машин для изготовления носков. Теперь мы с госпожой Армеану обе были заняты. Проблемой были только иглы. Они часто ломались, а найти им замену в новой Румынии было на грани невозможного. Все поставки пошли на заводы. Механик хотел позаимствовать несколько игл у себя на работе. Но при выходе сотрудников обыскивали. Я не могла позволить, чтобы он подвергал себя риску тюремного заключения за иглу. Поэтому производство носков часто останавливалось на несколько месяцев.

Мы поставляли носки на чёрный рынок. Поскольку никто не мог продавать товары без разрешения государства (любая частная торговля являлась противозаконной), наши друзья продавали их у заводских ворот. Или на блошином рынке. Или на автобусных станциях. Везде, где наличие толпы народа давало им надежду не быть легко замеченными. Мы, в конце концов, бросили вязание. В шестидесятых годах были ослаблены экономические барьеры с Западом. Румыния получила западное оборудование и технологии. С появлением нейлоновых носков моим пришлось исчезнуть. Я была этому несказанно рада.

После этого моим источником заработка стало обучение языку.

* * *

— Товарищ Сабина Вурмбранд? — после наступления темноты у нашей двери появился молодой человек в темном плаще.

— Я — Сабина Вурмбранд.

— Завтра в 9 часов утра вам необходимо явиться в Министерство внутренних дел. Покажете дежурному эту карточку и спросите, как пройти в указанный здесь кабинет.

Он обвел меня холодным взглядом.

— Спокойной ночи! — и с грохотом зашагал вниз по лестнице.

В то время не было ничего более пугающего, чем вызов в органы. «Приглашенные» в Министерство внутренних дел, как правило, становились его гостями на неопределенное время. Неужели кто-то донес на меня? В ту ночь на чердаке наша маленькая семья грустила.

Рано утром я собрала небольшую сумку с туалетными принадлежностями и теплой одеждой. Попрощавшись со всеми, я отправилась по указанному адресу.

Кабинет был довольно большой, с коврами и занавесками. В приёмной сидела красивая девушка-секретарь. В дорогих рамках висели цветные портреты Ленина и компании. За столом, размером с рояль, сидел толстяк в штатском, лет около сорока.

— Присаживайтесь, товарищ Вурмбранд, — он указал на кресло. — Мы пригласили вас сюда, поскольку пытаемся разобраться в вашем деле. Расскажите мне о себе и своей семье. Не волнуйтесь,

ничто из сказанного вами не выйдет за пределы этих стен. У вас есть сын... (он взглянул на бумаги на его столе) Михай... Как его учеба?

Я сразу же поняла — это очередная попытка убедить меня подать на развод. Там, где потерпело неудачу давление, они будут применять вежливость. Он был обходительным и уверенным в себе, сидел, откинувшись на спинку кресла.

Я ответила:

— Я люблю своего мужа и, что бы ни случилось, я сохраню наш с ним брак. Мы соединены навсегда.

— Ну а теперь позвольте мне сделать вам небольшое предложение. Вы хотите, чтобы ваш ребёнок мог завершить своё образование? Вы хотите иметь право на труд и возможность жить своей собственной жизнью? Вы можете получить всё это, и причем очень просто. Только оставьте мне свой паспорт, и через сорок восемь часов мы вернём вам его со штампом. Забудьте слово «развод». Это всего лишь простая формальность, которую требует от вас государство. Разве это не разумный выход из вашей ситуации? — он сделал паузу, постукивая карандашом. — Конечно же, если вы не будете сотрудничать с нами, мы найдем другие способы воздействия. Когда мы чего-либо хотим, мы непременно добьёмся этого.

Я посмотрела ему в глаза.

— Предположим, что в один прекрасный день *вы*, как это случается со многими другими официальными лицами, окажитесь в тюрьме. Вы бы хотели, чтобы в это время ваша жена развелась с вами?

Он вздрогнул, а потом взорвался:

— Разве вы не отдаёте себе отчёт в том, где вы находитесь и кто я такой? Как вы смеете задавать мне вопросы! — он бросил карандаш в камин. — А теперь убирайтесь. Вон из кабинета! И не забывайте, что я сказал вам! Понятно?

Я взяла свою небольшую сумку и молча направилась к двери.

— Понятно?!

Однако он также понял мою позицию, поскольку это была их последняя попытка заставить меня развестись с Ричардом.

Теперь они решили сказать мне, что он мёртв. Это происходило два раза.

В первый раз ко мне пришли несколько молодых людей и сказали, что они — бывшие заключённые. Я думаю, что это так и было. Однако они избегали смотреть мне в глаза. А когда они начали рассказывать о том, как видели Ричарда в тюрьме, я сразу же поняла, что имею дело с провокаторами.

— Бедный пастор Вурмбранд, — произнёс наиболее смелый из них. — Мы не знаем точно, что с ним произошло. Перед смертью он стал очень капризным, ни с кем не разговаривал. Такое мы слышали о нём в тюрьме в Герле.

— Что вы пытаетесь сказать мне? Что он покончил с собой?

— Это неизвестно. Но мы знаем, что его вывезли из тюрьмы ногами вперёд. И кто имеет право обвинять его, если даже это и так?

Он хотел перехитрить меня, однако, даже если бы захотел, он не смог бы выбрать ложь, глупее этой.

— Бедный пастор Вурмбранд. Он был настоящим святым. Все так говорили.

— Пожалуйста, уходите. Сейчас же! — я не могла найти других слов.

— Мы пришли выразить вам, госпожа Вурмбранд, своё соболезнование...

— Идите же, пожалуйста.

Они выглядели ужасно виновными и пристыженными. Возможно, они сделали это ради продовольственной карточки или обещанной работы.

Во второй раз о смерти Ричарда объявили официально. Однако не мне самой. Человек в штатском появился в доме нашего друга. Они не хотели сообщать эту печальную новость непосредственно госпоже Вурмбранд. Было бы лучше, если бы это сделал друг их семьи? Нужно просто сказать, что пастор Вурмбранд умер после нескольких недель болезни и был похоронен на тюремном кладбище.

Я была рада, что меня избавили от очередной тошнотворной встречи.

Однако власти не останавливались на достигнутом. Имя Ричарда уже шёпотом звучало по всей стране. Он становился легендой. Дети не ложились спать, не помолившись о его безопасности. Чтобы положить этому конец, освобожденные заключённые были посланы в

дома христиан в нескольких крупных городах с целью убедить людей, что пастор в тюрьме покончил жизнь самоубийством. Но им никто не верил.

После этого Михай снова был исключен из учебного заведения за категорический отказ следовать коммунистическому учению. Он обнаружил, что Департаменту безопасности было известно о нём всё: его расписание, места, которые он посещал, адреса его друзей. У них были заведены дела на каждого христианина. Нужно было быть виртуозом-подпольщиком, какими мало кто из нас был, чтобы скрыть что-либо от секуритате. Мы знали, что люди информировали их о нас, и это было неотъемлемой частью жизни того времени.

Это была их последняя попытка заставить меня развестись с Ричардом.

— Мама, мне не хотелось бы говорить этого, но ты слишком сердобольная. Ты впускаешь в нашу квартиру всех этих людей. Стоит им только сказать: «Слава Господу!», как ты распахиваешь перед ними дверь. С этими стукачами нужно быть построже.

Я только хотела возразить, как он продолжил:

— Я боюсь, что тебя снова арестуют, мама. И меня. Они знают, что я по шею в вашем подпольном служении. Они составляют угрозу не только для нас — тех, кому, по крайней мере, известна степень риска, которому мы себя подвергаем, и кто имеет цель в жизни. Я думаю о мальчиках, с которыми я был знаком в Сибиу и которых два раза в неделю забирали и избивали до тех пор, пока они не пообещали стучать. О детях из Брашова, которые пытались создать партию свободы. Это была детская игра. Они даже вели дневник с записями своих встреч. Но коммунисты тоже любят играть. Сейчас все эти мальчики в тюрьме и, возможно, замучены до смерти.

Я думала об Алисе — этой кроткой, нежной женщине. Её растянули, связанную, на скамейке и били в зубы ногами. Ричарда также ужасно пытали во время его первого ареста, хотя он никогда и не говорил об этом. Что же ему приходится переживать теперь?

Мы знали, что, несмотря на недавний разгон милицией нескольких встреч подпольной церкви, другим таки позволили состояться. Умышленно, чтобы доносчики имели возможность добывать информацию. Теперь мы предприняли новую попытку борьбы с ними.

Наши встречи увеличивались в размерах до пятидесяти-шестидесяти человек. Нам нужно было быть особенно осторожными, если на них присутствовал кто-либо, занимающий весомое положение, например, преподаватель университета или член партии. За такими людьми наблюдение велось прежде всего. Встречи, на которых должны были присутствовать такие люди, мы ограничивали до десятка надёжных и верных братьев и сестёр.

Одним из способов выявить осведомителей было распространение заведомо ложной информации. Подозреваемому сообщалось о том, что в доме одного из нас должно было состояться собрание. Если в указанное время возле дома было замечено необычное количество ищеек в штатском, то мы знали, что этот человек виновен.

Как правило, мы скрывали от него, что нам известно о его поступках. «Извини, что когда ты пришел, дом был пуст, — невинно улыбались мы. — В последнюю минуту место встречи пришлось изменить, и мы не успели сообщить тебе об этом».

Обнаруженный доносчик чрезвычайно ценен, поскольку его можно дезинформировать. Если исключить его из церкви, его сразу же заменят другим, о котором вам не известно. Таким образом, правило было одно для всех: относиться к доносчикам по-дружески.

Иногда мы вычисляли информаторов благодаря информации арестованных. Вопросы, не заданные следователями, часто были для нас более важны, чем те, которые они задавали.

Один из членов нашей церкви занимался подпольной печатью Евангелий на русском языке. Тем не менее, после его ареста, во время допроса его ничего не спрашивали об этом. Мы догадались почему — информатором был его сотрудник по подпольной типографии, христианин, пойманный в сети шантажа и угроз. Он по-прежнему нёс подпольное служение и молился вместе с нами; хотя всё же из страха стал агентом.

Таковой была наша жизнь. С одной стороны, она состояла из попыток удерживать ветер, дождь, тайную полицию и сотрудников

службы, пытавшейся конфисковать наше имущество; с другой — вместе продолжать служить в подпольной церкви. Наша жизнь была очень опасной. Нам никогда не было скучно.

* * *

В ноябре я совершила поездку в Клуж. Там проходил плохо организованный показательный судебный процесс над руководителями «Армии Господа» — запрещенного движения в румынской православной церкви, члены которого несли служение плечом к плечу с Ричардом. Я слышала, что среди подсудимых был и наш друг, учитель.

«Армия» состояла в основном из деревенских жителей, сотни которых пришли в Клуж в день суда. Они стояли молчаливой толпой за воротами военного трибунала. Лил сильный дождь.

Они собрались со всей Румынии, чтобы продемонстрировать солидарность с теми, кто предстал перед военным судом за свою веру, несмотря на опасность попасть в списки «неблагонадежных граждан» или же быть арестованными и осуждёнными вместе с ними.

Когда прибыли тюремные фургоны, толпа ринулась им навстречу, чтобы хоть мельком увидеть своих друзей и близких. Одетых в грязные, изношенные тюремные робы, обвиненных мужчин и женщин затолкали в здание суда.

Матери, отцы, мужья, жены и дети взывали к ним, прижимая к груди связки теплой одежды и продуктов питания.

— Назад! Назад! — кричали конвоиры, размахивая винтовками. Несколько молодых солдат сняли оружие с предохранителей, сделав вид, что они будут стрелять. Началась паника.

Офицер кричал кому-то, находящемуся внутри здания: «Вызовите подкрепление!» Используя оружие, как шесты, охранники вытолкали присутствующих из двора на улицу — мужчин, женщин и детей, — а затем попытались запереть ворота.

— *Арестуйте и нас, мы — их братья. Мы верим так же, как и они!* — восклицали христиане. Одиноким людям посчастливилось прорваться сквозь охрану и исчезнуть в помещении суда. В конце улицы появился автомобиль, набитый вооруженной до зубов милицией. С приездом милиции все снова были прижаты к воротам.

В конце концов милиция, совершенно не готовая к такой демонстрации, согласилась впустить ближайших родственников. Несколько жён и детей в давке получили травмы и были госпитализированы. Остальные простояли под воротами весь день, пытаясь убедить охрану впустить и их. Поздно ночью толпа стала ещё больше.

Суд пытался избежать дальнейших неприятностей, «пробежав» по всем делам за одно заседание.

Заключенных выводили обратно в автозак под покровом сумерек. Появился офицер, объявивший, что приговоры будут вынесены только на следующий день. Иногородних разместили на ночь сочувствующие им местные жители. Большинство из нас стояли в слезах. Ни одна из жён не смогла сказать своему мужу последнее слово или передать драгоценный узелок с вещами и продуктами.

Я, вместе с полудюжиной жён арестованных христиан, попала в дом члена подпольной церкви. Мы решили провести ночь в молитве за своих родных.

Это был не первый судебный процесс над членами «Армии Господа». Далеко не первый.

— Независимо от того, объявят приговор завтра или нет, — вздохнула одна из жён, — он не будет мягким.

Это был не первый судебный процесс над членами «Армии Господа». Далеко не первый. За двадцатилетними христианами, как и за шестидесятилетними, охотились уже в течение многих лет.

На следующее утро я пошла к зданию суда. На запертых воротах висели списки, а вокруг столпились печальные родственники и друзья приговоренных. Приговор нашего друга состоял в восьми годах лишения свободы.

К железнодорожной станции я пришла под дождем и села ждать поезда обратно в Бухарест.

* * *

Когда я вернулась домой, меня попросили срочно прийти в дом одного из тайных христиан. Там была Труди. Это была не та улыбающаяся, спокойная Труди, которая встречала нас в доме полковника Ширкану и подслушивала его телефонные разговоры. Она выглядела разбитой и испуганной девочкой. На мгновение я подумала, что её разоблачили.

— Что случилось?! — воскликнула я. В доме никого не было, поэтому мы могли говорить свободно.

Речь шла о женихе Труди, молодом человеке одного с ней возраста. До сих пор у них не было денег, чтобы приобрести жилье и создать семью. Кроме того, Труди чувствовала себя обязанной оставаться на своём посту и служить церкви, по крайней мере сейчас. А молодой человек настаивал на том, чтобы Труди доказала ему свою привязанность. «Если бы ты действительно любила меня, — говорил он каждый раз, когда они встречались, — ты бы не держала меня на расстоянии». Она отчаянно боялась потерять его. Что ей было делать?

Таким образом у Труди, как и у многих других девочек-христианок, возникла проблема чистоты и воздержания. Допускать физическую близость или нет? Теперь, оглядываясь в прошлое, через тридцать лет после того, как мне самой впервые пришлось искать ответ на этот вопрос в Париже, увидев и пережив так много и имев достаточно времени, чтобы подумать об этом в тюрьме и во время ожидания Ричарда, я знала точный ответ.

Спрашивать: «Почему чистота?» — так же неправильно, как и спрашивать: «Почему жизнь?» Это один из величайших даров Творца. От начала существования человечества во всех величайших религиях мира, в философии Китая, в греческих мистериях идеалом, поставленным перед человеком, была чистота: мечта о чистой женщине. Евангелие начинается с рассказа о Деве, на противовес мессалинам (распутным женщинам. — *Прим.ред.*) того времени. Жанна д'Арк должна была быть девственницей, чтобы спасти Францию. Читая о жизни Терезы из Лизье, вы любите её также именно за эту добродетель.

Спрашивать: «Зачем быть невинной?» — это всё равно что спрашивать: «Зачем быть честной?» Спросите, и вы лучше познаете свою душу. У меня есть два любимых литературных героя: Сольвейг из «*Пера Гюнта*» и Гретхен из «*Фауста*» Гете.

Пер Гюнт — негодяй и пьяница, но он встречает на своём пути чистую и благочестивую девушку. Пер уверен, что она будет ждать его. Проходят десятилетия, за это время из плохого Пер превращается в худшего, но он всегда помнит об этой чистой девушке. Её образ постоянно перед его глазами. Когда он возвращается к ней в старческом возрасте, она становится инструментом его спасения.

Гретхен была замечена Фаустом, когда она ходила в церковь и, в своём целомудрии, даже не поднимала на него глаза. В момент безумия, искушаема Мефистофелем, она впадает в грех, но искупает свою вину в тюрьме (которую называет святым местом). Ей хочется видеть Фауста на небе, и мысли о ней направляют его на путь ко спасению.

Почему девушка должна держать себя в чистоте? Потому что таким образом она может вдохновлять и призывать людей становиться лучшими. Я видела цену чистоты в тюрьме. Там именно чистые женщины больше всех могли помочь другим.

Мы живем, как будто в подземелье этого мира, далеко от Бога. Каждый раз, когда Его свет и любовь озаряют наши души, мы получаем очищение.

Однако мы должны научиться понимать человеческие неудачи (свои собственные, а также других). В Талмуде написано, что Бог долготерпелив ко всякому греху, за исключением нечистоты. Раввин, который так думал, не познал Бога. На самом деле — всё наоборот. Иисус знал об этом, почти непреодолимом, сексуальном влечении. Поэтому Он не осуждал блудницу. Он предостерегает нас сделать всё возможное, чтобы избегать этого греха, хотя держит нас в Своих любящих руках, даже если мы совершаем его. Если сегодня мы не смогли добиться успеха в противостоянии греху, Он поможет нам сделать это завтра. Долготерпению Бога нет предела, как и нет греха, для которого у церкви не найдётся полного понимания и прощения.

Я могла дать молодым людям, таким как Труди, один практический совет. Когда вы стремитесь избавиться от эротических мыслей или греховной сексуальности, результаты часто являются противоположными вашим ожиданиям. Похоть — это огромная сила. Попытки вырваться и избавиться от неё часто ещё больше затягивают петлю.

Однако существует косвенный путь к успеху. Не пытайтесь избавиться от греховных мыслей. Они не уйдут. Они пришли навсегда,

чтобы соблазнять вас. Вместо этого старайтесь заполнить свой ум чистыми и целомудренными идеями. С головой окунитесь в усердную религиозную, социальную, политическую, благотворительную или воспитательную работу, которой вы посвятите всё своё время и силы. Служение Христу в какой-либо из перечисленных сфер со временем сделает вас подобными Христу.

Правильные идеалы имеют над нами великую власть. Но если вы упадёте, помните, что прощению также нет границ. Никто не становится подобным Христу в течение трёх дней. К этому мы стремимся всю свою жизнь.

* * *

В 1962 году из Москвы подул теплый ветер. Мы ловили его дуновение с осторожностью. Ходили разговоры о новой «оттепели». Мы начали получать больше писем из-за рубежа. Поползли слухи, что Румыния пытается вырваться из СЭВ, контролируемого Союзом общего рынка. Начали распространяться слухи об амнистии. Люди даже шутили более свободно:

Хрущев:

— Господин Кеннеди, что мне делать? Я испробовал «промывание мозгов», тюремное заключение, но эти глупые христиане по-прежнему ходят в церковь. Как мне остановить их?

Кеннеди:

— А вы не пробовали заменить иконы в церквях своим портретом?

Глава 21
На свободу

Перед каждым коммунистическим праздником мы внимательно слушали радио, надеясь услышать объявление об освобождении заключённых. По ночам я не могла спать, я всё время думала о Ричарде.

1 мая 1969 года — Международный день трудящихся. Ничего.

23 августа — День освобождения. Ничего.

7 ноября — День Октябрьской революции в России. Несколько сотен уголовников выпущены на свободу. О политических — молчок.

И тем не менее первые, незначительные признаки оттепели становились всё более очевидными. С Югославией был заключён масштабный договор о сотрудничестве в сфере торговли. Институт русистики стал одной из многих кафедр Института иностранных языков. «Магазин русской литературы», крупный государственный книжный магазин, стал «Магазином иностранной литературы».

В августе 1963 года прекратилось глушение вещания с Запада на румынском языке.

Как, затаив дыхание, мы сидели у радиоприёмников 23 августа, ожидая новостей! Однако их не было.

В начале 1964 года, без предварительного объявления, были освобождены несколько политических заключённых. Некоторые из них были нашими друзьями. Мы спрашивали их:

— Что всё это значит?

Они не знали:

— Надзиратель пришёл, зачитал список имён, вот и всё!

— Сколько имен?

— Около восьмидесяти.

Восемьдесят! Как много! Теперь мы были уверены, что амнистия не за горами. Всё шло так же, как в 1956 году. Когда же это произойдет — может, 1 мая? Однако 1 мая не принесло никаких новостей.

Однажды утром я была на своём чердаке, когда в дверь ворвалась запыхавшаяся Мариетта. «Алиса вернулась!» — кричала она. После четырёх лет заключения! Мы схватили пальто, выбежали на улицу и прыгнули в трамвай.

А вот и она — тощая, изнурённая и улыбчивая. Ей довелось пройти через многое... Но у неё не было чего рассказать. Нечего. Только вырванные клочки кожи на спине свидетельствовали о времени, проведённом в тюрьме.

— Завтра мы принесём тебе что-нибудь, — пообещала я.

— Но у вас же самих ничего нет, — ответила она.

— Да нет же, мы живем в роскоши, — засмеялся Михай. — Вы бы видели наш пентхаус!

— И ковры на стенах, — добавила Мариетта.

— И на окнах тоже! — не удержалась я.

— И проточная вода...

— Прямо сквозь потолок!

«Как нам повезло, думала я, по сравнению со многими другими женщинами. Мы были окружёны любовью друг друга. Она ободряла нас, придавала нам сил, как соки большого дерева подпольной церкви».

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз. Утром мы собрали несколько вещей и отвезли их Алисе на квартиру её двоюродного брата, где она жила.

Теперь, действительно, у нас были все основания надеяться, что наши близкие вернутся домой. Однако проходили недели и месяцы.

Каждые несколько недель наша подруга по имени Марсия прибегала на чердак.

— Амнистия! — радостно кричала она. — Он вернется на следующей неделе! На этот раз это действительно так!

Вскоре она получила прозвище «сестра Амнистия». Марсия усердно трудилась для церкви, а её муж работал в отделе почты, обслуживающем официальных лиц. Поэтому каждый раз её новости воспринимались серьезно. Настоящая же амнистия, наступив, застала нас врасплох.

Я встала рано и пошла за покупками для семьи. Это была среда в июне, теплый и ясный день. Вернувшись домой, я нашла ежедневную газету, принесённую другом семьи по пути на работу.

В скромной колонке внизу первой страницы была долгожданная новость: АМНИСТИЯ. Однако она касалась не каждого политического заключённого. На самом деле, было не ясно, кто вообще попадал под неё. Я читала, а потом не раз перечитывала объявление. Оно было завуалировано абстрактными фразами. Не могли же они одновременно освободить тысячи людей, несправедливо приговариваемых в течение многих лет? Это заставило бы их выглядеть слишком глупо. А Москва всё ещё внимательно наблюдает...

Я поспешила в комнату подруги. Там уже собралась небольшая группа, чтобы обсудить новость.

— Ох, они, наверное, поступят так же, как и в прошлом году. Выпустят только уголовников! — сетовала госпожа Ландауэр. Но сестра Амнистия была тут как тут:

— Нет, нет же! Разве я не говорила вам! Будем молиться и благодарить Бога, и вы увидите!

«Ваш муж был в списке на сегодняшний день! Он уже добирается домой!»

Таким образом, мы помолились, и я вернулась домой. Не успела я войти, как прибежала соседка. Ей звонил старый друг, утром освобождений из Герлы.

— Мой друг говорит, что ваш муж был в списке на сегодняшний день! Он видел, как тот ждал во дворе! Он, наверное, уже добирается домой!

Когда она ушла, я попыталась чистить картошку. Но моё сердце билось так быстро, что мне пришлось сесть. Прошло несколько часов.

Ещё стук в дверь. В дверях, улыбаясь, стоял господин Ионеску, наш давний друг, который жил этажом ниже и имел телефон. Он взял меня за руку и сказал:

— Вам звонят из другого города.

Я спустилась к нему и взяла трубку. На другом конце провода был Ричард. Услышав его голос, я не могла ничего ответить. Я почувствовала шум в ушах, как море, у меня потемнело в глазах, и я упала.

Снова открыв глаза, я увидела обеспокоенные лица, глядящие на меня сверху вниз.

— Слава Богу, с ней всё в порядке!

— Ты потеряла сознание!

Они уже позвали Михая. Он разговаривал по телефону и смеялся. Ричард находился в доме друзей в Клуже.

— Я не знаю, имею ли я до сих пор жену и сына, — сказал он. — Поэтому я подумал, что лучше узнать!

С ним всё было в порядке, он был свободен и возвращался домой. Герла находилась за много километров на западе страны. Он сядет на поезд в Клуже, ближайшей железнодорожной станции. Но не сегодня. На тот вечер у него уже была назначена первая встреча в подпольной церкви.

Во второй половине дня из тюрем, находящихся в разных частях страны, начали возвращаться другие наши заключённые. Мы, жены и друзья, беседуя и ободряя друг друга, ожидали на чердаке, беспокойно и возбужденно. На лестнице послышался шорох. Я распахнула дверь. Принесли телеграмму.

— Ричард сообщает, что он приедет на ночном поезде и будет здесь в 8:30 утра!

Со стоном сестра Амнистия рухнула на пол. На этот раз в обмороке была она! Все столпились вокруг неё, хлопая её по щекам и поливая холодной водой.

В ту ночь на нашем чердаке, конечно же, не спал никто. Каждый час приходили известия о новых освобождённых. Мужчины и женщины, которых мы не видели по десять, пятнадцать лет, входили в комнату, как будто воскреснув из мёртвых. Чердак был полон людей, приветствующих друг друга, предающихся воспоминаниям, строящих планы на будущее и лихорадочно расспрашивающих друг друга о годах разлуки. Прибывали огромные букеты летних роз, стоивших в то время целое состояние, от друзей, которые сами не могли прийти из-за опасности. Нельзя было, чтобы их видели на станции или в нашем доме, поэтому, чтобы показать свою любовь, они присылали цветы. Я и не подозревала, что тайных верующих было так много.

Мы решили взять цветы с собой на вокзал. Солнце сияло в прекрасной свежести раннего утреннего света. Сестра Амнистия стояла с полными руками гладиолусов. Мариетта держала целую охапку роз. Госпожа Армеану и Алиса едва справлялись с грудами больших белых

астр. Толпы озабоченных, возбужденных людей встречали каждый поезд, надеясь на прибытие своих заключённых близких. У них не было от них никаких новостей.

Затем прибыл поезд. Промелькнул большой, гудящий дизельный поезд, и мои глаза начали просвечивать окна вагонов. Гремел громкоговоритель. Вокруг шумела и толкалась толпа.

Я увидела Ричарда прежде, чем он увидел меня. Он высунулся из окна вагона. Тощий и бледный, с бритой головой. Бог вернул мне его!

Его одежда была очень потрёпанной, а на ботинках не было шнурков (в тюрьме было запрещено иметь шнурки), и они были слишком велики. Ричард направился ко мне, идя так медленно, высокий и улыбающийся, в огромных ботинках. Он обнял нас с Михаем. Станцию наполнили возгласы и шум приветствий. Кто-то с фотоаппаратом сделал снимок нас троих на память.

Люди столпились вокруг, спрашивая Ричарда, не известно ли ему чего-либо об их друзьях и родственниках, о тех, кто не вернулся этим поездом. Я подумала о том, сколько их не вернется никогда ни этим, ни любым другим поездом, потому что тюрьма убила их.

— Ничего не говори, — произнёс Ричард. — Позволь мне просто смотреть на тебя.

* * *

День и ночь наш чердак был забит друзьями и незнакомыми людьми, съехавшимися со всей страны, чтобы поговорить с Ричардом. Стоя, сидя, теснясь в постоянно открытых дверях, каждый должен был перемолвиться с ним хотя бы несколькими словами. Тайная полиция больше не пыталась сломить его, потому что сделать это можно было только автоматом. Они только наблюдали и прилагали к его делу всё новые записи.

Ричард был худой, как палка, и весил около сорока килограмм. Он пережил избиения и «промывание мозгов». Ему нужно было сразу ложиться в больницу. Однако даже туда продолжали стекаться люди, чтобы увидеться с ним, пока главврач виновато не попросил его перейти в другую больницу: его донимали из Департамента государственной безопасности. Так он переходил из больницы в больницу, пока,

наконец, не попал в санаторий в Синае, одном из самых красивых горных городов Румынии, где когда-то находился летний королевский дворец. Но люди всё продолжали прибывать: пешком, на мотоциклах, на велосипедах и автобусах. Секуритате сделала очередное предупреждение, и Ричард решил выписаться. Другого выбора у него не было.

Жизнь в Бухаресте была хаотичной. За год были освобождены десятки тысяч политических заключённых. Они искали работу, своих жён и детей, а также старались, хотя иногда и с ужасными последствиями, вписаться в жизнь, которой они не жили в течение последних пятнадцати-двадцати лет. Сердца людей, их дома и улицы были полны трагедий.

Я подумала о том, сколько их не вернется никогда, ни этим, ни любым другим поездом, потому что тюрьма убила их.

Полиции было не по силам справиться со всей этой путаницей, поэтому Ричард использовал каждую возможность проповедовать — тайно, в любой церкви, где только пастор позволял ему. Мы смогли помочь многим друзьям. Нам удалось отправить госпожу Армеану на отдых в Констанцу, на Чёрное море. Её муж не был освобождён.

Ричард даже смог добиться лицензии на религиозную деятельность, дающей ему право проповедовать. Её действие ограничивалось церковью села Оршова, имевшей официально ограниченное собрание в количестве тридцати шести членов.

— Если в церкви станет хоть на одного члена больше, — предупредила секуритате, — у вас будут проблемы. Мы знаем вас и наблюдаем за вами!

Ричард сказал мне:

— Я думаю, что мне не нужно проповедовать в Оршове. Когда Слово Божье распространится по деревне, люди не смогут противостоять ему, и им придётся принять его. Своей проповедью я только принесу вред людям в Оршове.

Поэтому мы решили некоторое время не ездить в эту деревню. В любом случае, работы в подпольной церкви Бухареста было более чем достаточно, и мы были крайне перегружены ею. Во время тайных собраний то здесь, то там (поскольку встречи в домах были противозаконными) Ричард приводил сотни душ ко Христу. Но ему всё это казалось недостаточным, и мы не знали, как долго он сможет оставаться на свободе из-за столь активной деятельности.

Когда я спросила мужа о его планах на будущее, он ответил:

— В идеале, я хотел бы стать отшельником и удалиться в пустынное место, чтобы там провести остаток своей жизни в созерцании Бога и в размышлении над Его Словом. Вот только реальность слишком далека от идеала.

Мы видели, как мало свободы имела церковь, как сильно она была напичкана стукачами — от высших иерархов до наиболее смирённых членов собрания. Священники рассказывали о том, что, если они откажутся подавать отчёты о своей пастве, их церкви закроют. Детям и молодым людям внушали атеизм ещё более интенсивно, чем когда-либо. Однако наиболее глубоко Ричарда ранило осознание того, насколько невежественными, наивными и легковерными относительно коммунизма и его попыток уничтожить религию были люди на Западе.

В это время я начала вступать в контакт с некоторыми чинами из советской церкви, подробности чего я не могу раскрыть. Многие из них являлись инструментами влияния партии. Об этом они говорили нам открыто и с печалью. У них не было выбора, — жаловались они.

Многие прелаты из-за железного занавеса, посещающие международные конференции, люди, избранные партией и играющие роль, предписанную им коммунистами, на самом деле служили подпольной церкви. Возвращаясь с различных конференций, они делились с нами своими впечатлениями. Они были в ужасе, обнаружив, в какое глубокое заблуждение введены некоторые из британских и американских делегатов этих конференций. «Они верят абсолютно во всё, что им рассказывают, — говорили они. — А некоторые из них воспринимают коммунизм с бо́льшим энтузиазмом, чем любой коммунист».

Что же делать? Как быть? Как повлиять на сложившуюся ситуацию? Руководство подпольной церкви, посовещавшись, решило, что Ричард должен сделать попытку попасть на Запад. Его задачей будет

показать людям, что на самом деле происходит с нами и в будущем может случиться с ними.

* * *

С 1948 года Румыния начала продавать Израилю евреев. Наши надежды выехать основывались как раз на этой возможности. Тысячи и тысячи евреев всё ещё отчаянно пытались выбраться из страны. Длинные очереди ожидали в отделениях милиции, чтобы оформить необходимые разрешения. Отток наших граждан уже обидел арабские страны, и правительство вело себя крайне осторожно; однако официальную щепетильность можно было преодолеть взяткой властям в крупном размере.

Переговоры шли долго и утомительно для нас. И всё, к чему они привели, было сообщение высокопоставленного чиновника о том, что на наших делах стоит бессрочный запрет на выезд из страны. Но мы не сдались. Друзья предположили, чтобы первым попробовал выехать Михай, поскольку, как оказалось, он находился в наибольшей опасности. Другие говорили, что я должна попытаться уехать и собрать деньги на Западе, чтобы «выкупить» нас.

Теперь, когда всеобщая путаница с массово амнистированными закончилась, вернулись репрессии. За Ричардом следили везде, куда бы он ни пошёл. Его визит в любую церковь не мог не повлечь за собой запугивания и угроз в адрес пастора со стороны властей.

Наша собственная церковь была закрыта и превращена в киностудию. Скамьи и алтарь были разбиты, окна затемнены. С одной стороны, это было скрытым благословением: за нашим чердаком, находящимся под крышей самого высокого здания в квартале, очень трудно было вести внешнее наблюдение. Поток сантехников, музыкантов, почтальонов и им подобных приходил и уходил в течение всего дня, и в них трудно было узнать наших братьев и сестер.

По секретным каналам мы получили весточку от нашей подруги Ануцы из Норвегии. Она начала собирать деньги для нашего выкупа. Наши семьи, находящиеся теперь за границей, также делали всё возможное. Однако именно благодаря Ануце, более чем кому-либо ещё, мы, наконец, смогли покинуть страну. Она уговорила норвежское

правительство предоставить нам визы. Она собрала 7 тысяч долларов в сотрудничестве с норвежским «Церковным служением Израилю» и «Еврейским христианским альянсом» (которым я выражаю свою огромную благодарность). Другим источником было предоставлено 3 тысячи долларов. Моя семья также внесла свой вклад и помогла во многих отношениях. Все они проявили к нам большую любовь.

Наши первые посетители с Запада — преподобный Стюарт Харрис, председатель «Британской миссии коммунистическому миру», и американский пастор Джон Мозли — прибыли тайно ночью, привезя первую помощь для нуждающихся семей. На улице Михай заметил милицию. На нас уже успели донести! Посетители оставались с нами до часа ночи. К тому времени милиционеры уже ушли, полагая, что это был ложный сигнал.

На следующий день двое мужчин в парке передали нам несколько Библий. За нами шпионили даже здесь. Сразу же после этого к нам в квартиру пришёл человек и начал расспрашивать об этом. Харрис и Мозли получили разрешение на следующий день раздать Библии в баптистской семинарии. Я сообщила им, что после их ухода студентам под принуждением пришлось вернуть все Библии.

Наши следующие посетители появились ниоткуда — несколько американцев и швейцарец. Они даже не знали адрес Ричарда, поэтому обратились за помощью в официальную церковную организацию.

— Пастор Вурмбранд? — переспросили там. Конечно же, они знали пастора Вурмбранда. Они послали одного из своих людей, чтобы показать гостям дорогу. — Нет проблем! Всегда рады помочь.

Таким образом, этот человек пришёл вместе с ними на чердак, покинув который он, очевидно, сразу же собирался настучать на нас. Однако встреча приняла комический поворот. Этот человек говорил по-французски, но не понимал по-английски. Поэтому Ричард разговаривал с посетителями на английском языке, а мне пришлось переводить для информатора.

— Теперь мой муж объясняет, какую свободу имеет церковь в нашей стране, теперь он говорит об огромных возможностях для развития туризма, а теперь — о погоде.

А тем временем Ричард гнал, как неуправляемый поезд, строча обо всём, что происходит с христианами, и о реальном состоянии

церкви. Его рассказ был живым и полным юмора. Он заставлял гостей смеяться даже над теми совсем не смешными вещами, которые ему пришлось пережить.

Примерно посредине разговора один из американцев сказал:

— Всё, что вы рассказываете, мистер, очень интересно, но наше время истекает, и мы хотели бы поговорить с пастором Вурмбрандом!

— Но я и есть пастор Вурмбранд!

— Это невозможно!

— Но это так и есть!

— Если вы так утверждаете, то, должно быть, так и есть. Только после четырнадцати лет, проведенных им в тюрьме, мы ожидали встретить человека, переживающего последние стадии депрессии, а вместо этого видим перед собой счастливого человека.

* * *

Наконец, после больше года прилагаемых усилий и давления со стороны друзей на Западе, нам сообщили: *вам будут выданы выездные визы, поскольку оплата за ваш выезд уже получена*.

Ричард был вызван в Департамент безопасности на последнюю беседу. Ему сказали: «Теперь вы можете выехать. За границей проповедуйте, сколько вам угодно, но только откроете рот о нас — замолкнете навсегда». На протяжении последующих многих лет у нас было достаточно доказательств того, что эта угроза не была забыта.

У меня также состоялась последняя встреча с чиновниками. В дверь постучал человек с перечнем имущества, подлежащего конфискации.

— Это ваш последний шанс оплатить штраф!

— Приходите завтра, — ответила я. — И вы сможете забрать всё.

Братья и сестры сходились из далёких деревень и городов, чтобы попрощаться. Друзья прибывали в Бухарест каждый час, чтобы пожелать нам счастливого пути.

Рано утром следующего дня мы уже находились в аэропорту. Было 6 декабря, праздник Святого Николая, покровителя заключённых в румынском православном календаре. Во влажном тумане, казалось, растворялись здания и серый самолет на взлетно-посадочной полосе. Это был старый DC-7. Нас в нём было около шестидесяти, все выку-

пленные и почти все евреи. Мы ждали с самого рассвета, сплоченные теплым чувством единства, глубокой признательности за наше счастье спастись от коммунизма и глубокой горечи за тех, кого мы оставили в его тисках. Официальные лица, паспортный контроль и девушки в погонах со списками в руках смотрели на нас завистливыми глазами. Мы будем жить на Западе. На Западе!

Они пытались остановить толпу, собиравшуюся в аэропорту отовсюду точно так же, как и в нашей квартире. Оглядываясь назад, маша им через оконное стекло, мы шли по влажному серому асфальту к самолету. Туман рассеивался.

Мы поднялись на борт. Оказалось, что место Михая находится рядом с единственным иностранным пассажиром, итальянским бизнесменом, который сразу же начал разговаривать с ним. Весело он задал Михаю ряд вопросов. Он не знал, что дела в стране обстояли так плохо. Он слышал истории о прекрасной жизни при коммунизме и ел очень вкусную еду в «Афинском дворце» (самом роскошном отеле Бухареста, начиная с довоенных дней). Но Михай молчал.

Они вместе спускались по ступенькам аэропорта города Рим, когда Михай, наконец, спросил:

— Это действительно Рим? Не Восточный Берлин или что-нибудь еще?

— Конечно, конечно! — рассмеялся бизнесмен. — Видишь, вон там надпись: «*Bevete Coca-Cola*»? Ты находишься на итальянской земле.

— Неужели? Тогда я — свободный человек! — и он заплакал.

— Теперь, если хотите, я могу рассказать вам, какова на самом деле жизнь в Румынии, но я не знаю, смогу ли я заставить вас или кого-либо другого поверить в существование таких ужасов.

Мы направились в сторону таможни. Мой брат с женой ждали нас в аэропорту. Любовь к нам заставила их приехать из самого Парижа, чтобы встретить нас.

Эпилог

Из Рима мы полетели в Осло. Ричард хотел остановиться в Женеве, чтобы рассказать там о преследованиях христиан в Румынии. Однако секретарь Всемирной лютеранской федерации по телефону умоляла Ричарда не приезжать, поскольку «об этом узнают русские». Я задавалась вопросом, почему во Всемирном совете церквей так боятся русских, если мы не боялись их, даже находясь под их гнетом.

В Норвегии, прекрасной стране, которая предложила стать нашим новым домом, нас встречали члены «Церковного служения Израилю», миссии, заплатившей часть выкупа за нас, а также руководители разных церквей. Мы были счастливы видеть Ануцу! Пятнадцать лет она, не покладая рук, трудилась для того, чтобы этот день, наконец, настал. Также мы были рады встретиться с пастором Хеденквистом, главой «Шведской миссии Израилю». Он специально приехал из Стокгольма. На протяжении многих лет он каждый день молился за нас. Представители «Еврейского христианского альянса», заплатившего другую часть выкупа, сразу же поинтересовались нашими нуждами.

Затем мы отправились в Англию. Наш друг Стюарт Харрис открыл перед нами двери университетов и множества церквей всех конфессий. Люди услышали, наконец, о мучениках и о победах подпольной церкви, до сих пор остававшейся неизвестной миру.

Британские христиане не были осведомлены о фактах преследований своих братьев на третьей части планеты в условиях коммунистического господства. Во время большинства встреч говорил мой муж, на некоторых выступала и я. В Великобритании началось пробуждение.

Знакомя христиан с неизвестным им, до этого момента, миром «Божьего подполья», сами мы знакомились здесь, а затем в Америке, с англо-саксонским миром. Теперь мы понимали папу Григория Великого. Ещё будучи молодым дьяконом, он заметил бледнокожие лица

и тела молодых людей, которых продавали на невольничьем рынке Рима, и спросил:

— Из какой они страны?

Ему ответили, что это англичане («*Angles*» на латыни).

— Ангелы, — задумчиво произнёс он, — а не англичане. Их лица — как лица ангелов. Как зовут их короля?

— Элла.

— «Аллилуйя» должно звучать на земле короля Эллы, — сказал Григорий.

Став главой церкви, Григорий Великий позаботился об этом. Теперь мы слышали, как «Аллилуйя» звучит из уст тысяч британских христиан, проявляющих ангельскую любовь к подпольной церкви. Так была основана первая миссия коммунистическому миру.

Друзья, обретённые в Осло, пасторы Старди и Кнутсон, позаботились о том, чтобы отправить нас в США. Ричард и я снова выступали в церквях, на больших собраниях, в семинариях, на женских конференциях.

Ричард был приглашен в Сенат, а затем в Конгресс США для дачи показаний. Когда он говорил, я сидела рядом с ним. Там присутствовали не только сенаторы, но и представители газет и радиостанций из разных стран мира. Когда он говорил о страданиях подпольной церкви, на него были обращены объективы телекамер.

— Одна треть мира имеет право на треть ваших молитв, вашу поддержку, вашу материальную помощь... В тюрьме я видел мужчин с двадцатикилограммовыми цепями на ногах, молящихся за Америку. А в Америке мы редко слышим, чтобы церкви молились за тех, кто страдает в цепях в коммунистических тюрьмах.

Отвечая на вопрос сенатора, есть ли у него какие-либо следы пыток, Ричард снял с себя рубашку и показал восемнадцать шрамов на своём теле.

— Я не хвалюсь этими шрамами. Я показываю измученное тело моей церкви и моей страны. Я говорю от имени героев и святых, которые не могут говорить сами за себя: протестантов, католиков, православных и иудеев, которые умерли под пытками за веру в Бога, — эти слова Ричарда заставили присутствующих рыдать.

Сидя рядом с ним, я чувствовала, как по моему лицу текут слёзы. У меня перед глазами стояли крестьянки, монахини, молодые горожанки, протестантки и католички, иудейки, обречённые на рабский труд, пытки и лишения только потому, что они желали видеть исполнение Божьего обетования еврейскому народу. Я вспомнила тех, кто умерли. Я знала, что через смерть они перешли в любящие руки Того, Кто их сотворил. Но всё-таки я не могла перестать рыдать.

Позже Ричард сказал: «Твои слёзы произвели большее впечатление, чем все мои слова. Слёзы способны разрушить самые крепкие стены».

Ричард диктовал свою первую книгу «*Современная мученическая церковь, пытаема за Христа*». Я слушала, сидя на диване и пытаясь вязать. Он плакал. Я плакала вместе с ним. Это была очень простая книга, написанная не чернилами, но слезами и кровью мучеников. Неожиданно она стала бестселлером на множестве языков. Эта книга и наши визиты в разные страны и на разные континенты стали отправной точкой создания девятнадцати миссий в свободных странах Европы и Азии, Австралии и Америки, которые в единстве трудятся, чтобы обеспечить подпольную церковь христианской литературой, радиопередачами на их языке, а также гуманитарной помощью для семей мучеников.

Из-под пера Ричарда выходила одна книга за другой. Он был неутомим в проповеди, однако он не только говорил, но создавал эффективные организации, тайно несущие служение в коммунистическом лагере. Некоторые люди подвергали сомнению его методы, но их критика всегда приходила слишком поздно. Ричард считал, что действовать нужно немедленно, а позже времени для оправданий будет достаточно.

Мы были счастливы среди всех народов, в каждой стране, которую посещали. Мы чувствовали себя как дома среди своих немецких братьев. Немецкий и еврейский народы объединены потоками общей крови. И, возможно, не случайно, что море, которое Бог разделил, чтобы евреи могли спастись, называлось Красным морем. Те, кто любят, могут перейти даже через море крови. Только те, кто упорствует в ненависти, утонут в нём. Мы были счастливы с нашими братьями в Австралии, Индии и Новой Зеландии, с белыми и черными в Африке. Невзирая на политику апартеида, в Южной Африке мы проводили

встречи, во время которых христиане всех цветов кожи в единении и со слезами на глазах слушали о послании Христа и мужестве подпольной церкви.

Мне вспомнилась грустная мысль Михая, высказанная им много лет назад: «Даже если отец вернется, он не будет больше человеком, которого мы знали, но призраком, не способным служить никому». Одна африканская газета так писала о нашем визите: «На нас нахлынул ураган по имени Ричард».

Учение Ричарда: «Ненавидьте коммунизм, но любите и завоёвывайте коммунистов для Христа» — было принято миллионами христиан во всем мире. В настоящее время свободная церковь молится, заботится и активно помогает подпольной церкви, гонители которой объяты христианской любовью, несмотря на свою вражду против неё. Ричард обличает руководство церквей, готовое идти на компромисс с коммунизмом или даже стать его марионетками.

Ричард — это Ричард, а я — это я. Его борьба против такого множества людей просто ошеломляет меня. Для меня это слишком. Я хотела бы, чтобы он вёл себя более тихо, более спокойно. Иногда я говорю ему:

— В Песне песней Соломона Христос сравнивается с цветком. Цветок сорван или увядает, ничего не сделав за всю свою жизнь, кроме того, чтобы радовать своим ароматом и красотой тех, кто на него смотрит. Он не противится тем, кто желает погубить его. Вот, по моему мнению, что является идеалом христианской жизни!

В такие минуты Ричард отвечает мне:

— Если мы не будем бороться с коммунизмом и его инфильтрацией в церковь, то угнетатели победят нас.

Интересно, почему он беспокоится об этом. Разве церковь не родилась во время распятия и поражения? Разве ей не было более уютно в катакомбах, чем на троне с императорами? Разве наши подпольные богослужения выгодно не отличались от богослужений, проходящих в западных соборах, где никто не плачет, вспоминая страдания Господа, и не восклицает от радости, узнав о Его воскресении?

Однако таких аргументов недостаточно для моего мужа. Он спрашивает:

— С каким цветком Иисус сравнен в Песни песней?

Озадаченная его вопросом, я отвечаю:

— С розой...

— Не прикасайся, а то уколешься! — восклицает он. — У розы есть колючки.

Я знаю его в течение тридцати лет. Я не смогу изменить его. Поэтому я выбрала более спокойную часть нашего совместного служения. Я забочусь о курьерах нашей миссии, которые посещают коммунистические страны и возвращаются, инструктирую, как собрать необходимую информацию о состоянии церкви, помогаю обеспечить их Библиями, другой литературой, аудиозаписями и средствами для облегчения страданий наших гонимых братьев и сестёр.

В наше время тысячи христиан находятся в китайских и северокорейских коммунистических тюрьмах. И вести о том, что в других странах ежедневно страдают христиане, заставляет меня вновь и вновь переживать прошлое. В июне 1969 года советская пресса хвасталась арестом за веру человека по фамилии Рабинчук и всех пяти его сыновей. Я всё время думала о госпоже Рабинчук. Как ужасно ей, должно быть, страдать в своём пустом доме. В Албании руководителей церквей катили по улицам в бочках и бросали в море. На Ближнем Востоке новообращённых верующих калечат и убивают за Христа. В Северной Корее в 1969 году в один день были убиты сорок пять христиан. Их семьи, а также бесчисленные другие, голодают; а по всему миру жаждущие души молят о предоставлении им Слова Божьего.

Принимая строгие меры предосторожности, я встречаюсь с курьерами и записываю их свидетельства. Эта работа продолжается с 1967 года.

Однако, к сожалению, иногда мне приходится встречаться и с совершенно другими людьми. В страны свободного мира приезжают священнослужители — на конференции Всемирного совета церквей, баптистские и православные конференции или просто проповедовать в церквях — и обманывают Запад, рассказывая о несуществующей свободе вероисповедания в странах коммунистического лагеря. Эти руководители официальных церквей — особая порода священничества. Ричард называет их «предателями». Я бы не стала называть их так. Кто я, чтобы судить? Они — несчастные существа. Они — красные куклы. Какой у них выбор? Некоторые ждали много десятилетий

в надежде увидеть свои страны освобожденными. Многое было обещано президентами США, однако так и осталось невыполненными обещаниями. Отчаявшись ожидать помощи со стороны Запада, они научились жить под гнётом режима. Их братья выбрали мученичество тюрьмы, а они выбрали мученичество сознательной лжи, чтобы удержать открытыми хоть несколько церквей, чтобы иметь возможность преподать хоть несколько крещений, заключить несколько браков, отслужить несколько похорон.

Они путешествуют по всему свободному миру, рассказывая о полной свободе, которой христиане пользуются в Китае или других угнетённых странах, в надежде, что под их вынужденными дифирамбами коммунизму западные христиане распознают крик о помощи. (Разъезжают ли британские или американские христиане по всему миру, рассказывая всем о том, что у них есть свобода?) Но западные руководители церкви не способны читать сердца. Они не знают, что такое трагедия коммунизма, и передают другим то, что слышат: «В коммунистическом лагере полная свобода вероисповедания!» Им не известно о том, что эти несчастные существа обязаны доносить в полицию на тех, кто преданы Господу. Это — составная часть коммунистической «морали», понять которую Запад, кажется, не в состоянии. Враги Христа даже носят священническую, епископскую и пасторскую одежду, но подпольная церковь, которая привела к Господу Светлану Сталину, госпожу Косыгину и величайшего русского писателя того времени, Солженицына, доказала, что она знает, как работать, даже вопреки всем стараниям её врагов.

Наша личная жизнь также сильно изменилась. В течение многих лет Ричард был заключённым, к которому относились с презрением, насмешками и насилием. Теперь же ему доставалось немало лести, которая могла бы вскружить голову любого другого человека. Однако Ричард прошел через раскалённую печь. Он знает, что аплодисменты принадлежат не ему и что вся слава — удел исключительно Бога. Известность, так же как и стыд, необходимо нести со смирением.

Сначала большой достаток и богатство, которыми мы были окружёны в Соединённых Штатах, пугали меня. Несмотря на то, что в начале наш дом был самым бедным во всем нашем калифорнийском пригороде, после бухарестского чердака он казался нам дворцом. С приобретением

некоторой мебели и получением в качестве подарка автомобиля я всё больше беспокоилась о владении этими «излишествами».

Мне импонирует аскетизм избранных Богом душ, таких как Св. Тереза из Лизье. Я думаю о русских братьях в городе Нижний Тагил, в течение целой недели постившихся, молясь, чтобы Бог избавил их от выплаты огромных штрафов (для оплаты предыдущих штрафов они уже продали всю свою мебель, инструменты, дома). Трудно наслаждаться едой, помня положение дорогих тебе христиан в разных странах мира. Ричард заботится о них, как только может. В тюрьме было время, когда он постился по четыре дня в неделю.

Но, зная Ричарда так, как знаю его я, я вижу в нём то, что вижу и в каждом другом человеке, пережившем страшные годы пыток. Неизбежные законы реакции вступают в силу, и после таких лишений в жизни, нехватки даже обычного солнечного света, у человека появляется жгучее желание испытать сразу все возможные радости. Я не боюсь. Бог праведен, Он не забывает принесённые Ему былые жертвы. Ричард осознает опасность, а всякая опасность, о которой человеку известно, перестает быть настоящей опасностью.

Вот что я сказала ему: «Я рада, что ты презираешь деньги, и надеюсь, что ты не перестанешь презирать их, когда заработаешь свой первый миллион». (На данный момент такой опасности не существует.)

Мы переживали большие радости, однако переживали и определенные опасения. Всякий раз, когда я находилась вдали от Ричарда, я испытывала чувство страха за него. Однако, если служить Богу опасно, то насколько же более опасно заставить мужа прекратить делать это. Человеку не по силам остановить ураган. Никто не может остановить Ричарда и заставить его прекратить разоблачать с каждым днем усиливающуюся жестокость и искусную инфильтрацию коммунистов, что вызывает безграничную ярость коммунистического руководства и его агентов в церкви. Да хранят его ангелы Божии!

Те, кого разоблачает Ричард, конечно же, не наблюдают за его деятельностью в бездействии; они ставят преграды на его пути. Но если бы они лучше изучили характер моего мужа, то давно бы уже поняли, что всё это бессмысленно! Чем выше барьер, тем сильнее его прыжок. Он начал свою христианскую жизнь перед лицом серьезных внешних препятствий, однако смог превратить их в преимущество.

* * *

Мои поездки по делам миссии привели меня в Израиль. Я посетила святые места, а также встретилась со многими из нашего бывшего собрания, с моей семьёй, моим двоюродным братом, который в день моего ареста сказал мне: «*Лешана хаба би — Ерушалаим!*» («В следующем году в Иерусалиме!») С тех пор прошло почти двадцать лет.

В Израиле люди ходят по святой земле. Говорят, что нельзя передать то, что вы испытываете, поклоняясь на том месте, где когда-то стоял крест Христов. Здесь тихо плакала Мария Магдалина; никогда и никому не рассказывая о том, что она чувствовала в тот миг. Я, конечно же, не могу сравнивать себя с ней, однако также предпочитаю молчать о том, что испытывала я.

Я была огорчена, видя, что часть храма принадлежит одной конфессии, а часть — другой. (Это проклятье!) Моя евангельская вера никогда не побудит меня ссориться с христианином другого убеждения. Розы распространяют свой аромат в каждой стране, хотя их и называют везде по-разному. Так же должно быть и с христианами.

Я оставила свободный Израиль, свободный, хотя и окружённый врагами, которые должны научить меня ценить врагов нашего служения: именно им оно обязано своим процветанием. Мечта сионистов сбылась: мои еврейские друзья по тюрьме страдали не напрасно. Их мечта — и моя мечта, я чувствую себя единой с ними, ибо христианство научило меня больше любить свой народ и трудиться для его блага.

Однако мои друзья даже не догадывались о том, что в других странах, благодаря нашему могучему еврейскому народу, Бог также выполняет Свою работу. Борис Пастернак, еврей, рискуя всем, что он имел, даже собственной жизнью, вернул обратно в русскую литературу Иисуса, отправленного в ссылку после коммунистической революции. Даниэль и Гинзберг, еврейские писатели, а также Литвинов, еврейский политический деятель, сели за решетку за свободу России. Там евреи возглавили борьбу против коммунизма. Два православных священника (оба еврейского происхождения) осмелились протестовать против сотрудничества патриархии с советским правительством. Величайший герой румынской подпольной церкви, Милан Хаймовичи, также был евреем. Он пережил семь лет тюрьмы и пыток... Как ча-

сто я проводила ночи с его женой, Моникой, разговаривая о наших исчезнувших мужьях. Он считался одним из лучших пасторов и проповедников в Румынии. Лютеранская церковь наградила его: он стал завхозом церковного здания в Западной Германии. Его просто нужно было заставить молчать...

Бог вернул Израиль обратно евреям. Он даст им и великих людей, преданных Христу, Царю Иудейскому.

А я опять возвращаюсь к своей работе. Работе контрабандиста. (Это было бы нехорошим словом, если бы контрабандным товаром были не Библии.) Работе по помощи семьям христианских мучеников и подпольным пасторам. Работе по борьбе с антихристианским влиянием на молодёжь Запада.

С каждым днём этой работы становится всё больше. В настоящее время известны имена множества мучеников, и дети во всем мире, ложась спать, возносят их к Богу в своих молитвах. Будут ли эти молитвы услышаны?

Будучи женой пастора, я часто рассказывала детям историю о мальчике, который стоял на берегу и махал кораблю, плывущему в открытом море. Человек, стоящий рядом с ним, сказал, смеясь:

— Не будь глупцом. Корабль не изменит свой курс только потому, что ты машешь ему!

Но корабль развернулся и направился к берегу. Мальчик поднялся на борт и крикнул:

— Господин, я не глупец. Просто капитан — мой отец!

Мы также знаем, что Тот, Кто управляет Вселенной, является нашим Отцом и что Он слышит наши молитвы.

Другие книги, изданные «Голосом мучеников»

«Пытаемы за Христа»

Книга Ричарда Вурмбранда *«Пытаемы за Христа»* была написана сразу же после его освобождения из румынской коммунистической тюрьмы, где он провёл четырнадцать лет. Она была написана чернилами и слезами. Бог благословил это свидетельство пастора и использовал для достижения Своей цели. Мы не перестаём удивляться тому, как Бог и ныне использует это свидетельство для укрепления Тела Христова.

Книга не только рассказывает об обстоятельствах жизни пастора, который страдал от рук жестокого коммунистического режима, она описывает веру и стойкость человека, который полностью посвятил себя Христу и стремился рассказать истину окружающим. Именно эта истина живо встаёт на каждой странице, изменяя мышление христиан в разных странах мира и напоминая им, что даже сейчас братья и сестры терпят невыносимые страдания и умирают за своё *свидетельство* о жизненной силе Иисуса Христа.

Юбилейное издание *«Пытаемых за Христа»,* приурочено к 30-й годовщине со дня первого выхода книги в свет, доступно на русском и украинском языках.

«Новая книга мучеников Фокса»

В своей «Книге мучеников Фокса» Джон Фокс начал увековечивать память мучеников, начиная со Стефана, который первым умер за Христа, и заканчивая своими современниками, убитыми во времена правления Марии Кровавой. Он осознавал угрозу, которую таило в себе предание забвению святых и безразличность к их страданиям.

«Новая книга мучеников Фокса» — новое дополненное издание «Книги мучеников Фокса», состоящее из историй о жизни первых христиан-мучеников и последующих мучеников вплоть до XXI века, новых фоторепортажей о жизни преследуемой церкви и исторических очерков.

Книга доступна на русском языке.

«Необычайное посвящение»

Книга «Необычайное посвящение» рассказывает о тех, кто страдает за веру во Христа в современном мире. О тех, кто подвергается гонениям, о людях, живущих в разных государствах с разным общественным строем, принадлежащих к разным культурам и конфессиям, которых объединяет необычайное посвящение Христу.

Верные Богу люди, о которых вы узнаете из книги «Необычайное посвящение», — не жертвы, а победители. Одни из них — ученики Иисуса, другие — мученики современности. Их гонители — римляне и румыны, коммунисты и мусульмане. Но каждый из них — пример для нас необычайного посвящения Христу. Вера Божьих детей, истории о которых вы найдете на страницах этой книги, превзошла основной человеческий инстинкт — инстинкт самосохранения.

Книга доступна на русском и украинском языках.

«Пламенные сердца»

Книга «Пламенные сердца» посвящена восьми бесстрашным христианкам, среди которых: вьетнамская девушка, готовая пожертвовать своей свободой, чтобы на коммунистической родине вещать людям Благую Весть; австралийская миссионерка, которая проповедует в Индии прощение после того, как сантальские религиозные фанатики заживо сожгли её мужа и сыновей; жительница Ленинграда, ценой личной свободы передающая за рубеж сведенья о заключённых за веру христианах, чтобы церковь в свободных странах могла молиться и ходатайствовать о них; жена румынского пастора, которая, оставив малолетнего сына, последовала в тюрьму за своим мужем, несшим

служение румынским христианам и обращавшим ко Христу солдат советских войск, — эти и другие женщины превозмогли чрезвычайные трудности и стали лидерами и служителями подпольной церкви в различных уголках планеты.

Вашему вниманию представлены реальные истории о восьми бесстрашных женщинах, героинях веры, так похожих на бессчетное количество женщин во всем мире, которые сталкиваются с подобными ситуациями и мужественно преодолевают их. Их примеры веры и духовной силы вдохновят Вас следовать за Христом с сердцем, пылающим огнем любви и верности Господу, чего бы это ни стоило.

Книга доступна на русском и украинском языках.

«Пусть воды шумят. Христиане в ГУЛАГе»

Георгий Винс (1928–1998) — составитель этой книги свидетельств — за проповедь Евангелия был заключен на восемь лет в Советском Союзе. В апреле 1979 года, во время своего десятилетнего наказания по приговору, пятидесятилетнего Винса вдруг лишили советского гражданства и выслали в США в рамках программы обмена заключёнными между двумя странами. Когда в 1979 году его выдворили в Соединенные Штаты, его братья, евангельские христиане-баптисты, назвали его своим послом на Западе.

Пастор Винс основал Зарубежное представительство, служение которого заключалось в том, чтобы представлять, защищать и помогать преследуемой церкви в СССР. Его ежеквартальный журнал «Бюллетень узника» стал голосом угнетённых верующих. Путешествуя по всему миру, Винс рассказывал о положении христиан в СССР и повсюду призывал христиан ценить свою свободу, бережно относиться к своим Библиям и следовать за Иисусом Христом, невзирая на то, чего это может стоить.

Книга доступна на русском языке.

«Рубежи детства»

Книга «Рубежи детства» — автобиографическая книга, в которой Наталья Винс повествует о своей жизни, жизни своего отца, своей семьи, о жизни и гонениях христиан в СССР.

Книга напоминает нам о необходимости помнить и молиться об узниках за веру во Христа.

Книга доступна на русском языке.

«В поисках истины»

Книга рассказывает о жизни новообращённых из ислама христиан, которые в поисках истины пришли ко Христу.

Прочитайте восемь захватывающих историй о том, как современные египетские мусульмане приходят к познанию Христа. Узнайте о том, как мусульманин, преследовавший христиан, познав Христа, изменил своё имя на Павел; о девушке, которая искала Христа, несмотря на избиения отца за то, что она задавала духовные вопросы; об исламском миссионере, который обрёл истинный мир только после того, как познал истинного Бога.

Книга доступна на русском и украинском языках.

«От Савла к Павлу: от гонителя Христа до Его последователя»

Любовь Христа, которая преображает каждого верующего, может мощно действовать в наиболее закаменевших сердцах. В книге *«От Савла к Павлу»* собраны свидетельства семи наших современников — бывших гонителей христиан, пришедших к познанию Христа. Как ясно показано в Библии, когда «Савл» превращается в «Павла» и становится активным свидетелем Христа, Божье Царство распространяется в геометрической прогрессии. Ваша молитва о нашей преследуемой христианской семье изменится коренным образом, когда вы прочитаете

свидетельства людей, которые выбирают благословить, а не проклинать тех, кто желает им зла. Эти истории также помогут вам пересмотреть своё отношение к вашим врагам и задуматься над тем, каким образом изменится Царство Божье, если ваши гонители обратятся ко Христу и будут вовлечены в исполнение Его Великого поручения.

«Голос мучеников» располагает множеством книг, видеофильмов, брошюр и других материалов, которые помогут вам больше узнать о гонимой церкви Божией.

Подписка на бесплатный ежеквартальный бюллетень «Голос мучеников» — info@vom-ru.org

Больше информации о преследованиях христиан в разных странах мира — www.vom-ru.org

Информация о гонимой церкви для детей — www.deti-otvagi.org

Жена пастора
Об авторе

Сабина Вурмбранд (1913–2000) была женой пастора Ричарда Вурмбранда и соучредителем миссии «Голос мучеников». Сабина родилась в семье ортодоксальных евреев на территории нынешней Украины и на протяжении двух лет изучала химию в парижской Сорбонне. После переезда на работу в столицу Румынии, Бухарест, она познакомилась со своим будущим мужем. В 1936 году они поженились.

Через несколько месяцев после свадьбы еврейская пара встретила плотника-немца, подарившего им Библию и призвавшего прочесть о самом известном в мире еврее, Иисусе Христе. Ричард и Сабина уверовали, приняли крещение и стали членами церкви, основанной «Англиканской миссией евреям» в Бухаресте. Их единственный сын, Михай, родился в 1939 году.

Во время нацистской оккупации Румынии в 1940–1943 гг. родители Сабины, две сестры и один из братьев были убиты в нацистских концентрационных лагерях. С 1940 по 1945 год Сабина и Ричард, свободно владеющие многими языками, вели насыщенную, запрещённую в то время миссионерскую деятельность. Во время войны они тайно вывозили из гетто еврейских детей, проповедовали в бомбоубежищах и несколько раз были арестованы за проведение подпольных христианских мероприятий. Сабине и её мужу удалось избежать смертного приговора благодаря вмешательству главного редактора центральной газеты Румынии, а также интересу, проявляемому к ним видными религиозными руководителями.

Вскоре после окончания Второй мировой войны Сабина на крыше поезда отправилась в Будапешт, заполненный советскими войсками, чтобы тайно ввезти еду и предметы первой необходимости, в которых так нуждались беженцы, живущие в Венгрии. Со вторжением в Румынию миллиона российских солдат миссионерское служение Сабины и Ричарда значительно расширилось. Во время Второй мировой войны

в своём доме они скрывали не только евреев от нацистов, но, ближе к концу войны, и своих врагов, немцев, когда советские войска охотились на них на улицах, как на крупный рогатый скот.

По мере того, как коммунисты пытались получить полный контроль над церковью, чтобы использовать её в своих собственных целях, Ричард и Сабина начали своё подпольное служение порабощённым румынам, а также оккупационным советским войскам. Тайно Вурмбранды напечатали свыше миллиона Евангелий на русском языке, наряду с более 100 тысячами других книг, которые они, вместе с другими христианами, распространяли в кафе, парках, на вокзалах и даже в казармах — в любых местах, где только можно было встретить советских солдат.

В 1946 и 1947 годах в румынских горах были организованы два христианских летних лагеря, в которых приняли участие сотни верующих, где Сабина проводила ежедневное изучение Библии. Она также проводила уличные собрания, во время которых собиралось более 5 тысяч человек. Сабина, отличный организатор и оратор, сыграла важную роль в формировании еврейско-христианской общины Бухареста, состоявшей из свыше тысячи членов.

Их служение было настолько эффективным, что в 1948 году Ричард был арестован коммунистическим правительством. После его ареста Сабина начала новое служение поддержки и ободрения молодых служителей по всей стране, способствовавшее продолжению проведения подпольной христианской работы.

В 1951 году Сабина также была арестована и провела в трудовых лагерях и тюрьмах Румынии три года. Во время своего заключения она была неутомимым свидетелем Иисуса Христа, рассказывала заключённым и сотрудникам мест лишения свободы о своей вере и поддерживала других заключённых.

В 1966 году, после освобождения Ричарда, подпольная церковь приняла решение отправить семью из Румынии. На протяжении оставшихся 32 лет своей жизни Сабина путешествовала, посетив большую часть стран свободного мира, где выступала на многочисленных встречах, закладывая фундамент вновь созданной ими миссии для гонимой церкви — «Голоса мучеников».

«Голос мучеников» – некоммерческая христианская организация, несущая служение христианам, преследуемым за веру. «Голос мучеников» помогает детям Божьим, которые живут в странах, враждебно относящихся к Евангелию, таких как исламские, индуистские и коммунистические. Организация, основанная в 1967 г. румынской четой Ричардом и Сабиной Вурмбранд, отбывавшими тюремное наказание за веру, имеет сеть офисов по всему миру и воплощает видение Вурмбрандов по осведомлению христианской общественности в свободных странах о бедственном положении гонимой церкви и содействию преследуемым братьям и сестрам.

Просим вас присылать нам свои комментарии, материалы и фотографии о том, как эта книга повлияла на вас лично, на ваших друзей, вашу молитвенную группу, а также о том, как вы использовали её. Без обратной связи с вами — теми, кто читает наши молитвенные бюллетени, книги и другие материалы, — мы не знаем, как Господь использует их. Мы очень ценим ваши отзывы. Они чрезвычайно важны для нашего служения. Пишите нам!

Книга создана на пожертвования христиан и не предназначена для продажи. О случаях продажи просим сообщать по указанному ниже адресу.

Подписаться на наши материалы можно по адресу:
а/я — 6
33024, Ровно,Украина
info@vom-ru.org
Посетите наши русскоязычные сайты:
для детей — deti-otvagi.org.
для взрослых – www.vom-ru.org

Все материалы «Голоса мучеников» распространяются бесплатно и не подлежат продаже.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая 3
Глава 1 Встреча Советской Армии 5
Глава 2 Террор 21
Глава 3 Исчезновение Ричарда 37
Глава 4 Мой арест 48
Глава 5 Джилава 68
Глава 6 Моё обращение 84
Глава 7 Обещания 92

Часть вторая 99
Глава 8 Канал 101
Глава 9 Карцер 120
Глава 10 Лагерь К4: зима 127
Глава 11 Дунай 144
Глава 12 Лагерь К4: лето 152
Глава 13 Равнина Бэрэган 164
Глава 14 Поезд 175
Глава 15 Тиргусор 185
Глава 16 Свиноферма 191

Часть третья 203
Глава 17 Снова дома 205
Глава 18 Подпольная церковь 222
Глава 19 Отражая нападения 241
Глава 20 Новый террор 258
Глава 21 На свободу 276
Эпилог 287

Жена пастора

В 1948 году, когда советская пропаганда утверждала, что за железным занавесом свободно проводятся христианские богослужения, в Румынии коммунисты арестовали пастора Ричарда Вурмбранда за проведение им подпольных христианских мероприятий. «Жена пастора» — это подлинная история жизни Сабины Вурмбранд, повествующая о её труде по поддержке подпольной христианской церкви в разных странах мира. Правда состоит в том, что и в наше время коммунисты не могут смириться с существованием истинного христианства, поэтому до сих пор преследуют и убивают верующих во Христа.

— Одевайтесь!

Нам пришлось одеваться в присутствии шести мужчин, топчущихся по нашим вещам. Время от времени они покрикивали, чтобы поддерживать друг друга в проведении этого бессмысленного обыска.

— Так ты не признаешься, где вы прячете оружие? В таком случае мы разнесём этот дом на части!

— Единственное оружие, которое мы имеем в доме, — ответила я, — находится здесь, — и вытянула из-под его сапога Библию.

Толстошей заревел:

— Ты пойдешь с нами!

Я положила Библию на стол и попросила:

— Пожалуйста, дайте нам несколько минут, чтобы помолиться. А тогда я пойду с вами.